№ 12 (83) 2010 Выпуск 6

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит

в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный университет. Издательство БелГУ

доктора и кандидата наук

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ N^{o} Φ C 77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

Пересыпкин А.П.

проректор по научной работе Белгородского государственного университета, кандидат педагогических наук

Ответственные секретари

Московкин В.М.

доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики Белгородского государственного университета

Боруха С.Ю.

доцент кафедры педагогики Белгородского государственного университета, кандидат педагогических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика Психология

Belgorod State University Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy Psychology

Содержание

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Причинность в языкознании как отражение философской категории каузальности. *А.М. Аматов* 5

Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования. *Е.А. Кожемякин* 13

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Критический этюд Ю.Н. Говорухо-Отрока «В.Г. Короленко». *И.И. Кулакова* **22**

Диалог классицизма и романтизма в раннем творчестве А.С. Пушкина (к проблеме становления художественного метода писателя). **В.В. Липич** 31

Смысл «сомнение» и речевая ситуация относительной достоверности как отражение фактора антропоцентризма в концептосферах говорящего и адресата.

И.А. Нагорный 42

Дневник как жанр в аспекте лингвоаттрактивистики. **В.К. Харченко 49**

Внутрисловная и межсловная мотивация у многозначных имён прилагательных русского языка.

Г.М. Шипицына 56

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

К вопросу о переключении кодов. **Ж. Багана**, **Ю.С. Блажевич 63**

Вариативность английских личных имён в плане выражения. *С.И. Гарагуля* 69

Главный редактор

Короченский А. П.

доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Заместители главного

редактора

Нагорный И.А.

доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Прохорова О. Н.

доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Исаев И. Ф.

доктор педагогических наук, профессор ((Белгородский государственный университет)

Исаева Н. И.

доктор психологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Консультант

Кожемякин Е.А.

кандидат философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Ответственный секретарь

Хмеленко Э.В.

зав. кабинетом периодической печати факультета журналистики (Белгородский государственный университет)

Оригинал-макет Э.В. Хмеленко, А.А. Махова

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 15.06.2010 Формат 60×84/8 Гарнитура Georgia, Impact Усл. п. л. 19,64 Тираж 1000 экз. Заказ 105

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать» - 81470, в объединенном каталоге «Пресса России» - 39723

Оригинал-макет тиражирован в издательстве Белгородского государственного университета Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Аналитические средства выражения предельности/непредельности глагольного действия (на материале французского языка). С.А. Моисеева, М.Ю. Никитина **76**

Концептуальная метафора society is a body как одно из средств репрезентации концептосферы society в английском языке. О.Н. Прохорова, О.В. Афанасьева

Категории ВРЕМЕНИ и ПРОСТРАНСТВА как отражение онтогенеза и филогенеза ценности и ценностного отношения. И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Понимание газетного текста в свете лингвистического эксперимента. А.А. Махова 100

Приёмы создания концепта «другие» в философской публицистике Ф.М. Достоевского. В.Ю. Меринов

Концепт «Россия» в современном медийном дискурсе (на материале журнала «Родина» за 1999-2009 гг.). А.В. Полонский, Е.С. Абрамова

ПЕДАГОГИКА

К вопросу о формировании музыкально-эстетической культуры студентов в воспитательном пространстве вуза. **Л.И. Арштейн** 127

Создание учебно-воспитательных учреждений для подготовки людей «третьего чина» в ходе образовательных реформ Екатерины II. **А.М. Болгова**

Стандартизация учебной литературы средней школы по критерию удобочитаемости. Я.И. Попова, Е.В. Шишкевич 142

ПСИХОЛОГИЯ

Личностные новообразования критических периодов детства. *Л.И. Бершедова* 148

Особенности представлений студентов-психологов об эмоциональных переживаниях человека.

Е.В. Богданова 155

Сведения об авторах

Информация для авторов 162

№ 12 (83) 2010 Issue 6

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod State University"

Publisher:

Belgorod State University BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media Π U Nº Φ C 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.J. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of Sociology, professor

Deputy editor-in-chief

A.P. Peresypkin

Vice-rector for scientific research of Belgorod State University, candidate of Pedagogical Sciences

Assistant Editor

V.M. Moskovkin

Doctor of Geographical Sciences, professor of world economy department, Belgorod State University

S.Yu. Borukha

Associate professor of Pedagogics department of Belgorod State University, candidate of Pedagogical Sciences

Editorial board of journal serie

L.J. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of Sociology, professor

Chief editor of journal serie

A.P. Korochenskiy

Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod State University)

Deputies of chief editor:

I.A. Nagorny

Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod State University)

Belgorod State University Scientific bulletin

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика Психология

Contents

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE HUMANITIES

The Way Linguistic Causality Mirrors the Philosophic Category. *A.M. Amatov* 5

Mass Communication and Media Discourse: Towards Methodology. *E.A. Kozhemyakin* 13

RUSSIAN PHILOLOGY

Critical Sketch of Y.N. Govorukho-Otrok «V.G. Korolenko». *I.I. Kulakova* 22

The Dialogue of Classicism and Romanticism in the Early Works of A.S. Pushkin (on the Problem of Formation of Writer's Artistic Method). *V.V. Lipich* 31

Meaning "Doubt" and the Speech Situation of the Relative Certainity as the Reflection of Anthropocentrism Factor in Concept-Spheres of a Speaker and an Addressee.

I.A. Nagorny 42

Diary as a Genre: Lingvoattractivistic Aspect.

V.K. Kharchenko 49

Intraword and Interword Motivation of Russian Multiform Adjectives. *G.M. Shipitsina* 56

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

On the Question of Code Switching. *J. Baghana*, *Y.S. Blazhevich* 63

Variability of English First Names in the Plane of Expression. *S.I. Garagulya* 69

Analytic Devices of Limit / Unlimit of Verbal Action (on the material of the French language). **S. A. Moiseeva**, **M.Y. Nikitina** 76

O.N. Prohorova

Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod State University)

I.F. Isaev

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod State University)

N.I. Isaeva

Doctor of Psychological Sciences, Professor (Belgorod State University)

Consultant

E.A. Kozhemyakin

Candidate of Philosophical Sciences (Belgorod State University)

Responsible secretary

E.V. Khmelenko

Head of the periodicals office of the Faculty of Journalism (Belgorod State University)

Dummy layout by E.V. Khmelenko, A.A. Mahova

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 15.06.2010 Format 60×84/8 Typeface Georgia, Impact Printer's sheets 19,64 Circulation 1000 copies Order 105

Subscription reference in Rospechat' agency catalogue – 81470, In joint catalogue Pressa Rossii – 39723 Dummy layout is replicated at Belgorod State University Publishing House Address: 85, Pobedy Str., Belgorod, Russia, 308015 Conceptual Metaphor "Society is a Body" Representing Conceptosphere Society in the English Language.

O.N. Prokhorova, O.V. Afanasyeva 86

The Categories of TIME and SPACE as the Reflection of the Ontogenesis and Phylogenesis of Value and Value-Relation. *I.V. Chekulai, O.N. Prokhorova* 92

JOURNALISM AND PR

Comprehesion of the Newspaper Text through the Linguistic Experiment. *A.A. Mahova* 100

Receptions of Concept «Others» in Philosophical Publicism of F.M. Dostoevsky. *V.Y. Merinov* 107

Concept «Russia» in the Modern Media Discourse (on the Material of Magazine «Rodina», 1999 – 2009). *A.V. Polonsky, E.S. Abramova* 119

PEDAGOGICS

On The Students' Musical-Aesthetic Culture Shaping In The College/University Educational Environment.

L. I. Arstein 127

Creation of Teaching and Educational Institutions for the Training of "the Third Rank" People During the Educational Reforms by Catherine II. *A.M. Bolgova* 133

Standardization of Educational Literature for Secondary School by the Readability Criterium. *Y.I.Popova*, *E.V. Shishkevich* 142

PSYCHOLOGY

Personal New Growths of the Critical Periods of the Childhood. *L.I. Bershedova* 148

Specifics of Psychology Faculty Students' Representations of Personal Emotional Experiences.

E.V. Bogdanova 155

Information about Authors 160

Information for Authors 162

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 811

ПРИЧИННОСТЬ В ЯЗЫКОЗНАНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ КАУЗАЛЬНОСТИ

А. М. Аматов

Белгородский государственный университет

e-mail: amatov@bsu.edu.ru В статье изложен лингвистический подход к общефилософской категории каузальности. Показано, что каузальность в языкознании правомерно рассматривать как частный случай философской категории причинности. Дано определение каузальной конструкции в естественном языке.

Ключевые слова: каузальность, импликация, пропозиция, лингвистика, философия.

По самой своей сути, каузальность в языкознании является «калькой» с философской категории причинности, однако целый ряд особенностей не позволяет говорить о тождественности этих понятий в рамках двух областей знания. Дело в том, что каждое понятие в процессе своего практического употребления «флуктуирует», то есть расширяет и сужает границы своего значения. Как утверждает В.Я. Перминов, «бесчисленные нюансы в употреблении живого понятия в речи зачастую просто неуловимы, и мы не должны стремиться к тому, чтобы это сделать в определении. Когда речь идет об определении философской категории, задача состоит в том, чтобы схватить некоторое её ядро, её генетический центр» [8: 41-42].

Примером подобной флуктуации значения может служить и само русское слово «причина». Так, согласно А.А. Потебне, «русское причина есть причиняющее (nom agentis), причинение (совершение действия), причинённое (совершённое, сделанное); отражение действия на предмете имеет причиною действие субъекта» [9: 7]. Действительно, изначально слово причина подразумевало именно действие, причём, наверняка фактитивное. Однако высказывание типа Пропасть стала причиной остановки воспринимается нами как совершенно нормальное с любой точки зрения — и лексической, и грамматической. Разумеется, здесь не идёт речи о том, что пропасть совершила какое-то действие. Просто в сознании современного человека понятие причины далеко не всегда ассоциируется с активным началом, действием.

В вопросе о языковом статусе причинности мнения исследователей расходятся. Иногда причинность называют языковой категорией, что само по себе весьма спорно. Так, А.П. Комаров определяет каузальную связь как «лексико-синтагматическую категорию немецкого языка» [5]. В противоположность такому взгляду Л.Д. Тарасова ут-

верждает, что «... причинность является одной из основных бытийных, универсальных категорий... Причинность, как одна из основных понятийных категорий, выражается в языке при помощи лексических, синтаксических, словообразовательных, морфологических и других средств, образуя в языке функционально-семантическое поле причинности» [12: 55]. Безусловно, следует согласиться с Л.Д. Тарасовой в том, что причинность — одна из основных бытийных и понятийных категорий, добавив при этом, что причинность также важнейшая гносеологическая категория. Однако действительно ли причинность следует исключить из числа категорий языка? Попробуем разобраться, является ли причинность собственно лингвистической категорией или в языке это всё же совокупность способов выражения наиболее общего принципа связи явлений.

Для начала определимся с понятием «языковая категория». В лингвистическом энциклопедическом словаре даётся следующее определение: «Категория языковая – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства». На таком основании функционально-семантическое поле причинности вполне подпадает под определение языковой категории. Далее, понятийная категория, по определению, «замкнутая система значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения» (Языкознание БЭС).

Очевидно, причинность подпадает и под определение понятийной категории, но здесь необходимо учесть тот факт, что в некоторых языках каузальность выступает как грамматически связанное значение и, соответственно, попадает в разряд даже не лексико-семантических, а грамматических категорий. Например, в ряде языков есть падежные формы каузатива, каузативные аффиксы или специфические модели каузативного предложения. Поэтому мы, признавая за причинностью статус бытийной, гносеологической и понятийной категории и рассматривая её как функциональносемантическое поле, не можем полностью исключить каузальность и из числа собственно языковых категорий.

Многие философы и лингвисты обращают внимание на вопрос о роли истории языка как средства для исследования тех или иных философских понятий и категорий, в том числе и каузальности. Зачастую развитие понятия причинности анализируют, исследуя этимологию слов, выражающих причинность, и таким образом получают возможность выделить этап, на котором произошло становление данного понятия в мышлении человека. Например, санскритское hetu (причина) связано с hinoti (приводить в движение, побуждать, заставлять; бросать, швырять, кидать; помогать, содействовать). Древнегреческое аны производно от прилагательного анос, первоначальное значение которого – имеющий долю, часть в чём-то. Латинское саиза связывают с cudo (бить, ударять; колотить; толочь; чеканить). Исходное же значение слова саиза реконструируется следующим образом – удар как основание для судебного дела. С глаголом cudo через посредство латинского существительного саиза связаны слова, обозначающие понятие причины во многих языках романской группы, а также в английском: итальянское саиза, французское саизе, румынское саиза, английское саизе [7: 16-17].

Таким образом, философское определение, как правило, абстрактно и не призвано охватывать абсолютно все (зачастую изменчивые) варианты понятия. Язык же обслуживает абсолютно все сферы общественной жизни, поэтому может выражать как абстрактные понятия, так и конкретные связи между событиями, в том числе и причинно-следственные.

Очевидно, формирование понятия причинности в сознании человека происходит в практической деятельности последнего, а не в результате пассивного созерцания разнообразных форм связи окружающих предметов и явлений, что противоречит утверждениям Д. Юма и в целом соответствует тезису Ф. Энгельса: «Благодаря деятельности человека и обосновывается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого» (Энгельс, 1961: 545).

К аналогичному выводу, в частности, приходит и О.В. Маслиева, основываясь на результатах исследования каузальной лексики в языках различных групп. Вероятно, данное положение является вполне обоснованным, однако нас больше интересует другое: найти точки соприкосновения и различия между каузальностью как философским понятием и обыденными представлениями человека о причине, что чаще всего и находит отражение в языковых каузативных конструкциях.

В 20-е годы XX столетия американский философ Курт Дюкасс выдвинул сингуляристскую концепцию причинности, которая достаточно подробно изложена в книге Г. фон Вригта [18]. Суть концепции сводится к следующим положениям:

- 1. Философский анализ понятия причинности должен ориентироваться на общий смысл, т. е. понятие причинности должно быть зафиксировано в «реальном контексте».
- 2. Понятие причинности, как оно употребляется в обыденном языке, относится, прежде всего, к единичным явлениям. Нас интересует причина какого-то определённого события вне зависимости от того, повторяется оно или является совершенно уникальным в мировой истории. Причинная связь должна быть определённа по отношению к конкретной системе условий. Регулярность следования лишь возможное следствие причинной связи, но не её суть.
- 3. Если дана некоторая система условий S, то под причиной события B во время t_2 следует понимать то единственное изменение A в системе S, которое случилось во время t_1 , непосредственно перед возникновением события B. Такое определение причиной связи наилучшим образом соответствует обыденному пониманию причины в той или иной конкретной ситуации. Если автомобиль остановился, то шофёра интересует то конкретное изменение, которое произошло в моторе и отличает движущийся автомобиль от его настоящего состояния.
- 4. Неверно, что критерии выделения причинно-следственной связи предполагают многократное наблюдение соответствующей последовательности событий в опыте. Единичного наблюдения во многих случаях бывает вполне достаточно для установления причинно-следственной связи. В основе каузальной связи лежит онтологическая необходимость. В своём повседневном опыте мы постоянно наблюдаем именно необходимость онтологического, а не логического порядка. «Когда палач отрубил голову королю..., пишет Дюкасс, то для ближайших наблюдателей было бы неразумно сомневаться, что удар топора был необходимой причиной смерти короля».

Среди современных философов преобладает негативная оценка позиции Дюкасса. Особое нарекание вызывает тезис о непосредственно предшествующем любому событию единственном изменении в ситуации, которое весьма неопределённо: практически всегда мы имеем бесконечное множество изменений в ситуации, предшествующей любому событию [8: 60].

Нас, однако, в теории Дюкасса, прежде всего, привлекает тот момент, что автор апеллирует к понятиям «реальный контекст», «обыденный язык», «обыденное понимание». Ведь именно на основе этих понятий мы, как правило, строим высказывания с каузативным значением. Очень редко, если не брать в расчёт научную речь, говорящий стремится обосновать причину того или иного явления логически, на основе регулярности следования. В обыденной речи, говоря о причине, мы подразумеваем причины видимые (prima facie), непосредственно связанные с наблюдаемым изменением. Поэтому в нашей работе словом «причина» мы обозначим такое явление, которое именно говорящий считает стимулом, причиной изменения, пусть она и не обязательно будет логически обоснованной.

Так, в предложении Дождь заставил её вернуться под причиной мы будем понимать дождь — то есть событие, непосредственно предшествующее действию она вернулась и онтологически с этим действием связанное. Реально причиной может стать что-то ещё (человек изначально не желал никуда идти и дождь — скорее повод и т. п.), однако в подобных случаях причина зависит в основном от определённых, сло-

жившихся на данный момент условий. Учесть все эти условия мы зачастую бываем просто не в состоянии. Более того, попытка установить истинную причину того или иного объективного явления, лежащего вне сферы языка, может далеко увести нас от анализа конкретного языкового материала. В этих условиях нам представляется целесообразным дать другое, отличное от общефилософского, определение причинноследственной связи.

Таким образом, под *причиной* в общем виде подразумевается какое-либо вмешательство в «нормальный» ход событий (не обязательно действие), а под *следстви*ем – изменение исходного состояния той или иной системы, следующее за этим вмешательством, но никак не предшествующее ему.

Известно множество определений каузальной конструкции в языке. Здесь мы приведём лишь некоторые из них, выражающие, пожалуй, наиболее радикальные взгляды на каузальные языковые структуры. Так, многие лингвисты (Т.Б. Алисова, Е.И. Шендельс, С.Д. Кацнельсон) значительно сужают рамки каузальной связи и употребляют этот термин для обозначения далеко не всех построений, выражающих причинноследственные отношения. Так, по мнению Т.Б. Алисовой, каузальной следует считать такую ситуацию, в которой активный субъект совершает «намеренное целенаправленное усилие», вызывающее «определённые изменения в признаках объекта» [1].

Аналогично Е.И. Шендельс полагает, что каузальность может иметь место только тогда, когда есть «проявление чужой воли» [13].

С.Д. Кацнельсон ещё более сужает рамки каузальности: по его мнению, это взаимодействие двух активных личных партнеров, из которых один побуждает или вынуждает другого совершить какое-либо осознанное действие. Ситуации, в которых действие совершается объектом каузации неосознанно, а также те, в которых имеет место воздействие человека на предметы или явления неживой природы или наоборот, С.Д. Кацнельсон каузальными не считает. Так, предложение Огонь заставил противника залечь рассматривается как каузативная конструкция, поскольку речь в нём идёт о фактитивном осознанном воздействии (огонь, стрельба). Но вот в предложениях Дождь заставил его вернуться (осознанное действие объекта вызвано неличным субъектом) или Шорох заставил её вздрогнуть (неличный субъект порождает неосознанное действие объекта) автор усматривает лишь причинный компонент, но не считает такие конструкции каузативными, поскольку «каузальность и причинность – совсем не одно и то же» [4: 85 – 87].

Подобное сужение поля каузации представляется нам не вполне оправданным, поскольку связь, на самом деле, не перестаёт быть каузальной оттого, что причина не связана с целенаправленным усилием, проявлением чужой воли или не является осознанным воздействием, а следствие носит характер инстинктивной или даже вообще неосознаваемой реакции.

Впрочем, С.Д. Кацнельсон, как мы видели, вообще разделяет понятия причинности и каузальности, которые в философии тождественны. Каузальность, по С.Д. Кацнельсону, это сознательное взаимодействие двух личных агентов, а причинность в целом – любое обусловленное чем-либо действие. Как в этой связи не вспомнить Ф. Энгельса, который утверждал, что «Только исходя из универсального взаимодействия мы приходим к действительному каузальному отношению» [14: 546].

Большинство определений каузальной конструкции в языке всё же трактуют каузальность шире, отождествляют её с причинностью, опираясь на классическую философскую модель, где каузальность характеризуется как устойчивая генетическая связь явлений, из которых одно, причина, порождает или изменяет другое, следствие. Причина часто рассматривается как активное начало, а следствие — как пассивное, что, как уже говорилось, не всегда оправдано применительно к каузальным построениям в речи. Да и в самой философии такой взгляд часто подвергается критике, поскольку в нём не учитывается обратная связь между причиной и следствием.

Так, М.С. Таненцапф определяет каузативное действие как причину, которая влечёт за собой действие – изменение в предмете. Содержание причины определяет в большей или меньшей степени содержание следствия [11].

Г.Г. Сильницкий охарактеризовал каузативную ситуацию как содержащую, по меньшей мере, два состояния, связанных отношением каузации, отображающим причино-следственное отношение между соответствующими атрибутами на референтном уровне [10]. Выделяется, соответственно, два состояния: антецедентное (причины, воздействия) и терминальное (следствие). При этом объект каузативной связи выступает как носитель и одного, и второго: он испытывает воздействие, в результате которого он переходит из исходного состояния (которое остается за временными рамками ситуации) в противоположное, терминальное. Субъект же определяется как актант, который оказывает и тем самым побуждает или вынуждает (каузирует) терминальное состояние объекта, хотя сам носителем этого состояния не является. Центральную роль в каузативной ситуации, следовательно, отводится объекту. При этом субъект, по мнению Г.Г. Сильницкого, играет в каузативной конструкции лишь периферийную роль.

Склоняясь в целом к широкому толкованию каузальности, основанному на классической философской формуле, мы не можем не отметить того, что многие разночтения в определении каузальной конструкции связаны, скорее всего, не с принципиальными расхождениями во взглядах на причинность, а в разделении понятий «причинность» и «каузальность» некоторыми авторами. В таком случае просто получается, что каузальность — это не что иное, как частный случай, один из видов причинно-следственных отношений, т.е. понятие каузальности включено в более обширное по объёму понятие причинности.

Мы же будем исходить из того, что эти понятия суть тождественны и любую языковая единицу или структуру, выражающую причинно-следственные отношения, будем считать каузальной. Сошлёмся на определение двух признаков каузального высказывания, которое даёт М. Сибатани [17: 1-2].

- 1. Отношение между двумя событиями таково, что *говорящий уверен* (выделено нами), что «каузируемое событие» произошло в момент t_1 , который следует за моментом t_2 , т. е. временем «каузирующего события».
- 2. Отношение между каузирующим и каузируемым событиями таково, что говорящий уверен (выделено нами), что наступление каузируемого события целиком зависит от наступления каузирующего события; эта зависимость такова, что внушает говорящему уверенность, что каузируемое событие не произошло бы именно в то самое время, если бы не произошло каузирующее событие, при условии, что другие события остались бы прежними.

В данном определении основной акцент делается не на тот или иной формальный аспект причинно-следственных отношений, а на оценку говорящим определённой ситуации, которая, при соблюдении указанных условий, может считаться каузальной – речь идёт, по сути, о субъективном отражении необходимости и достаточности. Следует лишь добавить, что говорящий, произнося то или иное каузальное высказывание, вовсе не обязательно «уверен», что говорит о каузирующем и каузируемом событиях. Однако автор, по-видимому, сознательно не включил в определение случаи намеренной лжи – его вообще избегают многие лингвисты. Если же заменить слова «говорящий уверен» на «говорящий утверждает» или «говорящий уверяет слушающего», то и такие случаи попадут под приведённое определение.

М.В. Ляпон оценивает каузативную связь как «такую связь ситуаций, при которой одна из них *оценивается говорящим* (выделено мною – А.А.) как достаточное основание для реализации другой» [6: 111]. При этом круг отношений, предполагающих причинно-следственную зависимость, весьма широк. С этой точки зрения каузальные отношения могут выражаться в обоснованиях, предпосылках, порождающих и сопутствующих обстоятельствах, доказательствах, стимулах и т.д. Как видим, в приведённых определениях М. Сибатани и М.В. Ляпона авторы берут за основу прагматический

компонент – не соотношение означающего и означаемого, а, в первую очередь, отношение говорящего, «пользователя», к содержанию своего высказывания.

В этой связи представляется небезынтересным рассмотрение отношения каузальности в языке и причинно-следственных связей между внеязыковыми явлениями. Этот вопрос непосредственно связан с референцией: насколько вообще язык и речевые выражения соотнесены с внешними (внеязыковыми) явлениями? Вероятно, большинство людей считают, что речевые акты (а через них и лежащие в основе речепорождения языковые единицы) так или иначе соотносятся с явлениями внешнего мира, однако есть и иной взгляд на эту проблему. Кроме того, необходимо установить, каким образом осуществляется эта связь (если она есть вообще), т.е. является ли она непосредственной или опосредованной.

Некоторые лингвисты и философы, особенно неопозитивисты (Л. Витгенштейн, Д. Льюис и др.), рассматривают язык как некую игру, набор звуков, который выполняет определённую функцию в жизни человека, но никак не соотнесён ни с чем, что лежит за пределами сферы языка: ни одно языковое явление не представляет ни один внеязыковой факт [2]. При таком подходе вопрос о референции, как таковой, вообще отпадает. В данном случае каузальность в языке никак не соотносится с причинностью в окружающем мире и либо обозначает причинную зависимость одного языкового элемента от другого в процессе порождения речи, либо вообще теряет смысл. Сам Л. Витгенштейн, впрочем, вообще отрицал любые причинно-следственные связи.

Такой подход, впрочем, является спорным. Речевое выражение действительно может не иметь референции к внеязыковому феномену. Примером такого выражения может служить доказательство математической теоремы, пример предложения из учебника грамматики и т. п. Однако в любом случае речевое выражение (построенное по правилам языка) соотносится с неким образом или системой образов (концепт, фрейм), которые также являются внелингвистическими. Более того, если взглянуть на проблему референции с позиций каузальности, можно признать, что часто именно внеязыковые явления служат причиной того или иного высказывания.

Скажем, человек выглядывает в окно, видит мокрую улицу, прохожих с зонтиками и говорит: Идёт дождь. Подобное высказывание непосредственно связано с тем, что данный человек видит в окно, т.е. с внеязыковым явлением. Связь между языковым выражением и внелингвистической ситуацией становится, таким образом, очевидной.

Взгляды, которые оставляют за языком функцию референции к внеязыковым явлениям и объектам можно свести к двум направлениям: предметно-референтному и образно-референтному. Б. Аббот называет эти подходы, соответственно, «семантическим реализмом» и «семантическим идеализмом» [15: 129-132], однако данные термины представляются не вполне удачными в силу того, что не могут рассматриваться как частные случаи реализма и идеализма в целом.

Согласно предметно-референтному подходу, языковые выражения соотносятся с внеязыковыми явлениями непосредственно. Сами внеязыковые явления могут как зависеть от сознания говорящего (мысли, ощущения), так и не зависеть (например, деревья).

В любом случае, референция производится не к образу предмета или явления в сознании говорящего/адресата, а к самому предмету или явлению непосредственно.

Образно-референтный подход также предполагает референцию, но не к самим предметам или явлениям, а к их образам в сознании человека. Иными словами, референция рассматривается как взаимосвязь между лингвистическим выражением и восприятием говорящим/слушающим предметов и явлений внешнего мира [16, 15].

В свете этих двух направлений каузальность в языке можно толковать поразному. С позиций предметно-референтного подхода эту категорию в лингвистике можно считать непосредственным отражением причинно-следственных отношений во внешнем мире (т.е. мире внеязыковых явлений). Отсюда вытекает вывод: все внеязы-

ковые причинно-следственные связи можно выразить средствами языка. Следовательно, все явления и процессы внешнего мира имеют (или могут иметь) лингвистическое выражение.

На первый взгляд такой подход кажется оправданным, однако при более пристальном рассмотрении проблемы возникает вопрос: может ли человек в своём языке отразить те явления и связи (в том числе причинно-следственные), которые не прошли через его сознание? Очевидно, что человек, не имеющий представления о причине того или иного явления, не в состоянии выразить связь этого явления с его причиной просто потому, что она не отражается в его сознании. Посредством языка мы способны выразить лишь то, что мы осознаём. Получается, что вообще референцию мы производим не к внешним объектам или явлениям как таковым, а к образам этих предметов или явлений в нашем сознании — сигнификатам. Кроме того, хранящаяся в сознании информация включает не только данные эмпирического опыта, но и продукты мышления.

Таким образом, всё многообразие причинно-следственных отношений не может отражаться в сознании либо потому, что человек не имеет достаточного представления о тех или иных причинах, либо потому, что он придаёт значение далеко не всем каузальным связям, существующим в природе. Следовательно, если мы допускаем существование всеобщих причинных связей, то это ещё не означает, что все они выражаются или хотя бы могут быть выражены средствами языка.

Каузальная связь, выражаемая языковыми средствами, обязательно включает в себя две ситуации. По терминологии Г.Г. Сильницкого {10], это «антецедентная» (исходная) и «терминальная» (конечная), т.е. то, что было до и стало после результирующего воздействия субъекта на объект. Соответственно, каузальное высказывание должно содержать две пропозиции: причинную и следственную. Любая пропозиция (чаще — следственная) может не выражаться эксплицитно, а лишь подразумеваться. Однако если высказывание описывает действительно каузальную ситуацию, то импликация в нём неизбежно связывает две означенные пропозиции независимо от способа их выражения. На примере простого предложения это может выглядеть следующим образом:

John killed the snake \Rightarrow *The snake died*

Здесь имплицируемая пропозиция не выражена явно, хотя, несомненно, она подразумевается. Более того, если выражение *The snake died* в данной системе не является истинным, то и само предложение *John killed the snake* теряет смысл.

На основании сказанного логичным представляется следующее определение каузативной конструкции:

Каузальная конструкция – построение, соответствующее лексическим и грамматическим правилам того или иного языка и содержащее две пропозиции: имплицирующую (причину) и имплицируемую (следствие).

В настоящем определении мы стремимся подчеркнуть основную логическую операцию, лежащую в основе любого каузального построения любого (естественного или искусственного) языка – импликацию. При этом импликация связывает в данном случае не два явления объективного мира (денотаты) и не две языковых единицы, а две пропозиции, то есть относится к сигнификативной области.

Список литературы

- 1. Алисова, Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения) / Т.Б. Алисова. М.: Изд-во МГУ, 1971.
- 2. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1958.
 - 3. фон Вригт, Г. Логико-философские исследования / Г. фон Вригт. М., 1986.
- 4. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1972.

- 5. Комаров, А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи (к вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке) / А.П. Комаров. Алма-Ата, 1970.
- 6. Ляпон, М.В. Прагматика каузальности / М.В. Ляпон // Русистика сегодня: язык, система и её функционирование. М.: Наука, 1988. С. 110 121.
 - 7. Маслиева, О.В. Становление категории причинности / О.В. Маслиева. Л.: Наука, 1987.
- 8. Перминов, В.Я. Проблема причинности в философии и естествознании / В.Я. Перминов. М.: Изд-во МГУ, 1979.
 - 9. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике: B 3-х т./ А.А. Потебня. М., 1968 Т. 3.
- 10. Сильницкий, Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук/ Г.Г. Сильницкий. Смоленск, 1974.
- 11. Таненцапф, М.С. Исследование каузативных глаголов в немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.С. Таненцапф. М., 1964.
- 12. Тарасова, Л.Д. Языковой статус причинной связи / Л.Д. Тарасова // Филологические науки, 1998. № 1. С. 50 55.
- 13. Шендельс, Е.И. Грамматика немецкого языка / Е.И. Шендельс. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1952.
- 14. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. в 30-ти т. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 339 626.
- 15. Abbott, B. Models, Truth and Semantics / B. Abbott // Linguistics and Philosophy, 1997. Vol. 20(2). Pp. 117 138.
- 16. Jackendoff, R.S. The Problem of Reality / R.S. Jackendoff // Noûs. Bloomington, 1991. Vol. 25(3). Pp. 411 433.
- 17. Shibatani, M. The Grammar of Causative Constructions: A Conspectus / M. Shibatani // Syntax and Semantics. New York: Academic Press, 1976. Vol. 6. Pp. 1 40.
 - 18. von Wright, H. Causation and Determinism / H. von Wright. London, 1976.

THE WAY LINGUISTIC CAUSALITY MIRRORS THE PHILOSOPHIC CATEGORY

A. M. Amatov

Belgorod StateUniversity
e-mail: amatov@bsu.edu.ru

The paper presents a linguistic approach to a more general category of causality. It is shown that causality in linguistic is a special case of the philosophical category. A definition of a causal construction in a natural language is given.

Key words: causality, implication, proposition, linguistics, philosophy.

УДК 303.442.4 + 81-139

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И МЕДИАДИСКУРС: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. Кожемякин

Белгородский государственный университет

e-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru В статье обосновывается научно-прагматический аспект использования понятия «медиадискурс», рассматриваются вопросы дискурсного подхода к изучению массовой коммуникации, предлагается теоретическая модель медиадискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, массовая коммуникация, дискурс-анализ, медиаисследования.

Сегодня, пожалуй, никто не станет оспаривать следующий тезис: массовая коммуникация, представляя собой сложный, многоаспектный феномен, является не просто сферой потребления информационного продукта и развлечения, но и одним из тех пространств, в которых люди создают и разделяют жизненные ориентиры, ценности, знание, что в совокупности предопределяет не только их информационную осведомленность и оценку актуальных событий, но и их повседневную жизнь и картину мира. С помощью масс-медиа индивиды и группы транслируют свое представление о реальности, нормах и проблемах, или же - создают смыслы и обмениваются ими. Массовая коммуникация позволяет индивидам структурировать и обосновывать собственный опыт и убеждения. И как любой комплексный феномен массовая коммуникация вряд ли может быть описана и объяснена лишь одним возможным (или некоторым универсальным) способом. Дискурсный подход является одним из них и признаётся многими перспективным направлением, позволяющим решить ряд важнейших исследовательских задач. Однако прежде чем мы перейдем к собственно обсуждению дискурсной методологии, позволим себе описать парадигмальный полемический фон, на котором происходит оформление сравнительно нового подхода.

Общепринятым является выделять в исследованиях масс-медиа несколько видов анализа массовой коммуникации в зависимости от её относительно автономных элементов. Согласно классическому представлению Г. Лассуэлла о структуре изучения массовой коммуникации [6], мы должны различать анализ коммуникатора и управления коммуникацией, анализ содержания, анализ аудитории, анализ канала, анализ эффективности коммуникации. При этом предполагается, что весь комплекс сложнейших исследовательских вопросов должен «замыкаться» на интенциях коммуникатора (автора, актора, адресанта), которые предопределяют спецификацию остальных элементов массовой коммуникации – содержания сообщений, используемого канала, полученного сообщения и т.д. Соответственно, различные виды анализа массовой коммуникации подчинены главному вопросу («кто говорит?»), а то научное знание, которое мы получаем с их помощью, обладает самостоятельной ценностью только в сопряжении со знанием о коммуникаторе. Было бы неверно утверждать, что в рамках этого - классического - подхода к исследованию массовой коммуникации недооцениваются такие принципиальные составляющие коммуникационного процесса, как особенности используемого кода или ожидания аудитории. Напротив, для лассуэллского анализа традиционным является убеждение, что коммуникатор ичитывает все эти составляющие при создании и передаче сообщения.

В то же время то, что действительно вызывает сомнение у «неклассических» исследователей [например, 2, 7, 8, 9], так это принятая в рамках традиционных исследований установка на анализ коммуникатора как внешнего субъекта по отношению к

массовой коммуникации, как «медиа-демиурга», «инженера массового сознания», воля или выбор которого является определяющими для всего процесса коммуникации. Под вопрос ставится контролирующая и предопределяющая роль коммуникатора в массовой коммуникации, который «задумывает» последнюю, «учитывая» все её характеристики (которых он сам якобы лишен) и управляет её процессом и её эффектами. Действительно ли коммуникатор транслирует уже готовые смыслы адресатам или же он в ходе массовой коммуникации вырабатывает, оформляет и структурирует своё собственное знание, исходя из собственного представления об аудитории и своих коммуникационных возможностей? Можем ли мы утверждать, что коммуникатор управляет не процессом коммуникации и реакцией аудитории, а собственными представлениями о них и собственными коммуникационными действиями? Может быть, коммуникатор не конструирует коммуникацию, а познает её, себя в ней и конструирует своё представление о коммуникации?

Даже если допустить, что коммуникатор, исходя из своих интересов и картины мира, транслирует определенные смыслы, закодированные в виде определённых сообщений, и предопределяет весь ход коммуникации, остаётся непонятным, почему он в каждой конкретной коммуникативной ситуации руководствуется именно этими интересами и транслирует именно эти смыслы. В рамках классической методологии обычно принято «выносить» эти вопросы из сферы коммуникативистики в область, например, психологии, социолингвистики или даже экономики, полагая, что выбор, который осуществляет коммуникатор, уже предопределён его когнитивной деятельностью, социальной вовлеченностью или экономическими интересами; стало быть, если мы хотим выяснить причины коммуникативного и информационного выбора, совершаемого адресантом, то мы должны обратиться к психологическому, социологическому или экономическому объяснению. Аналогичной процедуре вымещения из области классической коммуникативистской методологии подвергается проблема перевода подразумеваемого сообщения в полученное сообщение, конвертации модели коммуникации, сформированной коммуникатором, в живое коммуникативное событие и, далее, в систему полученных адресатом смыслов¹. Иными словами, лассуэллский классический подход недостаточно «чувствителен» к тому, как в процессе массовой коммуникации конституируются определённые смыслы и возникают определённые медиатексты из сотен возможных. На наш взгляд, эта проблема может быть решена в рамках дискурсологии и теории коммуникации. Поясним эту идею.

Если мы допускаем, что массовая коммуникация представляет собой систему, а не сумму слабо упорядоченных элементов, мы также должны признать, что составляющие этой системы не просто «механически» связаны друг с другом (например, интенцией автора, социальной ситуацией или экономическими интересами СМИ), а составляют единое целое, в котором иногда становится сложно различать адресата и адресанта, подразумеваемое и полученное сообщение, канал и средство и т.д. Смыслообразование в массовой коммуникации также связывается с работой всей системы, а не только функционированием каждого из ее элементов. Дело здесь, по-видимому, не только и не столько в интенциях автора массовых сообщений, поскольку коммуникатор всегда моделирует не только само сообщение, но и образ потенциального читателя, исходя из собственного представления о нем. Более того, он не является абсолютным адресантом, а совмещает роли коммуникатора и реципиента, будучи таким же потребителем массовой информации, как и его аудитория. С другой стороны, дело не только и не столько в аудитории, поскольку она зачастую формирует свои запросы на основе культурного, социального и масс-медийного опыта или в ходе формирования

¹ Даже теории активной аудитории (Э. Кац, Дж. Блумер, Г. Герцог), исходившие из «перевернутой» пирамиды медиакоммуникации (от аудитории и её запросов к действиям коммуникатора) не избежали игнорирования этих принципиальных вопросов в силу того, что фактически произвели подмену коммуникатора (под которым в то время понимались преимущественно властные элитарные группы) аудиторией, то есть наделили функциями «медиа-демиурга» не коммуникатора, а аудиторию.

такового, а при интерпретации сообщения мы исходим не только из собственного опыта, но и из ожиданий относительно источника. Дело также не только и не столько в самом языке и его средствах, поскольку одно и то же сообщение, составленное по правилам одного и того же кода, приводит к различным эффектам, будучи направленным на различные аудитории или будучи размещенным в различных коммуникативных контекстах. Видимо, дело в самих интерсубъективных процедурах создания знания, в особом знаково-символическом и концептуальном контексте, в котором оказываются и коммуникатор, и аудитория, и средства коммуникации. Это разделяемые, интеракциональные процедуры. Следовательно, проблема смыслообразования в массовых коммуникациях может быть решена не столько на уровне анализа микропроцессов (например, психических), происходящих в каждом из элементов, сколько при условии изучения системы связей между элементами и принципа когерентности (связности), который лежит в её основе.

Классические подходы объясняют устройство масс-медиа исходя из того, что из себя представляет продукт: предполагается, что у коммуникатора уже есть интенния, у аулитории иже есть ожилания, язык иже обладает навсегла закрепленными смыслами, а канал уже располагает набором характеристик, детерминирующих определенные смыслы. И такая установка (исследовательская презумпция) классических исследований не позволяет ответить на вопрос о том, что требуется для того, чтобы предпосылки создания продукта воплотились в конечный продукт. Достаточно ли лишь проговорить интенцию, чтобы она впоследствии преобразовалась в форму полученного сообщения? Достаточно ли лишь учесть «идеологию» СМИ, чтобы сообщение приняло определённую материальную форму и было определённым образом интерпретировано аудиторией? Достаточно ли только лишь правильно «настроить» средства коммуникации, чтобы отправленный сигнал в итоге стал полученным сигналом, что в свою очередь привело бы к формированию искомых смыслов в сознании адресата? Что происходит в массовой коммуникации, в результате чего прообраз продукта становится продуктом? На наш взгляд, чтобы ответить на эти вопросы стоит обратить внимание на процесс и условия производства знания в масс-медиа, а не только на его фактуальную, материально воплощенную форму. Ведь для того, чтобы у адресата появился образ события, недостаточно просто сообщить о событии и ждать результата; видимо, стоит учесть, что образ появляется в определенном контексте, в ходе определенной коммуникативной интеракции.

Классическая методология, развивая «автороцентристскую» идею об управляемой линейной коммуникации, ориентирована на анализ знания как коммуникационного результата. В то же время есть основания полагать, что некоторые формы знания формируются в процессе, а не в результате массовой коммуникации. Мы представляем что-то об объектах пока мы, например, смотрим новости или изучаем рекламное сообщение. Безусловно, более сложные когнитивные образования – образы, стереотипы, мифы, идеологии – представляют собой отсроченные эффекты массовой коммуникации и формируются на основе не только аккумулированного опыта взаимодействия с масс-медиа, но и иного (культурного, социального) опыта индивидов. Однако «элементарное знание», простейшие смысловые единицы появляются здесь и сейчас в момент коммуникативного события, а зачастую исчезают из нашего сознания с завершением коммуникативного события, в котором коммуникатор и реципиент, будучи разделены во времени и пространстве, тем не менее, соучаствуют в процессах образования и трансляции смысловых структур. Нельзя сказать, что эти «непродолжительные» знания не играют никакой роли в нашей жизни: они важны именно в силу того, что наполняют определенным ценностно-когнитивным содержанием саму ситуацию масс-медийной коммуникации, делают возможным коммуникативное событие и обусловливают нашу потребность в контактах с масс-медиа. Поэтому речь стоит вести не столько о работе нашего сознания под воздействием некоторого медиа-коммуникативного импульса, не о разведении коммуникации и познания,

сколько о целостном коммуникативно-когнитивном процессе смыслопорождения, то есть – **медиадискурсе**. Определим объем этого понятия.

Сегодня артикулируются как минимум два подхода к определению медиадискурса. Согласно первому, медиадискурс – это специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля масс-медиа. В этом понимании следует различать медиадискурс и другие самостоятельные типы дискурса, как, например, политический, религиозный, научный и т.д. Различия между ними определяются модификациями тех или иных параметров дискурса – различными языковыми практиками, различными коммуникативными ситуациями своей реализации, хотя высказывания этих дискурсов могут относиться к общему тематическому полю. В частности, медиадискурс, согласно этой точке зрения, отличается наличием особых системообразующих концептов – «благо» и «факт» [4]. Согласно второму подходу, медиадискурс мыслится как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ. Так, можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах, подразумевая, что для своей реализации указанные типы институционального дискурса предполагают наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации.

Мы склонны придерживаться второй точки зрения, интерпретируя медиадискурс как тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве. Принципиальным отличием этого типа дискурса является то, что помимо производства определенных знаний, оценок объектов и их образов как результата речемыслительной деятельности он создаёт представление о способах трансляции знания. Иными словами, центральным предметом медиадискурса являются не столько, например, политические процессы, сколько способы их описания и передачи знания о них. В этом отношении медиадискурс является в высшей степени посреднической деятельностью. В медиадискурсе происходит конвертация информации в смыслы (конструирование знания), перевод знания с одного уровня (например, институционального) на другой (например, обыденный), сращение информации различного типа (например, политической и развлекательной, событийной и рекламной) или же создание особого знания, имеющего отношение только к медийной действительности. Отметим относительный характер знания такого рода: его «истинность» или «значимость» определяется лингвосоциальным, социокультурным и – шире – историко-цивилизационным контекстами, учёт которых также необходим при описании медиадискурса.

Анализ медиадискурса чаще всего базируется на следующих допущениях: знания и представления о мире представляют собой результат классификации действительности посредством категорий; «картина мира» и способы ее создания обусловлены историческим и культурным контекстом; знания возникают не только в процессе «чистой» перцепции и логического познания, но и в процессе социального взаимодействия (что в современном информационном мире является доминирующим условием «производства знаний»); социальное взаимодействие имеет дискурсивный характер и предполагает реальные социокультурные последствия.

Итак, анализ медиадискурса, с одной стороны, направлен на вычленение существенных элементов процесса создания и трансляции смыслов в ходе массовой коммуникации и, с другой стороны, на определение роли медийного контекста в смыслообразовании. В этой связи один из авторитетных представителей дискурс-анализа Норман Фэрклоу отмечает: «мы не можем осуществить полный анализ содержания без одновременного анализа формы, поскольку содержание сообщения всегда реализуется в определённой форме ... форма — это часть содержания» [5; 188]. Медиадискурс, понимаемый как единство содержания и формы, деятельности, инструмента и результата, оказывает нормирующее, регулятивное действие на коммуникативные ситуации: то или иное дискурсивное пространство масс-медиа — это своеобразное поле того, что

может или должно быть сказано или понято, а также «говорится» и «понимается». В этой связи сформулируем важное положение: в ходе медиадискурса как коммуникативно-когнитивной, речемыслительной деятельности субъекты массовой коммуникапии формируют нормы описания и тематизации действительности; с исследовательской точки зрения важно не только то, что тема определяет содержание и способ описания в медиапространстве², но и то, что выбор темы предопределён медиадискурсом как «режимом производства знания». Конкретные медиатексты в этой связи могут быть рассмотрены изолировано от интертекстуального и дискурсивного пространства, однако, такое их рассмотрение вряд ли позволит нам узнать больше, чем особенности его внутренней, лексико-грамматической организации. Изучение же медиатекста как «узла в сети» (М. Фуко) массовой коммуникации (тем более с учётом интер- и гипертекстуальности современных масс-медиа, предполагающих, что границы текста размыты и не могут быть однозначно ассоциироваться с его «физическими границами») позволяет понять не только принципы его внутренней когерентности, но также и условия его появления, правила образования определённых смыслов и специфику эффективности конкретных массовых сообщений.

В зависимости от жанрово-функциональных особенностей медийного пространства, в котором реализуется дискурс, мы можем выделить следующие его типы: новостной, рекламный, промоцийный (PR) дискурсы; информационный, аналитический, публицистический дискурсы; идентифицирующий, репрезентирующий, идеологический дискурсы и т.д. Если функциональные (и связанные с ними жанровые) модификации масс-медиа являются определяющими для выделения типов медиадискурса, то последние будут в значительной степени отличаться друг от друга по своим формальным и содержательным признакам (параметрам). Прежде чем перейти к вопросу о параметрах медиадискурса, укажем на ключевые цели анализа медиадискурса (или: дискурс-анализа масс-медиа). Представление о содержании знания о медиадискурсе, которое мы хотим получить, поможет нам более точно определить содержание модели его анализа.

Итак, ключевыми исследовательскими вопросами при изучении медиадискурса являются: при каких условиях и какими средствами конструируется смысл на уровне медиатекста? Каково совершаемое в отношении действительности дискурсивное действие – дискурс репрезентирует, изменяет, отрицает, подтверждает или объясняет реальность? Как осуществляется перевод из специфической дискурсивной области в область «здравого смысла» и «повседневного дискурса»? Как и почему легитимируются те или иные смыслы и значения? Как структурируются адресантные и адресатные группы коммуникантов с помощью организации дискурса (например, равномерно ли распределен доступ к медиаплощадкам, симметрично ли представлены голоса участников, выстраиваются ли тексты относительно дихотомии «свои – чужие»)? Кто имеет право высказываться и как легитимируется это право? Как происходит классификация объектов и суждений о них (по критериям «нормально – ненормально», «приемлемо – неприемлемо» и т.д.)? И в конечном и общем итоге: как на уровне языка, текста, аргументации и стиля закрепляются социальные и культурные смыслы?

Дискурс-анализ масс-медиа позволяет нам описать и понять процессы создания, обмена и дифференциации смыслов в пространстве массовой коммуникации (например, что изображается в СМИ как нормальное, допустимое, приемлемое, а что – нет, и какими контекстуальными связями это обусловлено), иерархизации репрезентаций (например, как и почему маркируются те или иные образы как более или менее привлекательные или как и в связи с чем определяется важность события), легитима-

² Детерминированность содержания массового сообщения темой не должно вызывать сомнения; однако более глубокий анализ массовых сообщений предполагает изучение обусловленности выбора темы, что является одной из задач дискурс-анализа.

ции определенного опыта и практик (какие действия одобряются и как это осуществляется дискурсивно).

Одной из задач изучения медиадискурса является определение степени предваятости медиатекстов, степени их включенности в определенный (профессиональный, идеологический, политический и т.д.) контекст, а также степени включенности в совместное конструирование смыслов аудитории, журналистов, специалистов по рекламе и прочих участников массовой коммуникации. Поскольку процессы смыслообразования протекают на нескольких уровнях — на содержательном, структурном и формальном, то дискурс-анализ направлен на описание включенных и исключенных тем, иерархического размещения информации в медиатекстах и их фрагментах, лексической и стилистической репрезентации информации. Подчеркнем, что дискурсаналитиков интересуют не столько тематические, структурные и лексические выборы, осуществляемые коммуникантами, как таковые, а их социокультурная обусловленность. Иными словами, вопрос «что представляет собой медиадискурсивная практика?» должен получать развитие в вопросах «почему стала возможной именно такая её модификация?» и «к каким социальным, культурным и прочим последствиям она приводит?».

Подчеркнём ещё раз, что дискурс-анализ исходит из идеи о том, что исходный замысел (интенция, идея) сообщения не воплощается в неискажённом виде в самом тексте, а, напротив, изменяется или конструируется непосредственно в ходе «использования языка», в ситуации коммуникации с адресатом, который «дописывает» текст и «достраивает» его смысл. Соответственно, любой текст может «вдруг» оказаться ключевым в процессе трансляции смыслов средствами массовой информации, а значит, в дискурсивном исследовании не может быть приоритетов в выборе предмета анализа: гороскопы или спортивные новости также важны для изучения процессов смыслообразования, как и, предположим, «горячие новости» или репрезентация политических событий, особенно учитывая, что гороскопы могут более существенным образом влиять на принимаемые индивидами решения в их повседневной жизни, чем новости о текущих событиях, а спортивные журналистские материалы могут в большей степени определять содержание этнических стереотипов, чем политические нарративы.

В конечном итоге, сами представления профессионалов (например, журналистов) о важности («серьёзности») той или иной темы могут быть предметом дискурсанализа: в этом случае предполагается, что «профессиональный выбор» тем для материала и их иерархизация определяется не только ориентацией на потребности аудитории, но и представлениями о социальной реальности в целом. Так, дискурс-анализ реализует помимо прочего ещё и критический потенциал, направленный на определение детерминированности репрезентации действительности (например, какие события СМИ считают более или менее важными и чем это определено), степень искажения действительности в медиатекстах в связи с определёнными критериями адекватности (например, в какой степени редакция СМИ допускает искажение репрезентации положения дел в соответствии с её представлениями о «нормальном» положении дел), а также стратегии контроля над доступом к медиадискурсу, основанные на оценке соответствия потенциальных высказываний коммуникантов критериям адекватности.

Далее рассмотрим содержание анализа медиадискурса на основе составляющих медиадискурса [1].

Во-первых, если медиадискурс является деятельностью, осуществляемой субъектами массовой коммуникации, то он мотивирован определённой **целью**, в зависимости от которой он приобретает специфичное содержание. Возможные цели медиадискурса включают в себя: *описание* действительности, её *объяснение* (интерпретация), *регулирование* (например, принуждение или ограничение) деятельности адресатов, воздействие на сознание адресатов (например, внушение), *оценка* действительности, *прогнозирование* положения дел и так далее. Очевидно, что если, напри-

мер, рекламный медиадискурс направлен на изменение оценок, создание определённых установок у аудитории, способствующих совершению определённых действий, то всё его содержание будет подчинено этой цели, в то время как содержание, например, новостного медиадискурса будет отличаться в силу другой его цели (описание положения дел).

Во-вторых, цель медиадискурса означает, что он находится в определённой модальности по отношению к некоторой предметной области. Это означает, что медиадискурс описывает, объясняет, прогнозирует и т.д. нечто, что воспринимается как реальный предмет и относительно чего могут быть построены рациональные суждения. Иными словами, медиадискурс всегда о чём-то, что может отличать один его тип от другого. Предметная область медиадискурса включает в себя концепты, образующие его тематическое и смысловое «ядро». Так, если политический медиадискурс развивается «вокруг» концептов власти, государства и подчинения, то научный – относительно концептов истины, знания и познания. В общем, можно выделить такие наиболее часто встречающиеся в медийном пространстве виды объектов, как социальные, психические, виртуальные и физические. В некоторых типах медиадискурса мы можем наблюдать «онтологический перенос», характеризующийся описанием объекта в системе свойств иной реальности, нежели та, к которой он относится по существу. Так, в политическом медиадискурсе распространённым является смещение социального в область психического (таков, например, феномен гражданской ответственности) или неопределённость «физических» границ политических объектов (таковы, например, границы Балкан).

В-третьих, цели и предметная область медиадискурса конкретизируются в когнитивных процедурах, характерных для того или иного типа медиадискурсивной практики. Наблюдаются значительные различия в способах обоснования, характерных, например, для рекламного и журналистского медиадискурсов; в логических принципах промоцийного и новостного дискурсов и т.д. Поскольку дискурсивная практика выполняет не только описательные, но и конструирующие функции, то, повидимому, стоит признать, что познание осуществляется в дискурсивной практике не только с помощью «отражательных» операций (отражение и копирование), но и с помощью опосредованных операций, выводящих субъекта за пределы чувственного опыта – репрезентации, категоризации, интерпретации, конвенции. Это связано с тремя наиболее специфичными особенностями опосредованного языком и дискурсом познания, на которые указывает Л.А. Микешина [3; 101-102]: обращение познания к внеопытным структурам (модели, символы и т.д.); интерсубъективность познания (соотнесение познания с принятыми социальными правилами и нормами, а также с убеждениями, оценками, установками других людей); гетерогенность (познание не сводится исключительно к логико-методологическим процедурам, оно включает в себя и интуицию, и творческие процедуры). Соответственно, мы можем, например, говорить о степени гетерогенности когнитивных процедур медиадискурсов (так, публицистический дискурс включает в себя творческие процедуры познания), о степени их интерсубъективности (например, рекламный дискурс в большей степени ориентирован на оценки и ожидания аудитории) и т.д.

В-четвёртых, цели медиадискурса реализуются также и в собственно коммуникативном плане и конкретизируются в **коммуникативных характеристиках**. Статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные особенности участников общения, условия передачи и получения медийных сообщений (сфера, среда, фоновые знания, прецеденты коммуникации), стратегии общения (мотивы, контроль), способы коммуникации (канал, режим, стиль коммуникации) — всё это, с одной стороны, влияет на интерпретацию сообщений, но с другой стороны, что представляется нам более важным, составляет *часть смысловой структуры*. Так, наличие или отсутствие тщательного контроля над процедурами трансляции сообщения уже само по себе несёт определённое сообщение (транслирует смысл) аудитории.

В-пятых, предметная область выражается в медиадискурсе не в виде «чистой идеи», а в конкретных знаково-символических формах, с помощью языковых единиц, речевых актов и средств выражения. Заметим, что, несмотря на то, что значения языкового параметра преимущественно предопределены целями дискурса, связь между ними не всегда является очевидной: так, некоторые «мягкие» пропагандистские дискурсы (например, реклама) часто используют не побуждающие речевые акты, как это могло бы показаться очевидным, а описывающие и оценивающие. В целом же, обнаруживается зависимость между типом медиадискурса и его прагматикой, с одной стороны, и степенью семантической определённости его языковых единиц, с другой стороны. Чем в большей степени медиадискурс ориентирован на выражение фактуальной точности (описание действительности), тем более однозначными и экспрессивно нейтральными являются лексические единицы; и наоборот, цель воздействия предполагает широкое использование семантически неточных или полисемичных лексических единиц.

В-шестых, языковые единицы, речевые акты и средства выражения образуют текстовые единства. *Тексты* как единицы медиадискурса обладают неоднозначным статусом в медиадискурсе. С одной стороны, они являются результатом дискурсивной практики, а с другой – её инструментом. Как бы то ни было, анализ смысловых структур медиадискурса мы можем осуществлять, только используя тексты в качестве предмета анализа. Идентификация цели, типа объектов, характера использования языковых единиц и средств выражения – всё это возможно при условии интерпретации определённого «среза» медиадискурса как текста. В зависимости от типа дискурса в нём могут доминировать те или иные виды и типы текста. Так, тезисные тексты характерны для рекламного и политического медиадискурсов, тогда как нарративные – для публицистического и иногда новостных дискурсов.

И наконец, в-седьмых, один и тот же медийный текст может приобретать те или иные смысловые оттенки в зависимости от различных контекстов. Помимо уже указанного выше собственно коммуникативного контекста мы можем выделить такие значимые для актуализации тех или иных смыслов контексты, как грамматический (формально-логические, лингвистические связи между высказываниями в медиадискурсе), экзистенциальный (мир личностно-значимых для коммуникантов объектов, состояний и событий, к которому относится текст медиадискурса), ситуационный (область деятельности и статусно-ролевых отношений), социально-исторический (область «метазначений», характерных для конкретной исторической эпохи и культурной формации). В некоторых случаях мы можем говорить о незначительной контекстуальной зависимости интерпретации медиадискурса (например, в случае новостного медиадискурса), но в иных случаях, напротив, эта зависимость будет принципиальной (например, в промоцийном медиадискурсе).

В зависимости от фокусирования внимания исследователя на том или ином параметре медиадискурса мы можем выделить такие условные направления дискурсанализа масс-медиа, как целевой анализ, предметно-тематический анализ, когнитивный анализ, коммуникационный анализ, лингвистический (в том числе жанровостилистический) анализ, семиотический (текстовый) анализ, контекстный анализ медиадискурса. Исходя из того, что, как мы упомянули выше, содержание всех параметров медиадискурса тесно связано между собой и ориентировано на реализацию медиадискурсом определённой функции, становится очевидным, что мы не можем ограничиться лишь одним из перечисленных выше направлений анализа — каждый из них должен быть подкреплён результатами других видов анализа. В то же время, применение целевого анализа без изучения, например, языкового или текстового параметра представляется невозможным занятием, поскольку лишь в очень редких случаях цель медиадискурса артикулируется эксплицитно — мы вынуждены «вычитывать» дискурсную цель в знаково-символическом комплексе.

В заключение отметим, что эпистемологические возможности дискурсного подхода к изучению массовой коммуникации и медиатекстов, безусловно, не следует гиперболизировать. Несмотря на все его объективные преимущества (междисциплинарность, «чувствительность» к процессуальной стороне массовой коммуникации, рефлексивность и критичность, многоаспектный подход и т.д.), дискурс-анализ ограничен изучением собственно речемыслительной деятельности коммуникантов, оставляя за пределами исследовательского внимания не-дискурсные феномены (эмоции, практические действия, экономические механизмы, товары и т.д.). Однако эти феномены могут приобретать определённый смысл в массовой коммуникации, и при изучении этого процесса дискурс-анализ представляется незаменимой исследовательской стратегией.

Список литературы

- 1. Кожемякин, Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры / Е.А. Кожемякин. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 244 с.
- 2. Мальковская, Й.А. Знак коммуникации: дискурсивные матрицы / И.А. Мальковская. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 238 с.
- 3. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
- 4. Полонский, А.В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова / А.В. Полонский // Русский язык в современном медиапространстве. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: БелГУ, 2009. С. 151-160.
 - 5. Fairclough, N. Critical discourse analysis. L.: Longman, 1995.
- 6. Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society / Bryson J. (ed.). The Communication of Ideas. N.Y.: The Free Press, 1948.
 - 7. Matheson, D. Media discourses. L.: Open University Press, 2005.
 - 8. O'Keeffe, A. Investigating media discourse. L., N.Y.: Routledge, 2006.
- 9. Talbot, M. Media Discourse: Representation and Interaction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
- 10. Taylor, P.A., Harris, J.L. Critical theories of mass-media: then and now. L.: Open University Press, 2008.

MASS COMMUNICATION AND MEDIA DISCOURSE: TOWARDS METHODOLOGY

E. A. Kozhemvakin

Belgorod State University

e-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru The article discusses the scientifically pragmatic aspect of the term "media discourse" usage. The issues of discourse approach to mass communication are considered. The author also presents the original theoretical model of media discourse.

Key words: media discourse, mass communication, discourse-analysis, media studies.

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.01/09: 821.161.1 (470.325)

КРИТИЧЕСКИЙ ЭТЮД Ю.Н. ГОВОРУХО-ОТРОКА «В.Г. КОРОЛЕНКО»

И. И. Кулакова

Белгородский государственный университет

e-mail: kulakova@bsu.edu.ru Статья рассматривает литературно-критический этюд Ю.Н. Говорохо-Отрока, посвященный творчеству В.Г. Короленко 1880-х — начала 1890-х годов. Данная работа критика анализируется с учетом генезиса эстетических взглядов автора, его мировоззренческих предпочтений, то есть круга его ценностных ориентиров, и жанрово-композиционных особенностей. В статье вводится по аналогии с термином «христианский роман» понятие «христианская критика» как наиболее соответствующее смыслу исследуемого критического этюда.

Ключевые слова: эстетическая позиция, лиризм, христианская критика.

Юрий Николаевич Говорухо-Отрок (1854-1896) — уроженец Белгорода, литературный и театральный критик, известный публицист 80-90-х годов XIX столетия, писатель. Его перу, кроме многочисленных статей, рецензий, заметок, нескольких литературно-критических этюдов (так он называл свои монографии и циклы статей) о творчестве Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, В.Г. Короленко, принадлежит четырнадцать рассказов, повесть и пьеса.

Эта часть наследия талантливого литератора стала доступна современному читателю благодаря той кропотливой и сложной изыскательской деятельности, которую провела проф. БелГУ З.Т. Прокопенко. По результатам этой серьезной работы издан первый том собрания сочинений Ю.Н. Говорухо-Отрока, включающий найденные и атрибутированные беллетристические произведения писателя и вступительный критико-биографический очерк его жизни и деятельности¹.

Сейчас уже совершенно очевидно, что литературно-критическая мысль последней трети XIX столетия не будет представлена объемно и полно без обращения к наследию Ю.Н. Говорухо-Отрока, известного сегодня менее других своих современников по причине, на первый взгляд, элементарной. Великое множество подписанных, как правило, псевдонимами и криптонимами литературных статей, театральных рецензий, критических этюдов, высоко оцениваемых Н.Н. Страховым, В.В. Розановым, К.Н. Леонтьевым, идеологически и личностно близкими Говорухе критиками и литераторами, так и осталось на страницах периодических или редких отдельных изданий его времени. Не было попыток переиздать им написанное и в те годы, когда его литературные единомышленники начинают быть активно востребованы издателями и ис-

¹ Говорухо-Отрок Ю.Н.: Собр. соч. – Т.1. – Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005.

следователями. К концу XX столетия он уже оказался вне литературного контекста своего времени: о нем почти не упоминают учебники по истории русской литературы II половины XIX века, учебные пособия по истории русской критики и критической мысли указанного периода. Эту ситуацию практического «забвения» имени и сочинений Говорухо-Отрока, вероятно, не объяснить лишь его эстетическим своемыслием, консерватизмом взглядов и христианским мировоззрением. В наше время именно эти особенности сообщают особенную привлекательность богатому литературно-критическому материалу, по-прежнему «сохраняемому» в газетах и журналах последней трети XIX века.

3.Т. Прокопенко в критико-биографическом очерке, посвященном Ю.Н. Говорухо-Отроку, цитирует статью-некролог В.П. Мещерского, издателя журнала «Гражданин»: «В Москве скончался один из главных, если не ошибаюсь, самый даровитый сотрудник "Московских ведомостей", Говорухо-Отрок, прежде обративший на себя внимание вдохновенными и талантливыми статьями в харьковском "Южном крае".

Этот Говорухо-Отрок замечателен тем, что из Савла превратился в Павла. И от самых либеральных увлечений перешел после внутренней борьбы к твердому и убежденному консерватизму, но перешел без шума, без рекламы, без тех практических приемов, к которым на моих глазах прибегали некоторые обращенные с целью похвалиться обращением и снискать себе в оплату всякие земные выгоды.

Обращение Говорухо-Отрока тем и ценно было, что оно совершилось совсем бескорыстно и совсем искренне...»². По мнению З.Т. Прокопенко, именно это «перерождение» молодого человека, произошедшее в тюремной камере, стало основанием для неприятия его сочинений народнической критикой, послужило причиной «вытеснения» его имени из литературного контекста эпохи в исторической перспективе: «Естественно, что прежние единомышленники не простили Говорухо-Отроку его "ренегатства", практически встречая почти каждое его выступление в печати полемическими выпадами в адрес "предателя" « 3.

Думается, есть ещё одна причина «изъятия» из литературного процесса наследия Говорухо-Отрока, и состоит она в следующем: его литературная критика последовательно, определенно и гармонично утверждает мысль о необходимости *духовной свободы* личности, свободы от «ярлыков», установок и веяний всяческих школ, партий и направлений.

Обращаясь в данной статье к литературному этюду Ю.Н. Говорухо-Отрока «В.Г. Короленко», который вышел отдельным изданием в 1893 подписанный псевдонимом Ю. Николаев, мы ставим задачи прояснения нескольких моментов, которые помогут определить роль и значение его литературно-критического наследия в истории отечественной критической мысли. Прежде всего необходимо установить генезис мировоззренческих и эстетических принципов Говорухо-Отрока и их характер, найти и обозначить приемы и методы работы критика с художественным текстом, показать, к каким выводам это его приводит, рассмотреть жанрово-композиционные особенности статьи, посвященной творчеству В.Г. Короленко, соотнести изучаемое критическое сочинение с направлениями, выделяемыми в истории русской критики 1880-1890-х годов.

Как справедливо замечает современный исследователь, «критическая интерпретация произведения имеет *субъективные* предпосылки»⁴. (*Курсив* автора. – Л.Ч.)

Это утверждение вполне отвечает эстетическим подходам Говорухо-Отрока к литературной деятельности вообще. Свой критический анализ творчества Короленко он предваряет теоретическим введением, объясняя его цель: «...восстановить смысл

² Прокопенко З.Т. Ю.Н. Говорухо-Отрок: Критико-биографический очерк/ З.Т. Прокопенко// Говорухо-Отрок Ю.Н.: Собр. соч. – Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005. – Т.1. – С. 32-33.

³ Там же. - С. 5.

⁴ Чернец Л.В. «Как слово наше отзовется...». Судьбы литературных произведений: Учеб. пособие. – М.: Высшая шк.,1995. – С. 79.

ходячих слов и понятий, употребления которых тем не менее избежать нельзя»⁵. Собственно терминам «искренность», «объективность» и «субъективность», принципам их соотношения в творчестве художника уделяет Говоруха специальное внимание и подчеркивает: «...всякий писатель вносит свою личность в свои произведения; другими словами, всякий писатель субъективен, да иначе и быть не может – и весь вопрос в том, насколько его субъективное настроение искренне и насколько оно совпадает с объективною правдой» [3]. (Курсив автора. – Ю. Г.-О.). Критик – тоже писатель, создатель своего «сочинения», и его личность также не может не отражаться в его интерпретациях художественных произведений и творчества писателя, избранного им для анализа и толкования. Поэтому неизбежен интерес к тому, что лежит в основе мировоззрения критика, что существеннейшим образом повлияло на формирование его эстетического кредо. Критик Говорухо-Отрок «открывается» в своей работе о Короленко достаточно полно, чтобы обрисовать его облик с указанных позиций, хотя впрямую он называет здесь далеко не всех, кто воздействовал на его восприятие художественного творчества.

Прежде всего, воспитывала в будущем критике эстетический вкус мировая литература, которую он знал энциклопедически обширно. Литературный кругозор его убедительно проявлен в изучаемой работе. Здесь свободно цитируются Шекспир, Гете, Байрон; упоминается Диккенс; автор статьи апеллирует к произведениям Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Тютчева, Майкова, Огарёва. Список этот можно продолжать; причем его цитаты, или «выдержки», как правило, точны, переводы зарубежных авторов порой сделаны самостоятельно, а пересказ аналитичен, приближаясь к научному. Это тот багаж, который критическим суждениям придает вес и основательность и помещает творчество исследуемого писателя в контекст предшествующей и современной мировой литературы. За каждым теоретическим положением критика, кроме профессионально необходимых наблюдательности и любопытства, стоит представление о всеобщности законов искусства и художественно-эстетической деятельности. Поэтому столь естественными оказываются выводы, к которым приходит автор.

Единство художественной концепции критика обеспечивается общей идей, скрепляющей материал без неприглядных швов, которые иной раз прошиваются «бельми нитками» преходящих, временных тенденций. По верному замечанию Ю.Б. Борева, «критическая позиция надстраивается обычно над познавательной, эстетической или какой-либо другой позицией. В своих оценках критика базируется на аксиологии»⁶.

Шкала ценностей, утверждаемых Говорухо-Отроком, санкционирует их соотнесение – в соответствии с традиционно принятым разделением – с ценностями религиозными, но по размышлении приходится признать, что они принадлежат всё же к категории ценностей общечеловеческих. В его ценностной парадигме нельзя отделить веру в Спасителя от одобряемых всем человечеством этических норм и от эстетикофилософского стержня, неминуемо сопутствующего созданию подлинного художественного произведения. Проповедуются критиком наличие в художнике и человеке веры в Бога; связанные с христианской этикой любовь и смирение; любовь к родине; любовь к мытарю как равной себе личности; любовь и уважение к народу, понимание глубины и истинности народного мирочувствования при всей малообразованности народа; чуткость к красоте и «духовная свобода» человека и творца.

Такая программа ценностных ориентиров сложилась под воздействием мировой литературы, Евангелия, под влиянием отечественной литературной критики, в которой Говорухо ориентируется так же легко и свободно, как в мировой и отечествен-

⁵ Николаев Ю. Очерки современной беллетристики. В.Г. Короленко. Критический этюд. – М.: Университетская типография, 1893. – С.3. Далее в тесте статьи цитирование этого труда Ю.Н. Говорухо-Отрока будет сопровождаться указанием страницы в квадратных скобках.

⁶ Бореев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Бореев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 211.

ной классике. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации Говорухо-Отрока, связанные не только с персоналиями, но и с рефлексией критической мысли в России XIX века⁷.

Сопричастны к эстетическому взрослению Говорухо-Отрока прежде всего литературно–критические труды А.А.Григорьева и Н.Н. Страхова, критиков, в наибольшей степени близких ему в основных компонентах критической деятельности: в методологии критического анализа, в этико-эстетических и мировоззренческих подходах, в наименьшей степени в жанровых, композиционных, стилевых проявлениях. Зная критику В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина и П.В. Анненкова, Говоруха «останавливается» на Григорьеве и Страхове. Почему?

Сам этот «выбор» свидетельствует о цельности его личности: нельзя не признать, что привлекают будущего критика в довольно богатом на имена литературно-критическом пространстве во временных границах нескольких десятилетий — с 1840-х по середину 1870-х годов — оригинальные, своеобразные, но связанные определенной и весьма показательной общностью фигуры. Говоря о них, нельзя обойтись без упоминания книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» и таких сугубо национальных русских общественных и интеллектуальных течений второй половины XIX столетия, как «неославянофильство» и «почвенничество». Однако не стоит, как представляется, торопиться безапелляционно присоединять Говорохо-Отрока к этим или каким-либо другим направлениям, выделяемым в процессе становления литературно-критической и общественной мысли, в динамике анализа российской действительности, который в той или иной степени, в том или ином качестве, но обязательно присутствует в критических разборах. Ситуация оказывается несколько сложнее.

Идеология «почвенничества», идеология «неславянофильства» не были чуждыми Говорухо-Отроку (знакомство с книгой Н.Я. Данилевского в биографии автора сближено по времени с глубинным постижением Евангелия, и эти события у него связаны с духовным возрождением, пережитым им в одиночном заключении), но он чуждается принадлежности всяким группам, партиям и направлениям, всюду обнаруживая свой взгляд, позицию, мнение, у истоков которых – не гордыня и отчужденность, а духовная свобода; именно она способна вдохновить на творчество одаренного Богом человека и противостоять духовному рабству, в которое попадают и талантливые люди, впитавшие «разнообразные предрассудки современности»[91], в том числе и предрассудки партийной принадлежности. Такова позиция Говорухо-Отрока, и не учитывать ее при неизбежной необходимости классификации и систематизации в истории русской литературы и критики нельзя, только надо помнить об их относительности.

Но вести речь о значительном художественно-эстетическом воздействии на критика статей А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова, по всей видимости, следует.

Так, в газетной публикации 1894 года, мемуарной по характеру и близкой к жанру «литературного портрета», Говорухо-Отрок пишет о своём давнем внутреннем отклике на григорьевские статьи, прочитанные им в Петропавловской крепости: «Впечатление было неотразимое. Впечатление это производила та искренность и та безграничная любовь к литературе, которые светятся в каждой строчке, написанной Григорьевым»⁸.

«Искренность» становится для Говорухо-Отрока ключевым понятием в эстетической оценке художественного произведения, как это видно из этюда о Короленко. «Искренность» как способ подачи материала обнаруживается им в статьях предшественника, в то же время «искренность» как категория эстетическая рассматривается и А.А. Григорьевым. У Григорьева же — по всей видимости — Говоруха черпает сведения

⁷ Отсылаю к указанному труду О.А. Гончаровой, в котором дан практически полный перечень работ Говорухо-Отрока, опубликованных в периодике XIX века – как харьковской, так и столичной = и вышедших тогда же в отдельных изданиях. – Гончарова О.А., 2006. – С. 148-155.

⁸ Говорухо-Отрок Ю.Н. Григорьев А.А. // Московские ведомости. – 1894. – № 266. – 28 сент.

о Томасе Карлейле и «впитывает» восторженное поклонение ему. Есть необходимость сравнить панегирические эпитеты, сопровождающие это имя в статьях А. Григорьева и страницы восхищения в адрес шотландца в этюде его «ученика».

В аналитической статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» Григорьев называет Карлейля «великим мечтателем поэтом-философом-историком-пророком», считая, что только у него и у «философамечтателя Кольриджа» можно найти «блестящую минуту отрешенно-художественной критики», тем самым подчеркивая гениальность авторов, а не достоинства выделенного им критического направления. С деятельностью Карлейля Григорьев связывает появление «совершенно новой критики», которую он называет «органической».

В изучаемой работе о Короленко Говорухо-Отрок цитирует Карлейля в ответ на недоумевающий вопрос писателя о том времени, когда прекратится недоразумение между народом и образованными классами общества. Возможность сословного единения «на святой Руси» критик видит в выполнении одного условия: когда образованные люди поймут, что разум им дан для благоговейного исследования «тайн Божиих». В качестве аргумента он приводит большой фрагмент из книги Карлейля «Герои» и представляет автора известного в России, вызвавшего полемику сочинения, так: «...возьмем одного из величайших писателей нашего века – Карлейля» [100-101].

Н.Н. Страхов открыто позиционировал себя учеником и последователем А.А. Григорьева. Закономерно, что Говоруха чувствует родство с этими яркими литературнокритическим талантам. Высоко оценивая Страхова как философа и как литературного критика, он находит и в его статьях свидетельства первостепенного интереса к литературе, а не к отвлеченным понятиям¹⁰. Добавим: Говорухо нашел в Страхове товарища и единомышленника по вопросам веры без сомнения и без фанатизма, что из ситуации нашей современности видится чрезвычайно актуальным¹¹.

Наследуя своим предшественникам в вопросах отношения к Пушкину, в отказе от методов и подходов «реальной» и «эстетической» ветвей русской литературной критики к художественному творчеству, к произведению и писателю, Говорухо-Отрок остается оригинальным в своей собственной концепции, в своем собственном видении потенциалов критики. Это воплощается в его непосредственной работе: он считает, что у критики есть функция воспитывать не только эстетический вкус читателя – критик формирует мировоззрение и направляет дар писателей, подсказывая им возможные пути решения нравственных коллизий, воплощаемых ими в тексте художественного произведения. Оригинален он и в области формы своих работ.

Некоторая «лоскутность» построения статей Григорьева и свободный план многих критических работ Страхова (в частности, его «критической поэмы в четырех песнях» о романе Л.Н. Толстого «Война и мир») не находят продолжения в критических разборах их ученика и последователя. В очерке «В.Г. Короленко» у Говорухо-Отрока обнаруживается стройная и логическая композиция, где все элементы подчинены движению мысли, всё «приуготовляет» вывод, работает на него.

Жанр критической работы о Короленко обозначен традиционно для критики второй половины XIX века (интересно отметить, что Т. Карлейль тоже использовал эту

⁹ Григорьев А.А. Искусство и нравственность / Вступит. статья и коммент. Б.Ф. Егорова. – М.: Современник, 1886. – С. 38. В комментариях читаем о близости Григорьеву шеллингианца Т. Карлейля, которого он «считал своим учителем в критике, восхищаясь его статьями о немецкой литературе и циклом статей "Герои и героическое в истории" «. – Там же. – С. 313.

¹⁰ Личное знакомство Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухо-Отрока состоялось в 1891 г., когда относительно молодой и талантливый харьковчанин уже обосновался в Москве и вел в «Московских ведомостях» отдел литературной критики. Взаимная заочная симпатия их переросла в дружеские отношения.

¹¹ Не могу безусловно согласиться с тем, что Говорухо-Отрок отнесен к ортодоксальным христианам в монографии О.А. Гончаровой «Русская литература в свете христианских ценностей». Ортодокс не только сам «правоверен», он агрессивен в утверждении своих позиций и принципов. В этюде «В.Г. Короленко» я не вижу оснований для такой характеристики, обнаруживая – что удивительно – некие черты толерантности, проявленные по отношению к великим писателям.

форму, в частности, известен его этюд «Новалис»). В теоретических исследованиях по проблемам критических жанров чаще всего называется две разновидности этой формы – *импрессионистический этод* выделяет Л.П. Гроссман в статье «Жанры литературной критики». В работе «Поэзия критической мысли. О мастерстве Белинского и некоторых вопросах литературной теории» М. Поляков предлагает во второй группе критических жанров поместить философско-критические этоды¹². Перед нами, вне сомнения, философско-критический этод, но этим не ограничивается разговор о жанре работы, посвященной В.Г. Короленко.

Французское слово «этюд» означает «изучение», что весьма точно ориентирует и самого критика, и его читателя. Перед критиком стоит цель изучить литературнохудожественную деятельность писателя или одно из его сочинений, описать ход изучения, раскрыть смысл творчества привлёкшего его внимание писателя. Деятельность же читателя по изучению писателя не ограничивается только пониманием толкования произведения, предложенного критиком; чаще всего критик «втягивает» читателя в заочный, но весьма существенный и часто проблемный диалог. Так и происходит с работами Ю.Н. Говорухо-Отрока, которые не оставляют равнодушными их читателей.

«Только то волнует сердце, что идет от сердца», говорит Гётевский Фауст – и этими словами прекрасно характеризуется значение искренности в искусстве»[5], – так поэтично и точно вводит критик одно из своих теоретических основополагающих понятий. Он вполне владеет формой и приемами её организации, чтобы побудить читателя поверить в искренность и истинность своей позиции. Существенную роль в придании композиционной стройности этюду придает разделение всего материала на три части. Эти части – статьи, которые публиковались Говорухо-Отроком в 1,2 и 4 номерах журнала «Русское обозрение» в 1893 году, в том же году появилось и отдельное издание с общим заглавием «Очерки современной беллетристики», уточнением «В.Г. Короленко» и с указанием жанра – «Критический этюд». Все эти обстоятельства информативны с точки зрения возможных подходов к вопросу жанрового определения. Вполне допустимо считать, что перед нами цикл статей, о чем свидетельствует и первая журнальная публикация и сохранение разделения на три части в отдельном издании.

Цикл, как известно, не простое соединение частей, объединенных общей тематикой, героем, идеей. Цикл становится таковым, если обнаруживает совершенно особую методологическую основу, скрепляющую его раздельно существующие части в целое. Такой основой в данном случае является последовательная смена дедуктивного и индуктивного подходов критика к изложению материала. От теории, терминологии и общих размышлений, начинающих статью, автор движется к частностям, рассматривая рассказы В.Г. Короленко «В дурном обществе» и «Сон Макара». Первая статья завершается новым обобщением. Оно становится ведущим при разборе рассказов во второй статье.

Здесь внимание критика останавливается на таких произведениях, как «В подследственном отделении» (известном нам как «Яшка»), «Очерки сибирского туриста» (тоже сменивших впоследствии название на «Убивец»), «В ночь под светлый праздник». В завершение второй статьи обобщение от рассмотренного в ней художественного творчества Короленко выливается в попытку предложить другое решение коллизии, описанной в рассказе «В ночь под светлый праздник». Критик оценивает произведение, не выпуская из виду возможность посоветовать писателю иной путь освещения сюжета. Эта возможность использована Говорухой (в данной работе он еще однажды прибегнет к ней при анализе рассказа «За иконой»), сюжет в его изложении действительно приобретает трагическое звучание, но и этим не исчерпывается финал

 $^{^{12}}$ См. обзор литературоведческих исследований о мастерстве литературной критики в книге: Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль / Б.Ф. Егоров. – Л.: Советский писатель, 1980. – С. 3-28.

второй части. Собственное художественное воплощение сюжета предваряет выводы о характере дарования г. Короленко и заключения более широкого плана – о том, что помогает «взойти на вершины художественного творчества». (Курсив автора. – Ю. Г-О.) Чтобы оказаться на этих вершинах, «надо отыскать в душе своей то вечное и неизменное, всегда сущее, всегда себе равное, что одно может дать непреложный критерий для суда над жизнью...надо уверовать в то, великое и вечное, что одно дает смысл миру и жизни человеческой...» [71].

Так впервые без аллюзий, впрямую Говорухо говорит о необходимости веры для художника, изображающего жизнь человеческую. Это обобщение нового, более высокого уровня, подготавливает третью часть с очередным движением к частным разборам и широким обобщениям. Эти взаимосвязанные элементы на пути к финалу статьи все более и более обретают характер проповеди, исповедания своей веры и убеждения в ней тех, кто только живет в рамках христианской морали, но не стал еще истинно верующим человеком. Казалось бы, вершина обобщений достигнута, и перед нами апофеоз всей работы, посвященной писателю, в произведениях которого оказалось такое множество тем, героев и сюжетов, вызвавших положительный отклик критика-христианина.

Но перед нами критик, профессиональная компетентность которого не позволяет ради истины умалчивать то, что может в чужих устах стать контраргументом. Третья статья рассматривает рассказы «Ночью», «На затмении», «За иконой», их избрание обусловлено не только уже как будто бы обозначившейся тенденцией: критик максимально внимателен к любому проявлению талантливости, искренности и объективности Короленко. Но предпочтение этих произведений более всего помогает критику прийти к окончательному, итоговому рассуждению об истинном творчестве и подлинной художественной одаренности, мешает раскрыться которой «духовное рабство», подчиненность установкам и положениям, «ложным верованиям современности». Судя по характеру движения мысли критика по спирали обобщений и детализированных разборов, чтобы прийти к выводу высшего уровня, перед нами на самом деле цикл, пронизанный, как лучами, эпиграфами, помещенными в начале каждой статьи. Необходим аналитический разбор их функций в критическом этюде, который добавит оснований для того, чтобы подтвердить некоторые выводы о жанровой природе изучаемого критического цикла Говорухо-Отрока. Но от некоторых замечаний нельзя отказаться и сейчас.

Критический этюд о Короленко – это этюд философский. В подоснове его – христианское мировоззрение автора, Ю.Н. Говорухо-Отрока. Размышляя о творчестве, его характере, о художественных приемах и смысле создаваемых писателем произведений, о смысле человеческой жизни и человеке в его взаимодействии с миром, о назначении человека, критик утверждает и проповедует христианскую веру, отделяя ее от интеллигентских попыток изъять из учения Христа заповеди и соорудить из них «простое этическое учение». Глубина его понимания подобной опасности удивляет, но, видимо, это лишь очередное подтверждение всеобъемлющности его веры. Говорухо не раз прибегает в тексте статьи к евангельским и библейским цитатам. Практически все эпиграфы им взяты из Священного Писания. Даже на поверхности, без проникновения в дух и настроение этой работы, обнаруживаются приметы, позволяющие поставить вопрос о критике собственно христианской¹³, к которой с полным основанием и, допускаю, прежде всего может быть причислен Говорохо-Отрок.

¹³ В статье Н.Л. Крюковой развивается тезис о возможности выделения жанра христианского романа, рассматривая целый ряд критериев. Принимая логику ее рассуждений и предварительных выводов, считаю возможным вести речь о христианской критике Говорухо-Отрока, поскольку в его трудах и сочинениях обнаруживается так называемый «православный код». Это предположение должно быть глубоко и основательно рассмотрено далее. См.: Крюкова Н.Л. «Христианский» и «антихристианский» роман (к проблеме жанра) // http://www.mineralov.ru/krukova1.htm.

Хотя несомненна также и другая возможность, отраженная в истории русской литературы и литературоведении последнего времени: группа литературных и общественных деятелей – Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, включая Ю.Н. Говорохо-Отрока, выделяется и помечается неким «ярлыком». Соответственное название было найдено давно: все поименованные здесь литераторы отнесены к «консервативной критике». Сменился лишь знак ее оценки с негативного на одобрительный. Сохраняющие верность традиционной триаде «православие, самодержавие, народность», они на самом деле являются консерваторами в том прямом, без скрытой оценки, смысле термина. Однако они глубоко индивидуальны и самобытны в своих критических разборах, в настроениях и оценках. Даже христианская вера, у каждого к которой свой путь, своеобразно отражается и столь же характерно, своеобычно сказывается в их работах.

Критические построения Говорухо-Отрока, истинно и бесповоротно, однажды и навсегда принявшего Бога, отличаются гармонической слаженностью, до высокой степени проникнуты нелицемерной заботой о человеке, о настоящем и будущем России, поэтому они своевременны и остросовременны.

В анализируемом этюде среди многих сущностных для определения мировоззрения критика позиций, примечательно развернутое в полемику рассуждениевысказывание о возможности «дня на святой Руси». Вероятность прихода этого светлого национального праздника отодвигается, по мнению критика, потому что «лучшие, даровитейшие люди, хотя бы тот же г. Короленко, люди "одаренные", имеющие дар Бога – талант – ...такие люди, опутанные современными суевериями, бродят как в потемках и никак не могут выйти из лабиринта безнадежных противоречий» [104]. По мнению Говорухо-Отрока, большее зло заключается даже не в релятивности мышления современного одаренного человека, выраженной в отсутствии, с одной стороны, определенного мировоззрения, с другой – в отсутствии духовной свободы, а в удовлетворенности «посредственности хладной» «в области умственной и нравственной ... тем, что прицепливает к себе какой-нибудь бессмысленный ярлык, свидетельствует о себе словами, не имеющими никакого человеческого смысла: либерал, консерватор, радикал, народник» (Курсив мой. – И.К.). Множество носящих «ярлык, отметку» « уже потому, что носят ярлык, могут быть обозначены одним общим именем "без различия партий и направлений" – именем обыкновенной житейской пошлости» [Там же]. Критику совершенно ясно: мыслящий и чувствующий человек не может разделять мнение партии или направления. (Курсив Ю.Г.-О.); [См.: там же]. «Человек, действительно мыслящий, действительно чувствующий, действительно ищущий истины, а не равнодушный к ней... ответит всяким "партиям" и "направлениям"... ответит на все современные ходячие мнения» словами Писемского на вопрос репортёра о том, что он думает о просмотренной пьесе: «Во всяком случае не то, что вы» [105]. Критик отстаивает право каждого иметь собственное мнение, не зависящее от мнения группы, а в своей критической деятельности он это право реализует, оставаясь верным понятиям, которые незыблемы, неизменны и ценность которых не подвержена времени.

В этом смысле показателен «алгоритм», описывающий, «в чём заключается призвание истинного художника», который Говоруха примеряет к В.Г.Короленко, высказывая надежду на то, что «он когда-нибудь решительно отделается от сентиментальности, докринёрства и резонёрства, которые губят его прекрасное дарование», и почувствует, что «истинный художник должен любить свою родину, любить почву, породившую явления, составляющие объект его творчества, любить любовью зрячею, видящую все язвы любимого существа и любящею, поэтому, ещё больше, ибо к любви тут примешивается бесконечная жалость» [9].

Анализ критического цикла Говорухо-Отрока «В.Г. Короленко» приводит к следующим выводам. Художественная концепция Говорухо-Отрока гармонично соединяет веру без сомнений и вопросов, любовь к человеку, доверие к русскому народу, убеждение в непоколебимости государственного устройства при обязательном его ре-

формировании и усовершенствовании. При этом критику претит сама мысль о возможности принадлежать какой-то партии или направлению. «Он не продавал свое перо ни на каком рынке современности», — эти слова, принадлежащие кн. В.П. Мещерскому, взяла З.Т. Прокопенко эпиграфом к своему очерку о критике. После знакомства с одним из лучших критических опытов Говорухо-Отрока, в котором проявлена личность критика, слова эти не воспринимаются как простительное преувеличение, как «красное словцо», а расцениваются как истина, как редкое и полное соответствие смысла и явления.

Список литературы

- 1. Говорухо-Отрок Ю.Н.: Собр. соч. /Ю.Н. Говорухо-Отрок Т. 1. Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005. 510 с.
- 2. Прокопенко З.Т. Ю.Н. Говорухо-Отрок: Критико-биографический очерк/ З.Т. Прокопенко // Говорухо-Отрок Ю.Н.: Собр. соч. Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005. Т.1. С. 5-36.
- 3. Гончарова О.А. Русская литература в свете христианских ценностей / О.А. Гончарова. Харьков: Майдан, 2006. 164 с.
- 4. Чернец Л.В. «Как слово наше отзовется...». Судьбы литературных произведений: Учеб. пособие / Л.В. Чернец. М.: Высшая шк.,1995. 239 с.
- 5. Николаев Ю. Очерки современной беллетристики. В.Г. Короленко. Критический этюд / Ю. Николаев. М.: Университетская типография, 1893. 112 с.
- 6. Говорухо-Отрок Ю.Н. Григорьев А.А. // Московские ведомости. − 1894. − № 266. − 28 сент.
- 7. Бореев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Бореев. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 575 с.
- 8. Григорьев А.А. Искусство и нравственность / Вступит. статья и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Современник, 1886. –351 с.
- 9. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль / Б.Ф. Егоров. Л.: Советский писатель, 1980. 320 с.
- 10. Крюкова Н.Л. «Христианский» и «антихристианский» роман (к проблеме жанра) // http://www.mineralov.ru/krukova1.htm

CRITICAL SKETCH OF Y.N. GOVORUKHO-OTROK (V.G. KOROLENKO)

I. I. Kulakova

Belgorod State University
e-mail:
kulakova@bsu.edu.ru

The author of the article analyzes Y.N. Govorukho-Otrok critical sketch, dedicated to V.G.Korolenko literary activity of 1880's – beginning of 1890's. Govorukho's literary criticism is studied in the context of genesis of his esthetic ideas, his world outlook preferences, i.e. his value scale preferences and genre features of his literary work. The term "Christian Criticism" is introduced by analogy with the term "Christian novel" as the most adequate word combination relevant to the essence of the sketch.

Key words: esthetic position (ground), lyricism, Christian criticism.

УДК 82-1

ДИАЛОГ КЛАССИЦИЗМА И РОМАНТИЗМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА (к проблеме становления художественного метода писателя)

В. В. Липич

Белгородский государственный университет

e-mail: lipich v@bsu.edu.ru В статье рассматривается проблема соотношения художественного наследия и традиций отечественной литературы XVIII века с процессом идейного формирования Пушкина-романтика.

Ключевые слова: классицизм, романтизм, традиция, новаторство, преемственность, творческий метод.

Восприятие пушкинского творчества как романтического позволяет осмыслить его художественную целостность. Этапом развернутой Пушкиным борьбы за раскрепощение литературы от сковывавших ее эстетических догматов являлся ряд выступлений поэта против классицистической эстетики, как эстетики нормативной, против классицизма, как искусства, связанного системой определенных «правил».

Безусловно, атака эта не была «лобовой» в том смысле, что своим полемическим острием пушкинские выступления в первую очередь были заострены не против основных понятий и имен классического наследия, а против «младшей» ветви классицизма, против «легкой», «фюжитивной» поэзии. В качестве основного носителя классических начал в современной русской литературной действительности и в качестве одного из основных объектов полемических нападок у Пушкина фигурирует И.И. Дмитриев — поэт, творчество которого являлось типичнейшим выражением «альбомно-будуарной» струи в современной стиховой культуре, но лежало вне основного русла русской классической традиции.

Отвергая стремление классицизма к регламентации и характерное для него признание неких вечных канонов художественности, Пушкин, однако, не умалял относительной ценности некоторых эстетических принципов классицизма и прогрессивности для своего времени его художественной системы в целом. Пушкин воспринимал классицизм как явление в совокупности свойственных ему противоречий. Осваивая эстетику романтизма, поэт увидел в ней апофеоз личности, раскрепощение таланта от гнета правил, полную свободу для вдохновения и новые возможности раскрытия внутреннего мира человека. Но он же несколько лет спустя заметил, как эта свобода оборачивается своеволием личности и крайностями субъективизма. Историзм мышления позволял Пушкину избегать односторонностей в оценке тех или иных явлений отечественной и мировой культуры.

«Истинное» искусство определялось в системе эстетических представлений Пушкина по следующим критериям: во-первых, как искусство, освобожденное от всякого покровительства сверху; во-вторых, как искусство, освобожденное от дидактизма, от голой тенденциозности; в-третьих, как искусство, освобожденное от какого бы то ни было канона, от какой бы то ни было внешней регламентации.

Именно этот последний момент ложится в основу пушкинской концепции романтизма. Принцип творческой свободы художника неизменно декларируется Пушкиным как исходный, кардинальный принцип романтической эстетики. Так, в письме к Вяземскому от 6 февраля 1823 г. поэт подчеркивает: «... Вся трагедия написана по

всем правилам парнасского православия; а романтический трагик принимает за правило одно вдохновение...»¹.

Продолжая развивать и отстаивать эту принципиально значимую мысль, Пушкин в своей заметке «О трагедии» (1825) констатирует: «Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил...» (XI, 39).

Высказывая критические замечания в адрес классицизма, Пушкин выступал в первую очередь не против того, что было стержневым в литературной теории и практике классицизма и что он сам считал основным — не против подчинения искусства некоторому абстрактному эстетическому регламенту, а против узости идейнопсихологического диапазона, тематической мелочности, изысканности и манерности «слога», то есть против всех тех качеств классической поэзии, которые с наибольшей рельефностью были представлены в практике представителей «младшей» ее ветви.

Но, несмотря на это, мы твердо убеждены в том, что было бы грубой методологической ошибкой рассматривать романтизм Пушкина обособленно, вне его генетической связи с классицизмом. «Муза Пушкина, – как справедливо отмечал Белинский, – была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя как свое законное достояние и возвратила их миру в новом, преобразованном виде»².

Традиции классицизма как посредника и регулятора пушкинского творчества в определенной мере участвовали в разработке поэтом новых эстетических систем – романтизма, а затем и реализма. Разумеется, Пушкин не возрождает в своем творчестве классицистские жанры, но все же определенная дань традициям классицизма в творчестве Пушкина заметна, и возвращения к предшествовавшему художественному опыту бывают причудливыми и неожиданными; даже анализируя индивидуальный стиль Пушкина в новейшем жанре «байронической» поэмы, В.М. Жирмунский замечает, что поэтика Пушкина органически связана «с поэтической традицией русского классицизма XVIII и начала XIX в.»3.

Традиции — это «определенное смысловое пространство», сложный комплекс национальной, религиозной и общечеловеческой культурной памяти. Справедливо замечание Г.И. Мальцева о том, что эта память «не всегда выступает на уровне сознания, являясь достоянием подсознательного и бессознательного» Наследование традиций являлось для русских поэтов-романтиков важнейшей составляющей творческого процесса и трактовалось авторами как одна из граней, необходимая для проявления личностного содержания творчества. В творческом процессе представало осмысливаемое ранними романтиками по-кантовски антитетичное, но уравновешиваемое авторским объединяющим сознанием традиционное и новаторское.

Взгляды Пушкина на русскую литературу XVIII в. формировались под воздействием двух прямо противоположных тенденций: с одной стороны, он воспитывался в обстановке преклонения перед Ломоносовым, Херасковым, Державиным, Дмитриевым, царившей в Лицее, с другой — поэт живо реагировал на проникновение в лицейскую среду новых литературных веяний, испытывая непосредственное влияние творчества таких ведущих поэтов начала XIX в., как Жуковский, Батюшков, Вяземский, Давыдов. При этом и «старое», и «новое» гармонично уживались в сознании лицеистов.

Ю.В. Стенник условно выделяет четыре этапа, фиксирующие эволюцию во взглядах Пушкина на литературу XVIII в., каждый из которых, по мнению ученого,

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994 – 1997. Т. XIII. С. 57. (Далее все цитаты приводятся в тексте по этому изданию: римская цифра обозначает том, арабская – страницу. При цитировании основного текста романа «Евгений Онегин» глава указывается арабской цифрой, строфа – римской).

² Белинский В.Г. Полн. Собр. Соч.: В 13 т. М.: АН СССР, 1953-1959. − Т. VII. − С. 266.

³ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л.: Наука, 1978. – С. 199.

 $^{^4}$ Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. – Л.: Наука, 1986. – С. 68-69.

отмечен ориентацией на вполне определенную сферу традиций прошлого и специфическим подходом к ним. Первый этап «это прежде всего 1811-й — 1819-й гг. — период, охватывающий лицейские годы и первые годы после Лицея, вплоть до южной ссылки, когда ученическое поклонение признанным авторитетам постепенно начало сменяться выработкой определенной системы оценок этих авторитетов, причем в целом связь с эстетическими установками карамзинского периода еще сохранялась.

Второй этап (1820-й – 1825-й) – годы южной ссылки и период пребывания поэта в Михайловском, вплоть до разгрома выступления декабристов на Сенатской площади. В оценке литературы XVIII в. начинает преобладать критический подход, повлекший за собой пересмотр устоявшихся мнений относительно исторического значения отдельных литературных знаменитостей прошлого. В то же время споры начала 1820-х гг. об оде и элегии высветили новый ракурс в восприятии традиций XVIII в. исходя из задач, поставленных перед литературой романтической эстетикой.

Третий этап связан с кратким, приходящимся на 1826-й — 1829-й гг., периодом изменений в расстановке литературных сил и адаптации Пушкина к сложившейся ситуации. Мучительные для поэта отношения с новым царем и его временные упования на спасительную миссию русского самодержавия определили своеобразную актуализацию поэтического наследия XVIII в. в сознании Пушкина. Тогда же четко обозначился его интерес к личности Петра I и роли этого монарха в русской истории.

И, наконец, четвертый, последний и самый сложный этап, приходящийся на 1830-е гг., характеризуется принципиальным поворотом Пушкина к XVIII в. как эпохе, определившей новое качество исторического бытия России. Именно XVIII в. заключал в себе истоки тех процессов, осмысление которых составляет содержание творческих исканий Пушкина последних лет. Поэт все чаще уступает теперь место историку. И преобладающее значение на этом этапе займут проза и журнальная критика, наряду с прямым обращением к занятиям историей»5.

Поэтому вполне закономерно, что поэтическое самосознание юноши Пушкина впервые проявляется в рамках дидактического послания «К другу стихотворцу» (1814), ибо юный поэт еще только постигает законы нормативной поэтики. В своем стихотворении он повторяет лирический принцип повествования, установленный Буало в его эстетическом кодексе «Поэтическое искусство», где «ученый» ритор наставляет «неученого» поэта; Буало тонко осознавал, что он «несносный критик», что сам он не поэт («творю неважно я»), но его назидательное слово просто необходимо любому поэту, ибо оно сфокусировало объективные законы поэтического искусства, и только познав их, поэт имеет право на самостоятельность.

Так или иначе, рационалистические элементы поэтики, связанные с особенностями нормативно-эстетического мышления, сосуществовали какое-то время с новыми, предромантическими и романтическими принципами в виде определенных «отголосков классицизма», и, безусловно, присутствовали (чаще всего как элемент внешнего, формы, как дань стилистической традиции) в художественной позиции Пушкина, но при этом не являлись для нее определяющими, так как не они характеризовали творческую специфику этой позиции.

Кроме того, как справедливо замечает Е.М. Пульхритудова, «историческое развитие русского романтизма... невозможно ограничить линейным движением от классицизма через предромантизм к романтизму, окончательно сформировавшемуся лишь к 30-м годам. Это развитие шло по спирали, даже в хронологических рамках 20-х годов мы можем наблюдать сложные и причудливые литературные тропинки, связывающие и объединяющие различные течения в единое романтическое движение»⁶.

⁵ Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. – СПб.: Наука, 1995. – С. 18-19.

⁶ Пульхритудова Е.М. Романтическое и просветительское в декабристской литературе 20-х годов XIX века // К истории русского романтизма. – М.: Наука, 1973. – С. 48.

С нашей точки зрения, философия Просвещения, определенные черты просветительства как идеологической системы могут быть основой нескольких литературных направлений, в том числе и романтического, так как определенные постулаты и принципы ее не чужды и романтизму. Это делает возможным преемственный творческий контакт между романтизмом и предшествующими ему художественными системами, в частности, традициями классицизма. В первые два десятилетия XIX века классицизм, как и всякий уходящий художественный метод, перестает быть основой литературного продвижения, сохраняясь лишь в творчестве отдельных художников-эпигонов. Однако определенные стилевые завоевания классицистов наследуются романтиками, трансформируются, получают иное содержание, выполняя иные задачи.

Пушкин, будучи смелым экспериментатором в области художественных форм, отвергая традиционные, в создании новых тем не менее идет, отталкиваясь от того, что уже есть – от традиции. Пушкинские приемы создают определенную дистанцию, «иронический» взгляд на старую форму, которая существует как исторически свершившаяся данность, но истинная суть которой «поглощается» движением времени. Она есть, но она «ускользает», потому что пришло другое время, формируются новые представления о форме, утверждаются новые эстетические принципы. Старая форма, существующая как историко-литературная данность, в восприятии другого творческого поколения неминуемо модернизируется; она понимается как явление сего времени, хотя в действительности несет в себе код своего времени.

Каждый исторически обозначенный период литературного развития обладает своей особой структурой отдельных отношений, которые не всегда осмысливаются по законам контраста, а чаще выступают в качестве переработки достижений сосуществующих различных стилей литературных направлений.

Когда писатель подвергается ряду влияний одновременно, то устанавливается в границах его творчества или творчества определенной группы писателей преобладание одних над другими (иерархия литературных течений). Так, например, в лицейском творчестве Пушкина классицизм остается преобладающей художественной системой:

Чтоб Шихматовым назло Воскреснул новый Буало – Расколов, глупости свидетель, –

заявил молодой поэт в 1816 году в стихотворении «Из письма к В.Л. Пушкину» (I, 141). Имена Лагарпа, Баттё, Буало и других нередки в письмах и стихотворениях Пушкина. Все это было выражением внутренней энергии и динамики литературного развития в первой четверти XIX века.

Пушкина увлекает идея новаторского переосмысления литературных традиций. Он стремится «по старой канве» вышивать «новые узоры» (VIII, 50). Эти задачи в конце 10-х – начале 20-х годов решает прежде всего Пушкин-лирик.

Изучение основных документов и литературных текстов между 1800-м и 1825-м годами дает полное право на утверждение, что классицизм не только в литературном сознании эпохи Просвещения, но и в декабристский период имел по-прежнему весьма влиятельное значение. Хотя он и отступал под напором новых художественных идей, но творческие элементы его в определенной степени по-прежнему входили в новые литературные системы. Отсюда проистекает и своеобразие оценки классицизма — более умеренной и сдержанной у Батюшкова, Рылеева, Бестужева и многих других активных участников литературного движения этой поры. Такого рода подход объясняется наличием в 1800-х — 1820-х годах ситуации культурного перелома, обусловившей все характерные особенности русского варианта развития литературы.

Характер *переходной* эпохи в русской литературе того времени, несомненно, наложил особый отпечаток и на традиционные литературные направления. Ни одно из них в рассматриваемую эпоху не выступало в классически завершенном, так ска-

зать, «чистом» виде. Именно это обстоятельство породило ряд гибридных художественных явлений, отмеченных печатью различных, подчас будто бы взаимоисключающих, противоборствующих творческих методов. Вместе с тем, мы полагаем, что такие методологические сочетания нельзя считать эклектичными, так как в них отчетливо проявилась интегрирующая тенденция русского литературного процесса, которая и составляла его важнейшую закономерность в данный — переходный период.

Так, скажем, классицизм на рубеже XVIII – XIX веков в России нередко был осложнен сентименталистским влиянием. Достаточно вспомнить в этом отношении оды Державина и Капниста, поэмы Хераскова, басни Дмитриева и трагедии Озерова. В условиях тогдашней эпохи «остаточное влияние» классицизма обнаруживается в творческой практике даже тех писателей, которые резко порвали с его художественной системой.

Более того, даже в литературной критике начала XIX в. были свои переходные явления. К примеру, тот же А. Мерзляков как поэт, автор песен и романсов, прокладывал дорогу от сентиментализма к романтизму, но как критик он пытался прокладывать дорогу от классицизма к романтизму, правда, менее удачно, так как в целом он все-таки остался во власти классицистической эстетики, хотя к ее авторитетам он уже начал относиться довольно критически.

Поэтому, с нашей точки зрения, было бы явным упрощением реального историко-литературного процесса рассматривать «классицистический элемент» в произведениях писателей начала XIX в. только лишь в качестве рудиментарного явления, не имеющего живого художественного смысла.

Завершением этого сложного процесса в истории русской поэзии и явилась поэма Пушкина «Руслан и Людмила», замкнувшая этот период неустойчивых систем. «Руслан и Людмила» – яркий образец диалогичности эстетической позиции автора. Традиционный жанр сказочно-фантастической поэмы переосмысляется: то, что было второстепенным, выдвигается на первый план и принимается современниками за совершенно новое явление. Переосмысление иерархии ценностей формальноструктурных элементов и тематических узлов представлялось в качестве сенсационного открытия.

Пушкин осваивал опыт нескольких поэтических школ. Поэма «Руслан и Людмила» балансировала между несколькими культурными традициями и не укладывается в рамки определенной и узко замкнутой художественной системы: она как бы лежит на перекрестке литературных путей, неся в себе отпечатки разных жанров, стилей, традиций.

Синкретичность и особая роль поэзии Пушкина в истории литературного сознания XIX столетия требуют конкретного анализа составных элементов ее синкретизма. Синкретический характер пушкинской поэтической системы обусловлен эпохой пересекающихся литературных направлений. Благодаря ситуации «культурного перелома» сумма новых художественных тенденций естественным образом координировалась с исторически противостоящими поэтическими направлениями. Говоря более точно, поэзия Пушкина возникает в условиях особой литературной ситуации, в рамках которой мы находим сосуществование разнообразных элементов, и устоявшихся в сознании писателей, и тех, которые только подлежат кристаллизации и установлению.

В литературной ситуации первой четверти XIX века играют большую роль не только узаконенные и признаваемые «современными» течения (сентиментализм Карамзина, рококо Батюшкова, предромантизм Жуковского), но и программно «презираемые» (барокко, классицизм). «Устаревшие», с точки зрения современного литературного сознания, они, тем не менее, имеют важное значение в структуре новых поэтических систем. Жанровые и стилистические элементы этих, подвергаемых острой критике, направлений проявляются в антологической лирике, в политической поэзии и, наконец, в попытках создания нового эпоса. В этом плане очень важен вопрос о влиянии не только компонентов стиля определенной культуры, но и художественной концепции мира.

В юношеской лирике Пушкина (как и в его поздней лирике) мы находим живые связи с предыдущими и сосуществующими художественными системами. В этом смысле определяющей чертой пушкинской поэзии становится почти неповторимое и в дальнейшем редчайшее качество – включенность ее во все предшествующие стилистические системы. Характерен в этом отношении для его эстетических взглядов отказ от резких, непримиримых отрицательных оценок предшественников. При всей четкости исходных позиций, Пушкин почти никогда не подвергает крайнему отрицанию действительно значительные явления прошлого и настоящего. Убедительно вскрывает структуру его критического сознания спор с А. Бестужевым о В. Жуковском, в котором проявилось чувство исторической меры, в высшей степени свойственное всем литературным суждениям поэта. И, пожалуй, единственным исключением из такого ряда отношений к литературным предшественникам является, по всей видимости, сиюминутное и скоропалительное высказывание Пушкина о признанном авторитете времени – Державине. Так, в частности, в июньском письме 1825 г. к Дельвигу Пушкин писал: «У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь...» (XIII, 181-182).

Следует иметь в виду при этом, что в русской литературе рассматриваемого периода, этот процесс взаимодействия сложен и отмечен двунаправленностью, то есть ориентацией не только на предшественников (старшее поколение поэтов) и их влияние на тех, кто пришел в литературу, но и на обратный процесс, когда творчество молодых поэтов оказывает прямое воздействие на участвующих в литературной жизни писателей старшего поколения (например: Державин – Пушкин, Гнедич – Дельвиг, Бобров – Державин и т.д.). В иерархии одновременно существующих стилей преобладает то или другое направление. Пушкин никогда не был классицистом программно (как выразился сам поэт, «два века ссорить не хочу!»), но он постоянно сохранял ощущение соотнесенности своей поэзии с предшествующей эпохой. Очень точно данную эстетическую гибкость позиции Пушкина, поднимающую его над спорами тех лет, прокомментировал П. Вяземский: «Классики и романтики доходили до чернильной драки. Пушкин остался тем, что был: ни исключительно классиком, ни исключительно романтиком, а просто поэтом и творцом, возвышавшимся над литературной междуусобицею» 7. В литературном сознании поэта сохранялись некоторые фундаментальные идеи классицистической поэтики, как, например, идея «плана». Значение порядка (= плана) отмечается в оригинальной концепции Мишеля Фуко, который утверждает, что классицизм, соотносясь с порядком, оперирует образами или системой сознания в рамках систем, лишенных времени. Поэтому в центре классицистической науки (сознания), начинающейся с упорядочивания мира, находится картина, а не интерпретация. Так возникает соответствие слова и предмета, каталогизированный мир вещей, уложенный в образы⁸.

Категория «плана», имеющая исключительное значение в эстетике Пушкина, является прямым наследием классицистической идеи «порядка», «гармонии», когда «...план обширный объемлется творческой мыслию» (ХІ, 61). Разумеется, речь идет не только о вполне естественном понимании организованности контекстов в художественном произведении, но и о том особом механизме логизации событийно-смысловой цепи, который характерен для классицистической поэтики. Многочисленные высказывания Пушкина, подчеркивающие доминирующую роль плана в художественной ценности поэзии (таковы его суждения о Данте, Грибоедове, Байроне и др.), вступают даже в некотором роде в противоречие с его концепцией романтической поэмы. Упрек Пушкина Байрону, что он «мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них: несколько сцен, слабо между собою связанных, были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин» (ХІ, 64), вступает в противоречие со

⁷ Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. – СПб., 1878 – 1896. – Т. I. – С. 57.

⁸ Cm.: Michel Foucault. Les mots et les choses... – Paris, 1968. – P. 64-72.

структурой романтической поэмы самого Пушкина. Он как бы забыл, что именно «литературные староверы» упрекали в этом его самого. Так, в статье В. Олина Пушкин был взят под защиту от обвинений Булгарина в отсутствии плана: «...Я спрошу Вас только о том, почему именно в поэзии романтической не должно искать *плана*? Где ваши доказательства?» При этом рецензент ссылался именно на поэмы Байрона и Вальтера Скотта («в каждой из них вы найдете план...»)9.

Следовательно, в дискуссиях того времени категория «плана» имела первостепенное значение. Замечательно, что пушкинское понимание «плана» близко к толкованию критиками его собственной поэзии. Так, в любопытной статье Я. Галинковского в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» находится аналогичное рассуждение. Возражая против раздававшихся упреков по адресу поэмы Овидия «Метаморфозы», он замечает: «В ней находится *скрытый план* или лучше сказать сцепление весьма искусно связанных, забавных приключений...»¹⁰ и т. д.

Связь некоторых эстетических идей Пушкина с классицизмом не означает тождества, но свидетельствует, тем не менее, об органичности усвоения поэтом предшествующих традиций. Мы считаем, что к отголоску классицистической традиции можно отнести не только первые литературные пробы Пушкина-лицеиста, но также и зрелые произведения поэта. Кроме того, воздействие эстетики классицизма отразилось, например, и в постоянном стремлении Пушкина к гармонической стройности композиции как своих ранних, так и более поздних произведений. Или, скажем, строфическую организацию стиха в романе «Евгений Онегин», не обязательно связывать только лишь с традицией байронической поэмы, так как «онегинская» строфа (АбАбВВггДееДжж) незначительно модифицирует именно одическую строфу (АбАбВВгДДг). При этом следует отметить, что уже в творчестве Державина одическая строфа часто применялась для выражения различных тем (см., например, стихотворения «К первому соседу», «Приглашение к обеду», «Гром», «Крестьянский праздник» и пр.); его же поэзия дает образцы модифицированных одических строф, чрезвычайно близких к «онегинской», – например, в стихотворении «Афинейскому витязю» (аББаВВггДеДе). Таким образом, можно заметить, что как в одической строфе, так и в державинских ее вариантах налицо единый принцип ритмической организации: связанные по правилу альтернанса сочетания наиболее естественных и стройных в русском стихе рифмовок: перекрестной, кольцевой и парных. Тот же принцип обнаруживается и в строении «онегинской» строфы. Более того, в пушкинском романе мы встречаем прямое признание поэта: «Я классицизму отдал честь...» (VII, LV, 13).

Безусловно, Пушкин не был эклектиком, механически сочетая классицизм с романтизмом. Влияние предшествующих литературных направлений объясняет введение элементов традиционных культур при создании образа современного мира в пушкинских текстах. Выбор образной основы, способы поэтических сочетаний предопределяются, с одной стороны, сложившейся стилистической и фразеологической традицией, с другой — принципами согласования или противостояния различным традициям.

Одной из существенных вех на пути к романтизму Пушкина явилась антологическая лирика¹¹, воссозданная поэтом в основном согласно традициям «романтического эллинизма». Пушкин как бы прошел, условно говоря, своеобразный «курс художественного обучения» в мастерской античной поэзии, несмотря на то, что он, как и его предшественники – Державин и Батюшков – знал ее только по переводам. Практически одновременно и параллельно с увлечением Байроном, Пушкиным создаются и многочисленные стихотворения в антологическом роде, так называемые «подражания

 $^{^9}$ Русский инвалид. $^-$ 1825. $^-$ N $^\circ$ 52. (Ср. критические замечания в адрес «Бахчисарайского фонтана» того же В.Н. Олина // Литературные листки. $^-$ 1824. $^-$ N $^\circ$ 7).

¹⁰ Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение одиннадцатое. – СПб., 1813. – С. 37-38.

¹¹ Разносторонне и глубоко этот сегмент пушкинской поэзии был исследован С.А. Кибальником (см.: Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. – Л.: Наука, 1990).

древним». Культурное самоопределение всех европейских народностей, согласно романтической доктрине, следует считать необходимым условием нового понимания цивилизации, когда в общеевропейский процесс развития поэзии каждая нация вступает со своей особой творческой «данью», обогащая общую сокровищницу человечества. Античность в антологической лирике романтиков предстает в своей национальной первозданности, в исторически неповторимой красоте и обаянии. Общеизвестно, какой огромный вклад в новое понимание античности у романтиков внесли «Римские элегии» Гете, «Художники» и «Боги Греции» Шиллера, поэзия Альфьери и Монти. Для Пушкина своеобразным аналогом подобных представлений стало творчество А. Шенье с его всепоглощающим культом Эллады и прославлением первозданной красоты, естественности древнейших народов Европы. 12 Пушкин называет А. Шенье «возвышенным галлом», по следам которого он намерен устремиться. Однако, имея в виду Шенье, поэт не забывает и Радищева – название оды «Вольность» восходит к одноименному произведению русского писателя. Романтический эллинизм – это еще одна попытка подойти к классическому наследию с позиций нового мироощущения. Однако по сравнению с западноевропейскими романтиками примирения и воссоединения греко-римского наследия с культурой средних веков в русском романтизме не произошло – освоение ценностей восточнохристианской культуры лишается у Пушкина романтического ореола (см. стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны...»). Вера в откровение оказалась не в состоянии органически объединиться с духом романтического скепсиса критицизма.

На пути к романтическому методу произошла постепенная трансформация героико-патриотической темы в тему политической и гражданской свободы, что позднее стало основой романтического культа поэта как проводника идеалов высокого служения высоким началам жизни. Упомянем и робко мерцающий мотив «коллективной радости» при ощущении полноты бытия, характерный для «Вакхической песни» — произведения, наглядно демонстрирующего переход от рационализма к романтизму. На исключительную роль риторической традиции в формировании пушкинского романтизма указывает Н.И. Михайлова¹³. Вот, на наш взгляд, основная группа проблем, возникающих при изучении генезиса нового стиля и метода.

Смена ценностных ориентиров наиболее наглядна на рубеже веков. Если в системе классицизма идеал носил четкий и определенный характер — выявление личного через осуществление требований гражданского долга сообразно образцам условной античности, — то у романтика Пушкина идеал формируется в процессе авторского волеизъявления, в котором решающую роль играет порыв стихийного обнаружения природного, максимально свободного, естественного потенциала суверенной личности. Если у классицистов ценностный статус личности изначально предопределен и обусловлен априорной нормой, то Пушкин-романтик лишает лирического персонажа пространственно-временной закрепленности и приуроченности, его герой становится «обитателем природных стихий», «странником по собственной воле». Герой классицистов последовательно осознает раз и навсегда заданные ценности, романтик же Пушкин только предчувствует радость поиска истинных ценностей, находясь в состоянии осознания и переживания новых эмоций, представлений и впечатлений.

С самого начала литературной деятельности Пушкина, еще с лицейского периода, творчество его находилось под особенно ярко выраженным воздействием трех

¹² Кроме известных работ Б.В. Томашевского (см.: Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. − Л.: Советский писатель, 1960) показательны в этом отношении и тонкие наблюдения, содержащиеся в работах Е.П. Гречаной (см.: Гречаная Е.П. Поэтика А. Шенье: автореф. дис. ... канд. филол. наук. − М., 1988; Она же: Пушкин и А. Шенье // Временник Пушкинской комиссии АН СССР. − Л.: Наука, 1988. − Вып. 22).

¹³ См.: Михайлова Н.И. Творчество А.С. Пушкина и русская ораторская проза первой трети XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1988. Иной взгляд на общее соотношение романтизма и риторической традиции представлен в работах: Man P. de. The Resistance to Theory. – Minneapolis, 1986; Man P. de. The Rhetoric of Romanticism. – N.Y., 1984; Romanticism and Language. – N.Y., 1984.

литературных традиций, связанных с наиболее значительными направлениями и течениями предшествовавшей и современной Пушкину русской литературы и соотнесенных с великими именами и явлениями литературы зарубежной.

Первой из этих традиций по времени воздействия на Пушкина была так называемая легкая поэзия, с образцами которой мальчик-Пушкин познакомился по стихам французских поэтов-эротиков XVII – XVIII вв., особенно Парни, и по стихотворениям «российского Парни», как называл его в это время Пушкин, - Батюшкова. Своими русскими корнями «легкая поэзия», литературную родословную которой именно Батюшков наметил в нашумевшей «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816), уходила в «анакреонтику» XVIII в., возникшую с самого начала классицизма, но получившую особенное развитие к концу его в анакреонтических стихотворениях и горацианских одах Державина, Капниста, а также в поэзии сентиментализма – Карамзина и его школы. Образцом «легкой поэзии» в крупных жанрах была прославленная в свое время поэма - «древняя русская повесть в стихах» - И.Ф. Богдановича «Душенька». Особенное значение «легкой поэзии» (анакреонтики) заключалось в том, что при всей своей условности она из всех стихотворных жанров XVIII в. была наиболее непосредственно связана с античной - антологической - традицией, замечательное проникновение в художественный дух и строй которой уже являют некоторые места «анакреонтических стихотворений» Г.Р. Державина, «Сафические строфы» А.Н. Радищева, столь ценимые впоследствии А.С. Пушкиным, и, в особенности, переводы из антологии и «Подражания древним» К.Н. Батюшкова.

Одновременно с воздействием «легкой поэзии» Пушкин-лицеист испытывает почти не учитывавшееся до недавнего времени воздействие так называемого русского «сатирического направления» XVIII в. – обличительно-сатирической струи, развившейся в рамках классицизма (сатиры Кантемира и Сумарокова, сатирическая проза Новикова, позднее Крылова, сатира и драматургия Фонвизина, ироикомическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вакх» В. Майкова, шуто-трагедия Крылова «Трумф, или Подщипа», обличительно-сатирические оды «бича вельмож» Державина) и достигшей своей наибольшей силы в творчестве Радищева. Именно в «сатирическом направлении», насыщенном идеями просветительной философии, было осуществлено наибольшее, в рамках XVIII в., сближение литературы с жизнью. Воздействие «сатирического направления», в том числе (для лицейского периода прежде всего и больше всего) того писателя, в произведениях которого с наибольшей силой начал формироваться метод реалистической типизации - «творца, списавшего Простакову» (слова Пушкина в его ранней сатирической поэме «Тень Фонвизина»), закономерно сочеталось с первым большим литературным увлечением молодого Пушкина одним из «великанов» мировой литературы, «поэтом в поэтах первым» – Вольтером. Восхищаясь литературной разносторонностью Вольтера («Он все, везде велик единственный старик!»), особенно ценил Пушкин в его наследии философско-сатирический роман «Кандид» («скажу ль?.. отец Кандида») и его антицерковную поэму-сатиру «Орлеанская девственница», за которую именовал его «внуком» Ариосто.

К двум основным воздействиям — «легкой поэзии» и «сатирического направления — вскоре, с конца 1815 г., присоединяется, на некоторое время оттесняющее то и другое на задний план, воздействие нового литературного направления — романтизма, прежде всего и больше всего поэзии Жуковского. Взамен дружеских посланий и эротических стихотворений с условно-античной тематикой господствующим жанром последних лицейских лет становится романтически окрашенная элегия. Увлечение «пленительной сладостью» романтических стихов Жуковского с особенной силой выразилось в послании к нему 1818 г. («Жуковскому»), в котором «возвышенный» поэтромантик, обращенный «к мечтательному миру», творящий «для немногих», противопоставлен не умеющему наслаждаться прекрасным большинству, толпе, — противопоставление, с которым мы будем встречаться снова и снова на всем протяжении

творчества Пушкина до «Египетских ночей» включительно, но которое в соответствии с его общим творческим развитием будет наполняться все более конкретным жизненным содержанием.

Но дело, разумеется, не только в данном частном случае. Так или иначе, но то или иное воздействие на дальнейшее творческое развитие Пушкина всех тех трех основных начал — «легкая поэзия», «сатирическое направление» и романтизм, — которые так отчетливо различимы в ранний период его творчества, вообще никогда не прекратится. Начала эти будут развиваться, углубляться, подвергаться существеннейшим видоизменениям, будут меняться соотношения между ними, их пропорции, все они будут подчинены основному, ведущему направлению пушкинского творческого пути — утверждению реализма, но всецело из творчества Пушкина они никогда не уйдут. Они лягут в основу и того богатейшего синтеза, который являет собой пушкинское реалистическое искусство слова во всем его исторически и индивидуально неповторимом своеобразии.

И время Пушкина — это этап раннего русского романтизма, а потому столь, с одной стороны, напряжены его художественные и эстетические поиски, а с другой — столь значимы художественные результаты этих поисков. И как в собственной судьбе Пушкин-поэт явил собой гармонически целостную личность, преодолев кризисы и катастрофы, обретя полноту бытия, так и в своих совершенных произведениях он создал гармонию завершенной явственности, суть которой мы постигаем, обретя себя, приближая к нам Пушкина и приближаясь к нему.

Список литературы

- 1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994 1997. Т. XIII. С. 57. (Далее все цитаты приводятся в тексте по этому изданию: римская цифра обозначает том, арабская страницу. При цитировании основного текста романа «Евгений Онегин» глава указывается арабской цифрой, строфа римской).
 - 2. Белинский В.Г. Полн. Собр. Соч.: В 13 т. М.: АН СССР, 1953-1959. Т. VII. С. 266.
- 3. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. С. 199.
- 4. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1986. С. 68-69.
 - 5. Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб.: Наука, 1995. С. 18-19.
- 6. Пульхритудова Е.М. Романтическое и просветительское в декабристской литературе 20-х годов XIX века // К истории русского романтизма. М.: Наука, 1973. С. 48.
 - 7. Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878 1896. Т. І. С. 57.
 - 8. Cm.: Michel Foucault. Les mots et les choses... Paris, 1968. P. 64-72.
- 9. Русский инвалид. 1825. № 52. (Ср. критические замечания в адрес «Бахчисарайского фонтана» того же В.Н. Олина // Литературные листки. 1824. № 7).
- 10. Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение одиннадцатое. СПб., 1813. C. 37-38.
- 11. Разносторонне и глубоко этот сегмент пушкинской поэзии был исследован С.А. Кибальником (см.: Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л.: Наука, 1990).
- 12. Кроме известных работ Б.В. Томашевского (см.: Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л.: Советский писатель, 1960) показательны в этом отношении и тонкие наблюдения, содержащиеся в работах Е.П. Гречаной (см.: Гречаная Е.П. Поэтика А. Шенье: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988; Она же: Пушкин и А. Шенье // Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Л.: Наука, 1988. Вып. 22).
- 13. См.: Михайлова Н.И. Творчество А.С. Пушкина и русская ораторская проза первой трети XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. Иной взгляд на общее соотношение романтизма и риторической традиции представлен в работах: Man P. de. The Resistance to Theory. Minneapolis, 1986; Man P. de. The Rhetoric of Romanticism. N.Y., 1984; Romanticism and Language. N.Y., 1984.

THE DIALOGUE OF CLASSICISM AND ROMANTICISM IN THE EARLY WORKS OF A.S. PUSHKIN (on the problem of formation of writer's artistic method)

V. V. Lipich

Belgorod State University

e-mail: lipich_v@bsu.edu.ru The article dwells on the problem of the correlation of the artistic heritage and traditions of the Russian literature of the XVIII century with the process of the formation of Pushkin as romanticist.

 $\;$ Key words: classicism, romanticism, tradition, innovation, succession, creative method.

УДК 811.161.1

СМЫСЛ «СОМНЕНИЕ» И РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФАКТОРА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В КОНЦЕПТОСФЕРАХ ГОВОРЯЩЕГО И АДРЕСАТА¹

И. А. Нагорный

Белгородский государственный университет

e-mail: nagorny@bsu.edu.ru Статья посвящена рассмотрению сущности квалификативного модусного смысла «сомнение» и ситуации относительной достоверности в концептосферах говорящего и адресата как отражение фактора антропоцентризма на коммуникативном уровне. Анализируется план содержания и план выражения сомнения, средства репрезентации сомнения в русском языке, а также модально-квалификативные смыслы в высказываниях с языковыми средствами выражения сомнения.

Ключевые слова: квалификация, смысл, сомнение, коммуникативно-прагматическая ситуация, модально-квалификативные смыслы, концептосфера, частицы.

Попытки описания сомнения в рамках логических категорий возможности и вероятности предпринимались неоднократно [1; 2]. В то же время достаточно очевидна фрагментарность лингвистических исследований этой проблемы, что обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, сомнение базируется на целом комплексе аспектов характеристики предложения как языкового средства выражения мысли, поскольку сомнение является смыслом конкретизирующего характера, который развивается на основе базовых для него смыслов «возможность», «вероятность», «предположение». Во-вторых, в лингвистике пока, к сожалению, отсутствует выработанная системность в подходах к концептологическому изучению сомнения как квалификативного модусного смысла.

Смысл «сомнение» обслуживает речевую ситуацию, которая предполагает квалификацию того, в какой степени событие соответствует действительности. В основе данной ситуации лежит интеллектуальный (рациональный) тип оценки — оценка говорящим полноты своих знаний [3, 162]. Полнота знаний является базой для квалификации обозначенной в высказывании денотативной ситуации как недостоверной, сомнительной с точки зрения говорящего. Ситуация относительной достоверности входит в круг речевых ситуаций и примыкает по ряду параметров к ситуациям прагматическим, то есть ситуациям общения [4]. Такие ситуации разворачиваются на базе денотативных ситуаций, включают совокупность условий, усложняющих представление события в речи указанием на способ авторской интерпретации данного события.

Так как ситуация относительной достоверности — ситуация речевая, некоторые ее статусные компоненты могут быть не представлены на модельном (пропозитивном) уровне предложения, однако на семантическом уровне речевого высказывания данные компоненты фиксируются всегда, например, компоненты «говорящий» и «адресат». Определяя ситуацию относительной достоверности как ситуацию речевую, стоит заметить, что указанные компоненты непосредственно связаны с процессом квалификации достоверности сообщаемого, иначе говоря, являются знаками речевой ситуации, ограниченной коммуникативными параметрами «я — здесь — сейчас».

В конкретном речевом высказывании языковые (денотативные) и речевые (квалификативные) ситуации взаимообусловлены. Первые являются смысловой базой

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

для вторых, вторые же квалификационно трансформируют первые, актуализируя субъективное отношение коммуникантов к условиям, способствующим или препятствующим реализации события в действительности. Средства выражения сомнения в данном случае характеризуются как формальные элементы актуализации межситуативных и внутриситуативных отношений, в которые включается высказывание на коммуникативном уровне.

Сомнение является смыслом концептосферы индивида. Ситуативная сущность сомнения обусловлена тем, что концептосфера базируется на комплексе параметров, среди которых параметр персуазивной квалификации события является одним из наиболее универсальных. Сомнение как операция ментального уровня характерна для субъекта говорящего, мыслящего, чувствующего, воспринимающего. Это операция, помогающая субъекту постичь окружающую действительность, выработать свое отношение к ней, донести свое мнение до адресата-коммуниканта. Сомнение обладает важным свойством: оно универсально по сути, поскольку применяется к любым явлениям, процессам, временным и пространственным координатам. Мотивация сомнения может быть различной, объекты же сомнения ограничены объемом индивидуальных картин мира социумов.

Как универсальная, операция сомнения оказывается, с одной стороны, характерной для субъекта вообще, вне зависимости от принадлежности последнего к тому или иному культурному, историческому или духовному социуму. С другой стороны, универсальность сомнения интегрируется с яркой специфичностью средств его выражения в национальных языках. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения сомнения. Данные языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальных языковых картинах мира и представляют собой упорядоченную сферу с четко проявленной ядерно-периферийной организацией.

Смысл «сомнение» связан с сигнификативными значениями актуализирующих его языковых средств и является в то же время структурной частью общего смысла высказывания [5: 212]. Сомнение увязывается с интенцией говорящего и способностью адресата адекватно истолковать данную интенцию. Как и любой другой прагматический смысл, сомнение базируется на факторе тождественности понимания события осуществляемое на уровне соблюдения правил кодировакоммуникантами, ния/декодирования информации. Расхождение в этом аспекте следует трактовать как несоотносимость понимаемого адресатом смысла со значением элемента, вербализующего смысл «сомнение» в высказывании, или интонационным оформлением самого говоря, расхождения речевого высказывания. Иначе интенциализации/перцептивации высказывания обусловлена несоотносимостью конкретного коннотативного смысла с одним из денотативных значений понятийного или индексального знака. Думается, именно в этом заключается одна из причин неправильного истолкования смысла «сомнение» адресатом при подобной квалификации события говорящим.

Смысл «сомнение», таким образом, всегда ориентирован на понимание значения, которое является ядром для референции этого смысла в речевом высказывании. Для говорящего смысл, реализуемый, например, модальной частицей едва ли (вряд ли), — это актуальное составляющее ее значения, назначение и цель ее использования автором высказывания в качестве средства квалификации события. Для адресата смысл, заложенный в модальной частице, заключается, во-первых, в получении информации о событии как о возможно сомнительном факте действительности, а вовторых, — в правильном распознавании при помощи данного знака интенции говорящего, его позиции относительно факта действительности, то есть в конечном итоге — в возможности или невозможности идентификации «точек зрения» говорящего и адресата на коммуникативно-прагматическом уровне.

Поскольку квалификация события как факта сомнительного задана субъектом и для субъекта [6: 60], то в этом смысле она в какой-то мере становится относитель-

ной. Наличие в высказывании частицы указывает на то, что говорящий «увязывает» понятийный знак не только с его денотатом и сигнификатом, но и с различными признаками квалификативных сфер деятельности человека. В высказывании происходит, таким образом, переориентация адресата с понятийных знаков (знаменательных слов) на служебный знак (частицу), используемый для коррекции семантических полей первых. В результате смысл, актуализируемый понятийным знаком, в коммуникативном аспекте может корректироваться служебным знаком как вербализатором важного для говорящего квалификативного смысла «сомнение»: **Вряд ли** кому-то, кроме командира, было известно, зачем их послали сюда (Л. Толстой); Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня — вряд ли он видел (С. Аллилуева); И едва ли поэт создал бы свои бессмертные песни о русской природе, если бы не сроднился с нею с первых же лет своей жизни (К. Чуковский).

Квалификация высказывания а аспекте актуализации авторского сомнения всегда перспективно обусловлена – ориентирована на адресата. Исходя из этого, средства необходимо отнести к средствам сомнения коммуникативнопрагматическим. Это знаки особой логической операции говорящего, адресованной адресату на коммуникативном уровне, сориентированной на адресата. Для последнего языковые средства выражения сомнения – не только указатели на производимое говорящим особое ментальное действие, но и знаки необходимой активизации собственного мыслительного процесса. Это формальные средства, которые говорящий вводит только тогда, когда на это имеются какие-то особые причины, условия, заставившие говорящего использовать такой знак. Языковые репрезентаторы сомнения, таким образом, являются знаками предложения адресату осуществить аналогичную произведенной самим говорящим операцию оценки действительности, и только затем квалифицировать событие с точки зрения вероятности его осуществления в действительности. Модальные частицы как служебные элементы приобретают здесь статус знаков, ориентированных на перспективу стратегии мышления говорящего, знаков для адресата, знаков «приглашения к согласию» с предлагаемой квалификацией события. При этом квалификация события в аспекте сомнения производится как мыслительная логическая операция, а вербализаторы сомнения выступают как формальные знаки этой операции. Именно таким образом при помощью индексального знака в высказывании кодируется определенного рода (сомнительная) информация, которая передается говорящим для адресата с целью речевого воздействия на него.

С сомнением соотносится проблема исследования возможных миров [7: 39; 8: 28-39; 9]. Под возможным миром понимается мир, который возможен по отношению к действительному миру: то, что истинно в одном из миров, может оказаться ложным в другом. Для высказываний, в которых выражено сомнение, данная проблема особенно актуальна, так как использование формального языкового средства с семантикой сомнения увеличивает, с точки зрения говорящего, возможность проявления события в каком-то из возможных миров, а в другом – уменьшает. Для высказываний, выражающих сомнение, характерна речевая актуализация говорящим возможного мира, точнее нескольких возможных миров, один из которых предлагается выбрать адресату. Для говорящего это важно, так как сомневаясь в чем-то, он «настроен» на результат осуществления операции сомнения в коммуникативном процессе, ожидает адекватного распознавания данной операции адресатом и желательного совпадения позиции адресата со своей собственной.

Говорящий пытается таким образом избежать коммуникативных лакун. Им допускается, что существует область миров, в которой результат сомнения будет максимально возможен, приближен к достоверному, потому что условия его реализации будут способствовать этому: Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует (Н. Гоголь); -Почему вы будете рисковать моей жизнью? Разве я сама не отвечаю за себя? (В. Головачев); -Варвара! – сказал

он в нос. –**Неужели** ты, в самом деле, уходишь от меня к Птибурдукову? – Ответа не было (И. Ильф, Е. Петров). Напротив, имеется и вероятность осмысления события как ложного, не соответствующего действительности (Ср.: -И я сомневаюсь, – пробормотал Костров, – **Разве** можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты? (В. Головачев); Чувство тревоги было ему тогда незнакомо? **Едва ли** (Ю. Манн)). В действительном же мире («здесь» и «сейчас»), где реальный, то есть фактический результат события говорящим не обозначен, данное событие будет характеризоваться только как относительно истинное.

С проблемой сомнения соотносится и сфера лингвистических исследования степеней уверенности говорящего в сообщаемом. Степень уверенности оказывает влияние на использование субъектом в высказывании тех или иных языковых средств. Высокая степень сомнения соотносится, как правило, с большей степенью уверенности говорящего в сказанном, если условия осуществления/неосуществления события максимально, по мнению говорящего, соответствуют этому: -Можно просить вас, чтобы вы не раскручивали то, что в Мюнхене вам открыл господин Гаузнер, проявив понятную слабость? -Вряд ли. Так что кончайте всю эту историю, кричать я не стану (Ю. Семенов). Однако сама степень уверенности, поскольку это субъективный фактор – при неподкрепленности его объективным знанием, не может являться критерием для правильности или неправильности осмысления конечного результата события как достоверного или сомнительного. Поэтому вне зависимости от степени уверенности высказывание с модальными показателями сомнения служит формой выражения только вероятностного знания: И если бы Он вторично решил взвалить на себя ношу грехов наших и взошел бы на крест, то и тогда навряд ли тронул бы души людей (Ч. Айтматов); Тетя Душа тяжело заболела, и, если бы не доктор Чернышев и бабушка Ася, едва ли бы она справилась (Б. Костюковский).

С другой стороны, нельзя не учитывать и собственно семантические характеристики языковых средств, используемых для выражения сомнения. Например, модально-сомнительные частицы вряд ли, едва ли обозначают большую степень уверенности говорящего в сообщаемом, чем частицы модально-предположительной группы (чай, авось, небось и др.). Едва ли, вряд ли употребляются, как правило, в суждениях, которые базируются на владении говорящим какой-то долей фактической или эмпирической информации: Эзоповская, рабья речь едва ли когда-нибудь будет еще звучать таким зыбким трагизмом (И.Анненский); Могу только сказать, что, если бы он был не виноват, едва ли он стал бы возиться с этой историей всю жизнь (В. Каверин); -Наступит кризис. Сэр Фредерик едва ли доживет до завтрашнего вечера (Р. Штильмарк). Предположительные же частицы допускают употребление в большинстве своем только в предположительных суждениях, содержащих в основе равную возможность допущения противоположных результатов (Поди еще одумается, негодник, – прямиком объявила бабушка (ж.т.)).

Сомнение предполагает ряд обязательных характеристик: отношение факта к реальной действительности с точки зрения возможности и вероятности его осуществления; отношение факта к говорящему; отношение говорящего к возможности осуществления факта. Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможном несоответствии факта действительному положению вещей: — Вот отвезу — и отойду. И совсем уйду. -Ну, брат, навряд! (И. Бунин); -А с Лизой в ссоре я? — Хоть тем могу я льститься, Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться (А. Грибоедов); Рассказиками этими едва ли можно было прошибить здорового (А. Солженицын).

Сомневаясь, субъект личностно квалифицирует событие. Данная квалификация осуществляется «здесь» и «сейчас» — как констатация недостоверности сообщаемого. Автором вводится в предложение оценочная модусная характеристика, которая накладывается на пропозитивное содержание конструкции. Операция квалификации

осуществляется, таким образом, субъектом относительно объекта квалификации, и в операционном ключе имеет собственный план содержания и план выражения.

План содержания сомнения как квалификативного смысла типичен в своей основе для национальных языковых картин мира. Частные отличия базируются на коннотативных факторах, обусловленных разного рода социальными, историческими и культурологическими условиями. Межкультурная универсальность сомнения как ментальной операции субъекта противопоставлена яркой специфичности языковых и внеязыковых средств выражения сомнения в национальных языках.

В плане выражения для русского языка характерна стройная ядернопериферийная организация языковых средств, в состав которых включаются: знаменательные части речи с соответствующим значением (сомневаться, сомнение, сомнительный, сомнительно и под.); функционально-синтаксический способ (например, вопросительный тип конструкции); различные просодические средства; ядерные модально-сомнительные (вряд ли, едва ли) и периферийные модально-предположительные частицы (чай, авось, небось, вроде, словно, точно, разве, неужели, якобы, дескать и др.). Функционально-семантическое поле сомнительности — сложное, иерархически организованное образование с четко проявленным ядром и богатой периферией.

Смысл «сомнение», являющийся семантическим составляющим речевой ситуации относительной достоверности, включается в группу коммуникативнопрагматических смыслов. Данные смыслы выражают коммуникативно оформленный результат персуазивной квалификации события субъектом. Если логические смыслы «возможность» и «вероятность» основываются на объективных условиях возможного осуществления ситуации, то собственно квалификативные смыслы вводятся говорящим непосредственно для решения поставленной коммуникативной задачи. Это смыслы уточняющего характера, которые, как уже говорилось, определяют соотношение высказываемого и действительности в координатах «здесь» и «сейчас» в приложении на точку зрения говорящего. Смысл «сомнение» сконцентрирован на уточнении пропозиции предложения, и как сугубо «личностный» смысл связан с действительностью в большинстве случаев опосредованно — через логические смыслы «возможность» и «вероятность».

Концептуальная база для сомнения — предположение. Последнее исходит из возможности. Предполагать можно то, что является возможным или невозможным, что потенциально осуществимо либо неосуществимо. Таким образом, связь предположения и возможности налицо. Но предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через «я» индивида, через его видение мира, в то время как возможность зависит не только и не столько от субъективного фактора, сколько от условий, которые существуют вне данного фактора в объективной реальности. Таким образом, предположение — основа для реализации сомнения. Второе без первого невозможно, в то время как первое без второго эксплицируется достаточно часто: -Ну, прощайте, други... Засиделись мы у вас — и вам, чай, надоели (И. Тургенев); -Хе-хе... Мечтай, Илька! Чего не бывает на свете! Авось все, что я говорю, правда! (А. Чехов).

Там, где выражено сомнение, всегда имеется некая доля предположительности, однако последняя не превалирует, так как интенция сомневающегося субъекта заключается не столько в том, чтобы предположить об описываемом, сколько в том, чтобы выразить неуверенность в достоверности или недостоверности факта, в истинности чего-либо, актуализировать некую спорность проблемы, колебание, возникающее при необходимой для говорящего квалификации события: Ты вроде уже говорил мне об этом (В. Шишков); -Она прежде была испорчена и на голоса крикивала, да, верно, ей это прошло. -Не знаю, – говорю, – что-то будто и не слышно, не кричит (Н. Лесков); Как вдруг из расспросов сиделки, Покачавшей головой, Он понял, что из переделки Едва ли выйдет он живой (Б. Пастернак); -Ну, а почему бы и нет?.. -Да неужели? (В. Шукшин). В результате высказывания со значением сомнения активно

смещаются к смысловому полюсу отрицания. Это логически оправданно: чем большая доля авторского сомнения фиксируется в высказывании, тем более последнее в семантическом аспекте приближенно к обозначенному полюсу. В то же время с отрицательными подобные высказывания не смыкаются. Возможность осуществления факта хотя и подвергнута говорящим сомнению, однако не отрицается полностью. На это у автора либо нет достаточных оснований, либо, напротив, имеются особые причины, препятствующие нейтральной утвердительной или отрицательной констатации. Отрицания не происходит даже в том случае, если в высказывании выражена глубокая степень сомнения, как правило, базирующаяся на знании говорящим объективных обстоятельств, на основе которых и возникает его субъективное мнение: -Ты помнишь меня, малышка? – спросил он. – Хотя вряд ли: тебе было всего три года, когда я был у вас в последний раз (А. Волков); Как уже случалось раньше, он едва ли приедет («Комсомольская правда»). В этом проявляется специфичность сомнения как смысла, отражающего фактор антропоцентризма в концептосферах говорящего и адресата.

Важной характеристикой мотивационной сферы сомнения является аспект обоснованности субъектом собственного мнения, что в свою очередь актуализирует проблему степеней осведомленности субъекта. Как языковая, так и внеязыковая мотивация степени осведомленности субъекта может служить базой для градации оттенков сомнения, диапазон которых достаточно обширен — от логически обоснованного сомнения до сомнения необоснованного, случайного, сиюминутного. В то же время даже при поверхностном анализе проблемы выясняется, что логически обоснованное, мотивированное сомнение, никогда не может быть приравнено к отрицательной констатации факта. Нежелание брать ответственность за фактичность высказываемого дает говорящему право «синтаксически дипломатично» квалифицировать результат ситуации: Вряд ли есть вообще что-либо достойнее, чем стремление совершенствовать свой дух, увековечить себя в труде, в творениях своих (О. Гончар); - Ага...Так... Чай, теперь все пошло по-новому, не так, как при нас было (А. Чехов); - Ну вот, — сказал Дик, — вроде замотал я тебя сносно (К. Булычев).

Исследование смысла «сомнение» должно базироваться на учете не только лингвистических, но и суперлигвистических факторов. В этом аспекте формальные языковые элементы характеризуются как показатели, отражающие лишь начальный стимул для актуализации квалификативного смысла, далее конкретизируемого подключением средств других уровней, в первую очередь контекстуального и интонационного. Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного смысла «сомнение», фиксируемого формальным языковым элементом. Квалификативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавное наложение одного смысла на другой, совмещение их: -Небось и не придет больше, — терзался сомнениями сосед (Ю. Тупицын); Но вряд ли вам, Аристарх, удастся быстро отыскать узел пересечения, даже если он существует (В. Головачев); И вряд ли мне удастся достичь совершенства (Ю.Т упицын); Но едва ли он видел эти узоры (В. Головачев).

Аспект обоснованности мнения служит одним из дифференциальных критериев, на который ориентируется говорящий при построении модально-квалификативного высказывания (Ср.: Все-таки когда-нибудь счастливой Разве ты со мною не была? (А. Блок) — сомнение, осложненное желательностью; Скептики на это замечали, мол, как бы не случилось непоправимого (Е. Носов) — сомнение, осложненное опасением; Он вряд ли мог мечтать о таком развитии события — сомнение, осложненное возможностью; Действительно, он едва ли сможет вовремя вернуться — сомнение, осложненное акцентированным подтверждением. При этом должен быть учтен фактор, что структура персуазивного смысла сложна. Редким исключением являются случаи, когда персуазивный смысл, в том числе и смысл «сомнение», выступает в своем неосложненном варианте. Осложнения, образуемые кон-

нотативными, текстовыми наслоениями, разного рода оценочными и ситуативными факторами, прагматически обусловленными и оправданными, – все это подводит к тому, что сфера общего квалификативного смысла высказывания должна исследоваться системно и поэтапно, с коммуникативно-прагматических позиций.

Комплекс актуализированных проблем позволяет утверждать, что универсальность сомнения как квалификативного смысла, отражающего фактор антропоцентризма на языковом и речевом уровнях, базируется на универсальности ментальной операции сомнения, логически обоснованной, связанной с ипостасями субъекта и адресата, имеющей прямое отношение к речевой ситуации относительной достоверности, к языковой и концептуальной картинам мира социума, сферам ментальности и оценки. Данная проблема интересна по своей сути и требует детального изучения. Несомненно, на наш взгляд, что квалификативный смысл «сомнение» является важной составляющей концептосферы индивида. В ментальном и коммуникативном процессах он предназначен для решения поставленных перед говорящим и адресатом важных коммуникативных и ментально-перцептивных задач. В этом плане иерархизация модусных смыслов, их упорядочивание и систематизация являются необходимыми. Дальнейшее изучение антропоцентрической составляющих блока модально-квалификативных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область ментально-коммуникационного пространства субъекта, в этом плане представляется перспективным.

Список литературы

- 1. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
- 2. Философский энциклопедический словарь / Ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
- 3. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.
- 4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ. М.: Прогресс, 1989. 310 c.
- 5. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. – 358 с.
- 6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. - 341 c.
- 7. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 382 с.
- 8. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: Наука, 1977. – 191 c.
 - 9. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 447 с.

MEANING "DOUBT" AND THE SPEECH SITUATION OF THE RELATIVE CERTAINITY AS THE REFLECTION OF ANTHROPOCENTRISM FACTOR IN CONCEPT-SPHERES OF A SPEAKER AND AN ADDRESSEE

I.A. Nagorny

Belgorod State University

nagorny@bsu.edu.ru

The article deals with the essence of qualification modus of meaning «doubt» and the situation of relative certainty in concept-spheres of the speaker and the addressee as the reflection of anthropocentrism factoron the communicative level. We analyze the plans of content and expression of doubt, the means of representation of doubt in the Russian language, as well as modality-qualification meanings in statements with linguistic means of doubt expression.

Key words: qualification, meaning, doubt, communicative-pragmatic situation, modality-qualification meanings, comcept-sphere, particles.

УДК 811.114

ДНЕВНИК КАК ЖАНР В АСПЕКТЕ ЛИНГВОАТТРАКТИВИСТИКИ1

В. К. Харченко

Белгородский государственный университет

e-mail: Harchenko@bsu.edu.ru Исследование синергетического механизма развития жанра дневника через выявление (а) своеобразия функций дневника, (б) своеобразия содержательных параметров дневника и (в) своеобразия его языкового ландшафта имеет своим следствием анализ жанровой привлекательности ведения дневника, что выводит на проблематику лингвоаттрактивистики. Материалом для анализа послужили дневники писателей и учёных (М. Пришвин, С. Есин, В. Пропп, М. Нечкина и др.).

Ключевые слова: синергетика, повседневность, концепт «я», функции дневника, метафора.

Дневник — это систематическая, последовательная запись происходящих событий с центральной фигурой самого автора текста, осуществляемая для понимания и запечатления личности в системе переживаемых ею событий, с точным указанием даты происходящего и заведомо двойственной адресацией. Дневник будто бы замыкается на себе: по определению его автор и есть его сегодняшний (и завтрашний) читатель, однако в своём подтексте дневник предполагает аудиторию проективно не менее широкую, нежели аудитория художественного текста. Теорией дневника как жанра занимались многие исследователи, что отражено в монографии М.Ю. Михеева [4], где дан добротный обзор сделанного и выстроена концепция дневника как жанра.

Целью данной статьи является подход к дневнику с позиций лингвосинергетики и лингвоаттрактивистики. В последние десятилетия термин «синергетика» стал использоваться представителями гуманитарных наук [1, 2, 3]. Синергетика есть самоподдержание, самокоррекция, саморазвитие систем посредством нелинейных процессов, посредством самостийно зарождающегося из хаоса порядка при обязательном сохранении доли хаоса как условия потенциального развития. Трактовка развития жанров, естественно, не может не опираться на столь плодоносную теорию. Есть еще одно понимание синергетического механизма или синергетики в целом: малые усилия способны привести к большим результатам, пассионарным эффектам. Мы будем рассматривать синергетику в аспекте идеи саморазвития, самовоспроизводства жанра.

Синергетические механизмы жанрообразования в данном исследовании рассматриваются на материале анализа многостраничных дневников современного писателя Сергея Есина: Сергей Есин. Дневники. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2006. – 456 с. (далее Д I); С.Н. Есин. На рубеже веков. Дневник ректора. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 638 с. (Д II); С.Н. Есин. Далекое как близкое. Дневник ректора. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 848 с. (Д III). С.Н. Есин. Дневник ректора: 2005 год // Сергей Есин. Твербуль, или Логово вымысла: Роман места; Дневник ректора: 2005 год. – М.: Дрофа, 2009. – С.237-784. (Д IV). Как жанр дневники индивидуальны, субъективны, что сохраняется даже в ситуации стилистической отточенности, писательского мастерства их авторов. Сергеем Есиным разработан субжанр общественного, публичного дневника, сразу приобретший взрывную популярность, востребованный временем, весьма квалифицированной современной читательской аудиторией, но при этом субжанр фактически не исследованный и, как мы убедись, для исследования далеко не простой, таящий свои «системные» секреты.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

За счет чего поддерживает себя, существует этот жанр? Концептуальная схема лингвосинергетического исследования дневников такова. Синергетика жанра дневников зиждется прежде всего на сопряжении жанрово уникальных функций, содержательных предпочтений и языковых форм, однако проведённое исследование показало, что параметров здесь несколько больше.

1. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на своеобразии уникального ансамбля функций: аутопознавательной, летописной, резервативной, стилепоисковой, что отличает жанр дневников от весьма авторитетных жанров художественного дискурса.

Как связана функция самопознания и самопрезентации с синергетикой дневника как жанра? Обратим внимание на эпитет в синтагме: «вяжущая сила самопознания» (И. Кант). Вяжущая – значит процессная, предполагающая продолжение, новые записи, значит текстообразующая, в конечном счете, создающая и поддерживающая традицию и жанр дневниковых фиксаций. Самопознание связано в дневнике с самопрезентацией. Синергетика дневника в рамках самопрезентации поддерживается внутренним позитивом дневника как текста. «Меня одолевал ужасный пароксизм уныния, но с этой минуты, как я начал набрасывать эти строки, я значительно успокоился и почти развеселился, несмотря на то, что о весёлом мало приходится говорить. И так со мной часто случается. Дневник, играя роль моего поверенного, почти всегда восстанавливает во мне нравственное равновесие. Толкуйте это, как хотите, психологи: это факт», – пишет в своём дневнике критик А.В. Никитенко (т. II, с. 489).

Дневник, если не выполняет, то нередко посягает на выполнение летописной функции, недостающей в современных дискурсивных практиках. Экспансия СМИ в повседневную жизнь делает будто бы ненужным личное освещение происходящего. Но какого происходящего? Того, что демонстрируется по ТВ, или того, чьим свидетелем был сам автор дневника? Но и то, что транслируется официальными каналами, не исключает и личных оценок, жанр дневников становится кладезем фактов истории, а история в аспекте её преподавания по мысли академика Р.М. Фрумкиной, как это ни парадоксально, бедна фактами. Приведём некоторые фактографические отрывки есинских дневников.

Факт периода афганской войны: Рассказывала об афганских мальчишках, которые дают нашим раненым наркотики. Первые два раза бесплатно. Сажают на иглу. (ДI, 75). Факт меняющегося размера трибуны: ...Как постепенно в нашей жизни росла и совершенствовалась трибуна. Трибуна на XII съезде, этакий пюпитр, и трибуна-агрегат с гербом, с которой Черкасов приветствует Сталина. Незабываемое. Это из моей жизни. (Д І, 123). Факт: что ставят в театрах и почему: Я в ответ сказал, что меня тошнит, когда каждый театр ставит Чехова. И уверен, ставят не из чистой любви к нему, а из лености что-либо читать, из стремления «дополнить» конкирента, из мелкоинтеллигентского видения (ДП, 418). Факт: отношение к старым книгам: Я часто вижу книги на помойке. Они уходят из нашей жизни. Люди не понимают, что в атмосфере даже просто стоящих на полках книг ребенок растет по-другому. (Д III, 188). С. Есин приводит слова Зинаиды Гиппиус: записывайте мелочи, крупное не пропадет и без вас. Дневник – масса подобных отсвеченных, запечатленных маленьких фактов, значимых, однако, для равновесного, объёмного понимания большой истории и отнюдь не сырых с языковой точки зрения, что гарантирует долгую жизнь дневнику. Следующие две функции резервативная (оставить на запас, записать, чтобы не забыть) и стилепоисковая касаются дневника писателя как хранилища некоторых заготовок и дневника (не только писателя!) как мастерской стиля. Дневники предполагают черновиковость, не обработанность текста, сам факт их создания – школа писательства как фиксации происходящих событий.

2. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на своеобразии жанровой формы: дискретность, фрагментарность, сочетающаяся с протяжённостью, незавершённостью, «романностью», пластикой текста.

Дискретность, фрагментарность дневникового содержания, с одной стороны, и общую протяжённость, романность – с другой, легко проиллюстрировать не связанностью фрагментов, отсутствием плавных переходов при ежедневной повторяемости тех же тем, последнее и создает впечатление романности дневника.

3. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на своеобразии жанрового содержания: повседневность, злободневность, концепты «ego», «семья», «работа», «творчество».

Этот пункт касается своеобразия дневниковой концептосферы с центральным концептом «едо». Но здесь исследователя дневников С.Н. Есимна поджидает парадокс: именно быт, именно повседневность, включая выполнение служебных обязанностей, сопровождаются, во-первых, текстовым напряжением, которое мы исследовали в свое время применительно к романам писателя [5]. Во-вторых, повседневность в дневниках расцвечивается микроэвристикой, когда писатель выступает иногда еще и как исследователь окружающего. Это проявляется в дневниках Л. Толстого и М. Пришвина, Ж. Ренара и В. Проппа. У С. Есина в дневнике сама процедура оценки исследования сопровождается неожиданным заключением: Я думаю, эта страсть к исследованию близка страсти «присвоения». Открыть — это не только перекрыть чужое знание своим толкованием, но и приобщиться. (Д. I, 109).

4. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на своеобразии языковых структур: оценочная лексика, настоящее актуальное, вкусовая сенсорика и др.

Привычка лишает выбора, – пишет в своём дневнике М. Пришвин. – Привычка – это паутина: её выпускаем мы из себя, ею опутываемся и ничего не видим, даже рядом с собой из своего кокона» (т. 8, 277). Итак, четвёртый пункт, таким образом, касается своеобразия языковых структур. В лингвосенсорике это, например, характерное для дневника перечисление (только перечисление!) блюд при описании поездок, хождения в гости. Фуршет был очень неплох, опять-таки со вкусом: салат из свежих овощей, несколько блюд с запечённой в сметане картошкой, холодная баранина на тонких рёбрышках и две большие красные рыбы, кажется, лосось, запечённые в фольге (Д IV, 290). В лингвориторике дневника своеобразие языковых структур – это, например, финальные афоризмы, неожиданные, как и положено быть афоризмам. С другой стороны, я знаю, что всегда молодёжь пробивалась трудно, и имя возникает из мелочей, постоянного напора и работы. (ДI, с. 411). В лингвопоэтике своеобразие дневниковых языковых структур – это, например, свежесть «бытовой», «повседневной» метафоры. Он пожилой человек. Утро. Долгий туалет. С каждым годом машина запускается всё труднее. (Д I, 9). Точность есинского эпитета «долгий» здесь поразительна: за этим словом виден целый сценарий выполнения утренних действий, и тут же метафора: машина запускается все труднее. Интерпретацию старости писатель одаривает свежей образностью: обычное угро сравнивается с разогревом машины. В другом дневнике для интерпретации старости писатель находит другой, но не менее выразительный образ: Полный рабочий день выдерживаю уже с трудом. Может быть, это связано с тем, что уже двенадцать лет по-настоящему, как положено, как рассчитано для человека, ведущего преподавательскую деятельность (56 дней), не отдыхаю. А может быть, и возраст постепенно накрывает своим серым крылом... (Д IV, 368). Обратим внимание, что в дневниковом микросюжете (утро пожилого человека), или микрорассуждении (отдых преподавателя), или метафоре отводится финальный аккорд, и это характерно и для других тематически замкнутых фрагментов дневника. Далее, писатель выстраивает свою собственную дневниковую интонацию за счёт, например, риторических повторов: Писал ли я, что перед поездкой в Иваново был на комиссии по культуре МК? (Д I, 185). Писал ли, что все время чувствую за спиной шелест недоброжелательства? (ДІ, 269). Писал ли я, как на 100000 рублей меня «накололо» земство? Я внёс за аренду зала и они мне пока не вернули. (Д І, 274). Отметил ли я, что вчера в СП видел Сашу Сегеня? (Д І, 323). Таким образом, в рамках общежанровой концепции дневниковой синергетики можно регистрировать блоки индивидуально-авторских предпочтений.

- 5. Лингвосинергетика дневника как жанра подпитывается взаимодействием с другими дискурсами (публицистическим, художественным) и жанрами (записки, мемуары, очерки, романы, эссе). Пятый пункт: взаимодействие с другими дискурсами и жанрами в принципе можно не иллюстрировать, но здесь наблюдается одна сложность, подстерегающая жанр опасность. Дневник и подпитывается языком со стороны других дискурсов и жанров, и... разрушается, размывается как жанр, если присутствие инодискурсивного языка превышает порог допустимого. Как только писатель увлекается публицистическими включениями, дневник утрачивает дневниковые свойства, свою привлекательную непосредственность, социальную не заданность. Это имеет место у С.Н. Есина в Д IV, Д III (перепечатка многочисленных фрагментов авторских публикаций из газеты «Труд»). Вместе с тем реминисценции и аллюзии парадоксально не размывают дневникового жанра. «Достигли, наконец, и мы ворот Мадрида». Пишу в гостинице в Кабуле. (Д. I, 73-74). ...Видимо, уже нажито определенное количество идей и наблюдений. Если б молодость знала. (Д І, 141). Русской языковой личности настолько свойственно снабжать высказывание признаками гипертекста, что отсутствие их, например, в дневниках М. Пришвина скорее приближает дневник к области художественного в целом, нежели обилие реминисценций в дневниках С. Есина (художественность в частностях, инкрустациях, фрагментах).
- 6. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на презумпции управления жизнью путем её личной интерпретации. Дневник не может не выступать как жанровая форма самовоспитания, настройки на большую работу, самоподстёгивания ослабевшей воли. Процедура аутокоррекции состыкуется с требованием аутолозунга, формулы поведения, с возникновением метаэвристического лозунга для внутреннего пользования. Сегодня написал письмо А.Д. Дементьеву главному редактору «Юности», достаточно злое, но потом отослал письмо полегче. Собственные обиды надо уметь переживать внутри. (Д I, 54). Когда мы говорим про аутокоррекцию, то имеем в виду исправление от худшего к лучшему, от незнания к знанию, но работа над дневником, дневниковая параллель жизни способна раскрыть и синергетические механизмы творчества вообще, когда автор, например, радостно регистрирует в дневнике, что роман «пошёл».

Управление жизнью в дневниках Сергея Есина — это не только подстегивание собственной воли, но и обрисовка других вариантов жизни (например, в искусстве старения, в отношении к членам семьи). Поскольку такой материал чужд дневнику и не допускает пластического развёртывания, телеграфным стилем перечисляются узловые моменты. Здесь важно и то, что объектами рассмотрения оказываются зарубежные интеллигенты. [О правнучке Пушкина] Опять — 80 лет, удивительно бодрая, генетическое здоровье, несмотря на диабет. Еще водит машину. Буду ездить до 85, а уж там, как получится. Квартиру подарил племянник, поэтому «платит лишь 1600». Шьёт, переписывается, вяжет на 2-х вязальных машинах. Жизнь как радостный дар: у меня очаровательные внуки, был очаровательный муж, очаровательные правнуки. (Д I, 264). Самое невероятное здесь, как и везде в Китае, масса людей, но никто никому не мешает (Д IV, 400). Такие «иноземные свидетельства» весьма полезны отечественному социуму.

Дневник как жанр потребовал от его автора, писателя, максимально сложной проработки записей дня, «сырого материала», но такая ответственная проработка в свою очередь определяла и функционирование, и развитие жанра, и распространение преимуществ воздействия дневникового текста на уровне, во-первых, литературы как практической и позитивной психологии, во-вторых, литературы как практической и позитивной социологии.

Синергетическая модель дневникового жанра хорошо объясняет устойчивость жанровой формы дневников, востребованной как потенциальными создателями дневников, так и читательской их аудиторией, всегда оказывающейся на порядок больше изначально прогнозируемой автором, что связано с эффектом доверия к дневнику.

В последние годы получила импульс развития такая область психологического знания, как аттрактивистика, занимающаяся проблемами привлекательности текстов и прочих культурных феноменов. Поскольку мы опираемся на показания языка, представляется более уместным использовать термин «лингвоаттрактивистика», подчёркивающий проекцию на показания языка при констатации того или иного проявления притягательности, привлекательности текста. На основе проведённого исследования дневников писателей М. Пришвина², С. Есина, учёных В. Проппа³, М. Нечкиной⁴ попытаемся увязать синергетику дневника как жанра с лингвоаттрактивистикой, «веерно» отвечая на вопрос, в чём состоит выигрыш автора дневников. Этот выигрыш, ощущаемый и ведущими дневник рядовыми носителями языка, определяется следующими параметрами лингвоаттрактивистики.

- 1. Дневник, как это хорошо регистрируется в дневниках писателей и ученых, есть полнота отражения повседневности в триединстве насыщенной профессиональной деятельности, творчества и бытовых семейных обязанностей «Пуще всего бодрись перед близкими!» наставлял себя писатель Борис Шергин. Философия повседневности, величие в наблюдаемом бытовом составляют привлекательность дневниковой манеры изложения. М. Пришвин: Утешило письмо от женщины под 40 лет, чистое и воодушевлённое, как у девочки в 17 лет. Женщины нередко посылают мне такие письма, как будто рождённые ими дети ещё не всё и им ещё остаётся родить настоящего, единственного и последнего, ни на кого не похожего. Эта девственность про запас сохраняется у чистых женщин до глубокой старости... (т. 8, 639).
- 2. Дневник как жанр привлекателен стереоскопичностью, тонкостью и оригинальностью (неожиданностью, эвристичностью) оценочных включений, за счёт чего создаётся своеобразное текстовое напряжение [5]. Приведём запись от 28 октября 1893 г. из дневника Жюля Ренара: «Какой нужен талант, чтобы писать в газетах!». В.Я. Пропп, вернувшись от дочери, пишет дома в своём дневнике: У неё музыкальный голос, светящиеся глаза, живые движения. Она необыкновенная умница, и это сразу видно во всём. Только умные люди могут быть так всегда приветливы» (Дневник старости, 309).
- 3. Дневники привлекательны отсутствием демонстрации депрессии, уныния, слабости в раскладе собственных успехов и неудач. Конечно, свидетельства слабости в дневниках есть, но есть и выработанные по мере использования жанра дневника приёмы самоподдержки, в следующем контексте - с прицелом на будущее. Милица Нечкина 21 июня 1920 г. пишет в дневнике: Вчера и сеодня я удивительно счастлива. Слов и названий этому нет. Это счастье напряжённого, светлого научного творчества. Любовь, ненависть, отчаянье – всё описано людьми: в прозе, стихах, запечатлено на полотне, изваяно в мраморе, а счастье мысли, счастье научного творчества – нет. В письме Эрлиху я писала, что хотела бы написать такую книгу (резервативная функция дневника). И тут же молодая исследовательница истории наставляет себя: Я не знаю, надолго ли, и не надо знать. Если даже потом наступит час расплаты, надо запомнить мне, забывчивой, что за такие дни можно платить дорогою ценой (Отечественные архивы, 1997, N° 6. – C. 57). Дневник открывает потаённую процедуру шаманства, заклинания «ego». Известный литературовед и фольклорист В.Я. Пропп не столько констатирует, сколько «заколдовывает» своё состояние в идеальном варианте: Я опять верю в свою работоспособность, в то, что моя инфернальная усталость обратима и что и в 70 можно быть бодрым» (Дневник стаpocmu, 322).

 $^{^{2}}$ Пришвин М.М. Собрание сочинений. Т. 8. – М.: Худ. лит., 1986. – 759 с.

³ Пропп В.Я. Дневник старости. 1962-196... // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1995. – № 3. СПб. – С. 300-350.

⁴ Нечкина М.В. «Когда я буду великим человеком... очень пригодятся мои тетради...» (Из личных дневников академика М.В. Нечкиной) // Отечественные архивы. − 1997. − № 6. − С. 42-92.

- 4. Дневники привлекательны книжностью, изысканностью стиля и слова, что проявляется в дневниковой метафорике и афористике. Привычка лишает выбора, пишет в своём дневнике М. Пришвин. Привычка это паутина: её выпускаем мы из себя, ею опутываемся и ничего не видим, даже рядом с собой из своего кокона» (т. 8, 277). Языковой ландшафт дневников отличается от романного ландшафта. Те же фенологические, погодно-пейзажные зарисовки в дневнике проще и короче. Ср. у М. Пришвина: 10 января. В Москве крыши беленькие, а улицы чёрные (т. 8, 575).
- 5. Дневники писателей и учёных включают образы известных людей с особенностями их поведения, что не всегда «вычитаешь» из других источников. Так, автор дневников С. Есин регулярно пребывает в качестве участника и наблюдателя в центре столичного бомонда, и дневниковые записи пестрят именами собственными, небезызвестными читателю.
- 6. Дневники Сергея Есина привлекательны трансляцией политических событий в собственном восприятии и в проекции на повседневную социологию.
- 7. Дневники привлекают возможностью соотнесения написанного с недавними событиями, весьма памятными адресату-читателю. Так, дневники Сергея Есина дают возможность глазами автора увидеть ещё раз терракт на Дубровке, соотнести свои переживания.
- 8. Дневники писателей и учёных привлекательны щедрым присутствием книг, информацией, что читается, что обсуждается, что вспоминается, а всё это добавляет мажора к повествованию, даже если упоминаемые книги «грустны». В.Я. Пропп делится своим наблюдением: Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. И Гоголь велик не тем, что осмеивал Хлестакова и Чичикова, а тем, как он это делал, так что мы до сих пор дышим счастьем, читая его. В этом всё дело, не в том, что, а в том, как. А счастье облагораживает, и в этом значение литературы, которая делает нас счастливыми и тем помогает нам. Чем сильнее поучительность, тем слабее влияние литературы (Дневник старости, 326).
- 9. Дневники привлекательны «многосерийностью», большими объёмами написанного. Многостраничные дневники Л. Толстого, М. Пришвина, Ж. Ренара, С. Есина срабатывают, как в настоящее время срабатывают эффектом на продолжение телесериалы, серии книг. Серийность стала характерной чертой произодства выпуска даже детских игрушек, наклеек, паззлов и пр. Здесь есть проекция на присущий человеку инстинкт собирательства. Не исключено в плане дневников писателя или учёного, что социум заинтересован в летописце событий и продолжающейся его «летописи» при всей заведомой субъективности авторской манеры.
- 10. Дневники привлекательны уважением к подсознанию, отсутствием или почти полным снятием иерархии важного и неважного, крупного и бытовой мелочи. Здесь нередко на помощь приходит оригинальная метафора, как в дневнике М. Пришвина, например, о ветках и листьях, которые спорят... И в лесах во время ветра постоянно даже слышать можно удары и стоны, подобные человеческим. Но корни растений всегда молчат в глубине земли, и всегда заняты делом. и никогда не дерутся между собой. как идеи-листья между собой: корни, даже в самых трудных случаях, огибают друг друга... (т. 8, 454). Метафора в дневнике становится средством диалога с подсознанием автора, выполняя терапевтические функции.
- 11. Наконец, дневники писателей и учёных восхищают «технологичностью», высокими технологиями наблюдений: как руководить вузом, как учить будущих писателей, как подавать себя в одежде, выступлениях, как сочетать быт и творчество, творчество и службу, наконец, как вести летопись происходящего, сберегая факты, оценки и выводя формулы поддержки. С. Есин: Теперь моя задача все свои переживания обменять на новый роман (Д IV, 560). В.Я. Пропп: Моцарта надо играть без педали он писал для клавесина. Каждый звук есть событие и требует своего исполнения (Дневник старости, 310).

Изучение дневников в аспекте лингвоаттрактивистики важно не только для развития современной жанрологии или теории языкового позитива. Наблюдения над лингвистикой привлекательности текста даст возможность по-новому взглянуть на богатства современного русского языка, заложенные в будто бы незатейливых ежедневных записях событий, с одной стороны, и на возможность возвращения к письменному тексту «о себе» потенциальных авторов — наших современников, с другой.

Список литературы

- 1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
- 2. Высоцкая И.В. Лингвистика XXI века: синергетическая парадигма // Res philologica: Ученые записки. Вып. 4. Архангельск: Поморский университет, 2007. С. 52-55.
- 3. Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2004. 33 с.
- 4. Михеев М.Ю. Дневник как едо-текст. Монография. М.: Водолей Publishers, 2007. 263 с.
- 5. Харченко В.К. Теория текстовых напряжений и художественная проза С.Н. Есина // Научные ведомости БелГУ. 1998. N° 2 (7). Белгород, 1998. С. 54-60.

DIARY AS A GENRE: LINGVOATTRACTIVISTIC ASPECT

V. K. Kharchenko

Belgorod State University

e-mail: Harchenko@bsu.edu.ru This study presents the synergetic mechanism of the development of diary genre. The analysis of diary functions, its content and language reveals the attractiveness of diary genre for its authors and readers. The sources include diaries of famous writers and scientists, such as M. Prishvin, S.Yesin, V. Propp, M. Nechkina.

Key words: lingvosynergetics, everyday life, concept "Me", functions of diary, metaphor.

УДК 81.37

ВНУТРИСЛОВНАЯ И МЕЖСЛОВНАЯ МОТИВАЦИЯ У МНОГОЗНАЧНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г. М. Шипицына

Белгородский государственный университет

e-mail: Shipitsina@bsu.edu.ru В статье рассматривается роль внутрисловной деривации и межсловного словообразования в создании и дальнейшей судьбе производного слова. Анализируются нетипичные мотивационные отношения между исходной мотивировочной базой и производным значением слова как системы его лексико-семантических вариантов (семем). А именно: 1. Мотиваторами семем многозначной лексемы служат разные слова-омонимы. 2. Мотиваторами семем одной и той же лексемы служат разные родственные слова. Смысловая структура слова как словарной единицы сохраняет свою целостность и без совпадающих мотивационных отношений у семем, это оказывается возможным благодаря подключению иных видов системных отношений между семемами (оппозиционных и отношений смежности), действующих внутри смысловой структуры лексемы наряду с эпидигматическими.

Ключевые слова: мотивация, смысловая структура лексемы, семема, семантика, производное слово, внутренняя форма, системные отношения.

Смысловую структуру слова можно рассматривать на уровне лексемы как совокупности, а точнее — системы, лексико-семантических вариантов слова (его семем) и на уровне отдельной семемы, состоящей из множества компонентов значения (сем). На любом уровне анализа семантика производных слов оказывается гораздо более сложной, чем семантика непроизводных слов как по составу структурных единиц, так и по их содержанию. По мнению Е.С. Кубряковой, сложность и многоплановость смысловой структуры производного слова обусловлена их двойной референцией: вопервых, к миру предметов действительности (отсюда их индивидуальное лексическое значение) и, во-вторых, к миру слов (отсюда выводимость значения производного слова из значений другого, связанного с ним отношениями мотивации родственного слова. Важно также и то, что производное слово выступает «представителем серии слов с аналогичной смысловой структурой» [1, 90 – 94].

Предметом данной статьи является рассмотрение нетипичных мотивационных отношений между исходной мотивировочной базой (донором) и производным значением слова. Анализ языкового материала осуществляется не на уровне лексемы, а на уровне лексико-семантических вариантов.

Процесс усложнения смысловой структуры лексем за счет развития многозначности всегда интересовал традиционную семасиологию. В частности, он был в поле научных изысканий таких великих ученых-классиков отечественного языкознания, как Р.А. Будагов, В.В. Виноградов, М.М. Покровский, А.А. Потебня, которые заложили основу системному исследованию этих процессов. Они выявили ведущие закономерности семантического развития слова, определили важные принципы его анализа, наконец, на многочисленных примерах показали, что полисемия в лексике далеко не хаотична. Д.Н. Шмелевым было сделано обобщение по системности в лексике [2] и был предложен специальный термин для обозначения внутрисловных системных отношений между семемами многозначного слова — эпидигматические системные отношения как «третье измерение лексики» наряду с парадигматическими и синтагматическими [3].

В традиционном понимании деривационных процессов в лингвистической литературе является привлекательным освещение генетической природы вторичных значений слова как порождений внутрисловного развития семем друг от друга или по принципу гроздьев (в научной литературе принят термин радиальная мотивация: от основного лексического значения образуются остальные значения этого слова) или же цепью (если внутрисловная производность осуществляется последовательно: от первого значения образуется второе, от второго – третье, от третьего – четвертое и т.д.). Создателем формулы «гроздьями или цепью» считается В.И. Даль. Эта формула, конечно же, изящна. Более того, она действительно соответствует динамике семемопорождения у какого-то количества слов. Например, главное значение многозначного слова крыло-1 («орган летания у птиц, насекомых») мотивирует все его неосновные значения, образованные от основного метафорическим способом и связанные с ним интегральной семой «выступающая часть предмета из чего-либо общего – тела, конструкции, сооружения, общества и т. д.»: крыло-2 (крыло самолета), крыло-3 (крыло ветряной мельницы), крыло-4 (крыло автомобиля), крыло-5 (крыло невода), крыло-6 (крыло здания), крыло-7 (крыло армейского построения), крыло-8 (крыло политической партии). Противоположный пример: семема крючок-1 «небольшой металлический стержень с загнутым концом» (дверной крючок) мотивирует семему крючок-2 «приспособление с загибом на одном конце, служащее для того, чтобы зацеплять чтолибо» (вязальный крючок), от нее образовалась семема крючок-3 «росчерк, завиток на письме» (крючок у заглавной буквы), от этой третьей образовалась четвертая семема (переносное, устаревшее разговорное значение) крючок-4 «придирка, умышленное затягивание, запутывания дела» (крючок в судебном деле), а уже от него образовалась семема крючок-5 («крючкотворец»), например, За малыми столами – премудрые крючки-подьячие – листают тетради (А. Толстой. Петр Первый). (Все толкования значений и номера значений в данной статье представлены по МАС-2). При внутрисловной деривации по принципу цепи семантическое развитие слова происходит более сложным путем. О единой интегральной семе для всех семем в данном случае говорить не приходится, а семантическое сходство закономерно наблюдается только у соседствующих в мотивационном ряду семем (у первых трех – это признак формы предмета), четвертое и пятое же значения образовывались уже не метафорическим, а метонимическим способом, и эти семемы уже не обозначают предметы, похожие на названные первыми тремя семемами этого слова.

Но в языке слов слишком много и они слишком разные, поэтому совершенно нереально надеяться, чтобы пути образования значений внутри лексемы можно было свести всего к двум моделям полисемии. Основная масса слов свою многозначность развивает самыми причудливыми сочетаниями мотиваций гроздьями и мотиваций цепью, то есть смешанными способами, и чем больше в слове семем, тем сложнее внутрисловные мотивационные отношения между ними. Однако сложность внутрисловных мотивационных отношений обусловлена не только этим. Дело в том, что деривация отдельных лексико-семантических вариантов одного слова может осуществляться и на базе лексико-семантических вариантов другого слова, а не только на базе семем «своей» лексемы, то есть словообразовательным путем. При этом между значениями многозначного мотивирующего слова и значениями многозначного мотивируемого слова тоже существуют самые разные связи, и далеко не всегда имеется соответствие между их словарными номерами и типами лексических значений. Эти отношения между разными семемами многозначных слов, объединенных в словообразовательные пары «производящее – производное», уже были предметом специального рассмотрения (работы О.П. Ермаковой [4], Е.А. Земской [5], Е.С. Кубряковой [6], И.Г. Милославского [7], А.Н. Тихонова [8] и многих других).

Анализируя внутрисловные мотивационные отношения у разных слов и сопоставляя их с данными толковых словарей, убеждаешься в таком факте: в словарях некоторая группа семем может быть объединена в одной словарной статье и представлена

как одно производное слово, что не всегда означает того, что все семемы этой лексемы семантически мотивируются одной и той же производящей основой. В качестве мотивирующих семем для одной и той же лексемы могут выступать значения разных слов. Назовем разновидности такой мотивации.

- 1. Мотиваторами семем одной и той же лексемы служат разные слова-омонимы. Например, в слове *иветистый*: семема-1 «с большим количеством пветов, покрытый цветами». Пасека находилась километрах в трех от деревни, на цветистой луговой полянке близ старого русла реки. (Яшин. Сирота.), а также цветистый-2 «имеющий узор из крупных цветов, усеянный по всему полю цветами». Девки и молодухи – в цветистых сарафанах на толстых стеганых юбках, чтобы казаться упитанными. (Гладков. Повесть о детстве). Эти две семемы мотивируются основным значением многозначного слова *цвет*², определяемого в MAC-2 «то же, что цветок». А семема цветистый-3 в значении «разноцветный, богатый красками» Чем вам, други, услужить? Чем за службу наградить? Надо ль раковин цветистых? Надо ль рыбок золотистых? (Ершов. Конек-Горбунок), а также семема цветистый-4 (перен.) со значением «излишне украшенный, витиеватый» с лимитирующими семами, ограничивающими сочетаемость слова в этом значении «только о слоге, речи» мотивируется уже другим словом — $ueem^1$ в значении «свойство тела вызывать зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемое предметом видимого излучения; окраска» Радуга крадется из-за деревьев и в виде полуразрушенного свода светит матовыми семью цветами на небе. (Гоголь. Старосветские помещики).
- 2. Мотиваторами семем одной и той же лексемы служат разные, но родственные слова, не омонимы. Например, академия-1 «название научного учреждения, задачей которого является развитие наук или искусств» мотивирует семему академический-1 «прилагательное к академия-1». Академия-2 – «название некоторых высших учебных заведений» мотивирует семему академический-2 со значением «учебный». Оставшиеся две семемы многозначного имени прилагательного академический мотивируются словом академизм: от академизм-2 «направление в изобразительном искусстве, догматически следовавшее канонам, сложившимся в античном искусстве и в искусстве эпохи Возрождения» образована семема академический-3 со значением «следующий принципам академизма», а от *академия-1* «чисто теоретическое направление в научных и учебных занятиях, оторванность от практики, от требований жизни» образована семема *академический-4* «чисто теоретический, не затрагивающий вопросов практики, оторванный от нее». Аналогичными отношениями межсловной мотивации связаны и другие слова: от семемы фантазия-1 образованы семемы фантастический-1 и фантастический-2, от семемы фантазия-2 образована семема фантастический-3. Остальные семемы слова фантастический уже образованы от другого слова – фантастика (фантастический-4 от фантастика-2 и фантастический-5 от фантастика-1). Механический-1 и механический-2 мотивируются семемой механика-1, механический-3 и механический-4 мотивируются семемой механизм-1, а механический-5 мотивируется семемой механизм-5. На базе разных слов осуществляется мотивация семем и у других имен прилагательных: аристократический (две семемы от аристократ, одна от аристократизм), болезненный (две семемы от болезнь, одна от боль), невольный (четыре семемы от воля, одна от неволя), несчастный (две семемы от счастье, одна от несчастье), Ряд таких примеров можно продолжить.

Обобщая подобные наблюдения, можно прийти к целому ряду теоретических рассуждений, расширяющих и углубляющих представление о роли мотивировки и словообразовательного процесса в создании и дальнейшей судьбе семантики производного слова, на которых мы далее и остановимся.

В смысловой структуре многозначных производных лексем, подобных приведенным выше, сосуществуют по сути дела словообразовательные омонимы, которые тем не менее не выглядят семантически обособленными друг от друга. Очевидно то,

что деривационная история мотивированного слова не играет определяющей роли в дальнейшем семантическом развитии слова, это же относится и к словам, генетически восходящим к одному корню. Различное мотивировочное наследие не является препятствием для восприятия семем, образованных от разных слов, как семем одной лексемы ни для лексикографов, ни для пользователей толковыми словарями. Следовательно, мотивировочное наследие (по терминологии А.А. Потебни «внутренняя форма слова») очень важно, необходимо в момент образования слова, однако дальнейшее семантическое развитие слова не определяет. В связи с этим уместно вспомнить рассуждение самого А.А. Потебни: «Странно было бы утверждать, что родоначальник живет в своем потомстве, хотя бы и не «сам по себе», а в соединении с чем-либо посторонним. Он в нем не живет никак; он был лишь виновником того, что в потомстве сохраняются, хотя и не неизменно, некоторые его черты» [9, 27]. Точно так же нельзя думать, что в производных словах полностью сохраняется значение исходного корня или семантика производящей основы. «В последующем слове заключено не предшествующее слово, а генетическое отношение к нему», справедливо считал А.А. Потебня [9, 28].

Итак, смысловая структура слова как лексемы сохраняет свою целостность и без совпадающих мотивационных отношений. Такое положение оказывается возможным благодаря подключению других средств объединения семем в единую смысловую структуру лексемы. Прежде всего это иные виды системных отношений между семемами, действующие внутри смысловой структуры лексемы наряду с эпидигматическими, в частности, такие парадигматические отношения, как оппозиционные и отношения семантической смежности. Они выражаются в существовании интегральных сем, идущих от семантики генетически общего корня, и наличии дифференциальных сем, обусловленных той семантико-коммуникативной функцией, для выполнения которой и создавалось производное слово. Фактически при любых мотивационных моделях межсловного типа, обеспечивших мотивацию семем одного и того же слова, продолжают действовать внутрилексемные связи между семемами, укрепляющими смысловую структуру этой лексемы. Важную стабилизирующую роль играет и единство звуковой оболочки семем, образованных как от лексических омонимов, так и от однокоренных слов: образуются производные семемы по-разному, но формальную структуру получают одинаковую.

Поскольку (как показал наш анализ) большая часть случаев объединения в одну лексему разномотивированных слов приходится на имена прилагательные, считаем этот факт далеко не случайным. Эта часть речи не имеет сложных грамматических категорий, совмещающих в своей семантике лексические, деривационные и грамматические смыслы, как, например, у глагола (глагольный вид как проявление аспектуальности, категории переходности и возвратности, связанные с залоговостью, лицо и безличность как проявление семантики персональности, глагольное время на фоне темпоральности и наклонения как выразителя модальности высказывания). Грамматическое наполнение словоформ имен прилагательных чисто формально, оно всего лишь указывает на отношение признакового слова к тому или иному имени существительному, еще и поэтому относительные имена прилагательные фактически предсказуемо и закономерно образуются от существительных, а эта имя существительное богато денотативным содержанием. У имен прилагательных подобной денотации в ее предметно-вещественном понимании нет. Денотативное содержание прилагательных обусловлена тем, что оно не столько системно, сколько ассоциативно; оно нестабильно, неопределенно, незавершенно, поскольку имя прилагательное - это одно из средств языка с ярко выраженным вероятностным характером значения.

Существует прямая зависимость наполнения и типа денотативного содержания имен прилагательных от синтагматически опорного смысла, исходящего от существительного: одно и то же прилагательное может иметь различное значение в сочетаниях с разными именами существительными. В условиях речевого функционирования при каждом новом употреблении семная структура прилагательного настраивается заново

в зависимости от сем опорного существительного. Например, черная краска, черная ночь, черная лестница, черная зависть, черная работа, черная сборка, черная ведьма, черная полоса жизни, черная измена.

Во всяком случае семантические и лексико-грамматические свойства имен прилагательных таковы, что позволяют производному слову легко и быстро оторваться от своего семантического мотивировочного наследства, вступая в различные синтагматические связи в речи. При этом словообразовательно обусловленная семантика слова лексикализуется, то есть приобретает новое лексическое значение, не совпадающее с суммой значений образующих слово морфем. Например, беспомощный человек, бесценная реликвия, безрассудная смелость. Этому способствует еще и такой фактор: производные семемы фактически испытывают потоки семантической мотивации, идущие из разных источников: во-первых, поток сем от другого слова (производящего) и, во-вторых, поток сем от другой семемы внутри лексемы. Фактически в каждой из производных семем одновременно действуют как межсловная, так и внутрисловная мотивации, но доля каждого из мотивационных потоков применительно к конкретной семеме различна. Одновременное действие двух типов мотивации как раз и обеспечивает значению производной семемы мощную поддержку при входе в состав соответствующей ячейки словарной системы языка, поскольку мотивированная семема оказывается семантически связанной с различными участками этой системы. Приведем примеры прилагательных, в мотивации которых совмещаются различные мотивационные потоки, в результате чего мотивированное слово оказывается «в целом пространстве мотиваций» (термин Е.Г. Гинзбурга, описавшего основные модели полисемии [10]). Например, семема безопасный-1 «такой, который не грозит опасностью, надежно защищенный» и семема безопасный-3 – «находящийся вне опасности, не подвергающийся опасности» мотивируются другим словом – onacный-1 – «заключающий в себе опасность, грозящий какой-либо бедой, катастрофой». Семема *безо*пасный-2 «не причиняющий вреда; безвредный» мотивируется семемой опасный-2 «способный причинить большое зло, несчастье, нанести какой-либо ущерб, урон». В то же время в слове безопасный ощутимы и внутрисловные мотивационные связи: основное его значение мотивирует два неосновных значения этого слова по радиальному типу полисемии.

Чем больше значений у слова, тем сложнее и разнообразнее его источники мотивации для разных значений. Например, у многозначного слова вольный. Его межсловная мотивация: от воля-3 образованы семемы вольный-1, вольный-4 и вольный-5. От воля-5 образована семема вольный-2. От воля-4 образованы семемы вольный-3, вольный-6, вольный-7. Источники внутрисловной мотивации таковы: вольный-1 мотивирует семемы вольный-2, вольный-3, вольны-4 по радиальному типу мотивации. Но в этом же слове действует и цепочный тип мотивации: от вольный-4 образуется семема вольный-5, от вольный-5 образуется семема вольный-6, от вольный-6 образуется семема вольный-7.

Мы воздержимся от представления итогов наших рассуждений в виде однозначных обобщений мотивационных моделей для имен прилагательных. Более того, мы считаем, что законченное и окончательное распределение всех слов даже одной части речи по таким моделям полисемии невозможно осуществлять без определенного насилия над словарной стихией, подверженной постоянной динамике. Отношения мотивации не носят статичного характера, они находятся в постоянном развитии и вызывают изменения как во внутрилексемных отношениях семем, так и в отношениях межсловной деривации (при синхронном подходе к ее пониманию и анализу). Дело в том, что семантическая природа и судьба слова оказываются под воздействием очень многих и разнообразных факторов. Разделяя общую судьбу однотипных единиц лексики в общеязыковых глобальных процессах, каждая из семем между тем имеет и собственную «жизнь», обладает отличительными чертами, сформированными условиями своего образования, функционирования и развития именно этой семемы.

Для абсолютного тождества семантической мотивационной модели даже двух очень похожих слов требуется совпадение большого количества разных факторов и случайностей, что наблюдается не часто. Например, у имен прилагательных двойственный и тройственный однотипная словообразовательная структура и одинаковы (или очень похожи) многие другие лексико-грамматические особенности. И тем не менее их мотивационные модели не совпадают, и как результат этого несовпадения у внешне похожих лексем смысловая структура различна и различен набор входящих в нее семем. Сравн.: семема двойственный-1 «такой, который содержит в себе два различных качества, часто противоречащих друг другу; противоречивый» образована от два-1 в значении «число два». По радиальному типу полисемии семема двойственный-1 мотивирует две семемы – двойственный-2 «двуличный» и двойственный-3 «касающийся двух, двоих». При этом внутрисловная мотивация для каждой из производных семем базируется на различных мотивировочных признаках, производные семемы от исходной получают различные семы: для двойственный-2 это сема «противоречивый», а для двойственный-3 это сема «количество, равное двум». Слово же тройственный по смысловой структуре проще. У него всего две семемы, и для каждой из них мотивация исходит от слова три в основном значении «число три». Тройственный-1 обозначает «проявляющийся в трех видах; троякий» (тройственное созвучие), и тройственный-2 «заключенный, подписанный тремя государствами, организациями» (тройственный союз). Обе производные семемы наследуют от мотивирующего слова сему «количество, равное трем». Внутрисловная мотивация в лексеме тройственный слабая, но она есть и свои функции выполняет, то есть обеспечивает единство и целостность смысловой структуры лексемы как системы семем. Несовпадение объема смысловых структур внешне похожих друг на друга лексем по количеству и содержанию входящих в них семем объясняется очень многими факторами. В частности, такими, как структурные, валентные, грамматические и семантические особенности их мотиваторов; такими, как семантические и структурные особенности той лексико-семантической парадигмы, в которую входит мотививрованная семема, лексическое окружение этой семемы в парадигме, распределенность в ней мест и ролей в выражении смыслов в различных дискурсах при функционировании семем этой лексико-семантической парадигмы. Однако в конечном счете выбор конкретной мотивапионной модели при семемообразовании зависит от смыслового задания, которое носители языка «поручили» каждой из образуемых семем.

В заключение отметим, что смысловые структуры лексем, имен прилагательных, в частности, носят открытый, незамкнутый характер. Они оставляют возможность дальнейшего развития деривационного потенциала входящих в них семем.

Список литературы

- 1. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 81 – 155.
 - 2. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- 3. Шмелев Д.Н. О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. 1971. - N_{2} . – C. 6 – 11.
 - 4. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
- 5. Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. --M.,1967. – C. 92 – 103.
 - 6. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
 - 7. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
- 8. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. - Самарканд, 1971.
 - 9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Том 1-2. М., 1958.
- 10. Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. - М., 1985.

INTRAWORD AND INTERWORD MOTIVATION OF RUSSIAN MULTIFORM ADJECTIVES

G. M. Shipitsina

Belgorod State University
e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru

The article deals with the role of interword derivation and wordconnective word formation in creation and development of derivative word. The author analyzes untypical motivational relations between source motivate base and derivative meaning of the word as the system of its lexical-semantic variants (sememes). Thus, on one hand the different homonyms are motivators of sememes in multiform lexeme, on the other hand different related words are motivators of the sememes in the same lexeme. The meaning structure of the word as a vocabulary unit keeps its integrity without coincident motivational relations of sememes. It becomes possible due to the integration of systemic relations between sememes of other types, such as opposite relations and relations of contiguity. These relations function inside of a lexeme structure alongside with epidigmatic.

Key words: motivation, meaning structure of lexeme, sememe, semantics, derivative word, inside form, systemic relations.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801

К ВОПРОСУ О ПЕРЕКЛЮЧЕНИИ КОДОВ

Ж. Багана, Ю. С. Блажевич

Белгородский государственный университет

e-mail: baghana@bsu.edu.ru blazhevich@bsu.edu.ru В статье рассматриваются основные положения теории переключения кодов, которая является одной из наименее исследованных в отечественной и зарубежной лингвистике научных тем. Проведенный анализ показал, что явление переключения кодов зависит от различных факторов и происходит на естественных границах речевого потока.

Ключевые слова: переключение кодов, языковой контакт, матричный язык, включение, альтернация.

Введение

Активное исследование *переключения кодов* (ПК) продолжается около сорока лет и за это время сложилось в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Этот факт объясняется возросшим интересом к проблемам языкового контакта.

Существуют языковые явления, которые неотделимы от языкового контакта и тесно с ним связаны. До 60-х годов XX века все явления языкового контакта, наблюдаемые в речи билингвов, считались «интерференцией». Но уже с начала 70-х годов начинают выделять явления, связанные с контактом систем: интерференция, конвергенция, заимствование и калька; явления, связанные с самим фактом использования двух или более языков: смешение кодов, переключение кодов; явления, возникающие в результате контакта языков: пиджины, креольские языки, языки в «переходном» состоянии [1]. В связи с усилением тенденции глобализации и активной миграции народов, возникают новые языковые контакты, которые в свою очередь способствуют расширению сферы взаимодействия языковых кодов.

В последнее десятилетие в изучении ПК происходит интенсивный процесс осмысления собранных эмпирических данных и предпринимаются попытки построения единой теории. К сожалению, предлагающиеся подходы не только полемичны по отношению друг к другу, но и оперируют совершенно разными терминологическими микросистемами. Даже объем самого термина ПК трактуется различными исследователями по-разному, хотя на имплицитном уровне существует определенное единство понимания ПК как своего рода понятийной области: под ПК в широком смысле понимают использования билингвами единиц, относящихся к разным языковым системам.

Теоретический анализ

1. Важным положением, существенным для понимания сущности разных типов ПК, является выдвинутое К. Майерс-Скоттон противопоставление «маркированного» и «немаркированного выбора» при ПК: «немаркированное переключение кодов имеет место тогда, когда говорящий следует установившемся в языковом сообществе правилам речевого поведения и переключается в соответствии с ожиданиями слушающего; маркированное переключение имеет место в том случае, если говорящий... сознательно производит переключение таким образом, что это замечается собеседником как отклонение» [2]

Похожего мнения придерживается О.Т. Йокояма: «Переключение кода – это выбор между синонимичными альтернативами, определенной дискурсивной ситуацией, т.е. условиями, при которых происходит общение, отношениями между коммуникантами и самой их личностью, социальной, когнитивной и психологической. Выбор этот далеко не всегда осознается говорящим, что отнюдь не исключает системность в процессе выбора, т. е. в процессе переключения с одного кода на другой» [3].

- Е.В. Головко предлагает в рамках немаркированного выбора выделить особый подтип немотивированное ПК, особую ситуацию, при которой речь с ПК является нормальным средством общения и переход с одного языка на другой (или вставки элементов одного языка в другой) могут происходить в разных местах предложения и не определяются вообще никакими ожиданиями слушающего [4]. Довольно близка последнему положению позиция П. Ауэра, предлагавшего отличать от ПК случаи соположения двух языков, в которых их использование имеет для носителей не локальный, но более глобальный смысл, т.е. определяется не конкретными особенностями ситуации, а тем, что такое использование языков принято в данном сообществе [5].
- 2. Изучение ПК было противопоставлено ПК на границе предложений и ПК внутри предложения. Это противопоставление существенно для всех теорий, рассматривающих ПК, но трактуется оно весьма различно. Так, К. Майерс-Скоттон, рассматривая «внутрисентенциальное» ПК отдельно, тем не менее, объединяет оба вида ПК, рассматривая его как внутренне единое явление. П. Мэйскен, напротив, противопоставляет оба явления и называет ПК внутри предложения смешением кодов (code mixing), хотя и подчеркивает, что между ПК «интересентенциальными» предложениями и некоторыми видами смешения кодов нет принципиальной разницы [6].
- 3. К. Майерс-Скоттон ввела важное противопоставление языков, участвующих в «внутрисентенциальном» ПК, противопоставив матричный язык включенному языку. Тем самым для всех случаев ПК внутри предложения постулируется основной язык, язык грамматической рамки предложения, язык к которому относится, как правило, большая часть лексики и грамматические морфемы и язык, «из которого делаются вставки» [3]. Напротив, П.Мэйскен выделяет внутри «внутрисентенциального» ПК два принципиально разных явления: «включение» (insertion) материала (лексических единиц или целых составляющих) из одного языка в структуру другого языка и «альтернацию» (alternation) между структурами из языков [6] Как мы видим, между взглядами К. Майерс-Скоттон и П.Мэйскена существуют не только терминологические, но и достаточно глубокие сущностные противоречия: речь идет о разном представлении характера протекания процессов порождения речи при ПК.
- 4. Наконец, весьма важна проблема оттраничения изолированных внедрений элементов из другого языка при ПК от заимствований. Здесь также существуют разные точки зрения. К. Майерс-Скоттон, признавая отличия ПК от заимствований, отмечает, что нет надежного критерия для их разграничения в конкретных билингвальных текстах [7].

Итак, переключение кодов, или кодовое переключение в условиях языкового контакта – это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации. Подобная картина наблюдается в тех обществах, где используется не один, а два (или несколько) языков. Существует мне-

ние, что билингвы обращаются к ПК, поскольку не могут выразить свои мысли на одном языке. В определенной степени это соответствует действительности, и неспособность говорящего выразить свою мысль на одном языке вынуждает его переключиться на другой язык, чтобы компенсировать этот недостаток. Непроизвольное переключение на другой язык может происходить, если говорящий расстроен, устал или отвлечен.

С другой стороны «способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определенной коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду) воспринимаются как аномалия и могут приводить к коммуникативным конфликтам» [8].

По мнению исследователей, именно в двуязычных (многоязычных) языковых коллективах у носителей появляется возможность контрастивного, основанного на интуитивных выводах противопоставления двух различных языковых систем. Билингвы, т.е. люди, владеющие двумя (или несколькими) языками, обычно «распределяют» их использование в зависимости от условий общения: в официальной обстановке, при общении с властью используется преимущественно один язык, а в обиходе, в семье, при контактах с соседями – другой (другие).

Переключение кода может быть вызвано, например, сменой адресата, т.е. того, к кому обращается говорящий. Если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последнему, естественно, приходится использовать именно этот, знакомый адресату язык, хотя до этого момента в общении с собеседникамибилингвами мог использоваться другой язык или оба языка. Переключение на известный собеседнику языковой код может происходить даже в том случае, если меняется состав общающихся: если к разговору двоих билингвов присоединяется третий человек, владеющий только одним из известных всем троим языков, то общение должно происходить на этом языке. Отказ же собеседников переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора или как пренебрежение к его коммуникативным запросам.

Фактором, обусловливающим переключение кодов, может быть изменение роли самого говорящего. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или в роли соседа по дому он может использовать удобный для него код, а обращаясь в органы центральной власти, вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи.

Тема общения также влияет на выбор кода. По данным исследователей, занимавшихся проблемами общения в условиях языковой неоднородности, «производственные» темы члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов и т.п. Но как только происходит смена темы — с производственной на бытовую, — «включается» другой языковой код: родной язык или диалект собеседников. В одноязычном обществе при подобной смене кода происходит переключение с профессионального языка на общеупотребительные языковые средства.

ПК может быть использовано билингвами в качестве «социолингвистического средства» или «приема» (sociolinguistic tool) [9].

ПК может служить для выражения солидарности говорящего с определенной социальной группой. Когда слушатель отвечает на переключение кода таким же переключением, то между говорящим и слушателем устанавливается определенная связь, в то же время, может происходить исключение из разговора нежелательных слушателей, которые не владеют языком, на который переключаются собеседники.

Иногда ПК используется для выражения отношения говорящего к слушателю. Там, где одноязычные выражают свое отношение, варьируя регистр речи, двуязычные говорящие для этой же цели часто используют ПК.

ПК может служить для того, чтобы произвести на слушателя впечатление, поскольку в случае, если двуязычные собеседники привыкли общаться на определенном языке, переключение с одного языка на другой оказывается для собеседника неожиданным и вызывает «спецэффект».

Другими словами, ПК является не только лингвистическим, но и социолингвистическим явлением [10].

Ситуация полного (близкого к полному) двуязычия в языковом коллективе, как правило, имеет два во многом противоположных следствия. С одной стороны, как было отмечено выше, у носителей появляется возможность контрастивного противопоставления двух систем и, как результат, осмысления структурных отличий. С другой стороны, при постоянном использовании двух языков одновременно, выражающемся в перманентном переключении кодов, носители перестают различать используемые коды [4] и возникает вероятность появления интерференции. В связи с этим необходимо отметить, что ПК и интерференция имеют четкое отличие, которое состоит в том, что интерференция подразумевает модификацию грамматических, синтаксических или фонетических форм одного языка под влиянием другого, а не смену одного языка другим. Более того, кодовое переключение способствует реализации акта коммуникации» (если не считать ошибочное соскальзывание на другой язык), тогда как «интерференция состоит в перекрещивающемся применении норм разных языков к одному и тому же явлению, что может привести к непониманию» [11]. Интерференция отражает в основном отношения между языковыми системами при их контакте, а ПК связано с самой ситуацией билингвизма. Таким образом, можно сделать вывод, что интерференция может проявляться в речи билингва наряду с ПК. Вместе с тем, следует отличать описываемые явления [11].

Необходимо отметить, что в современных исследованиях сложились три основных традиции в изучении проблемы ПК.

К первой относят исследователей, которые изучают в основном «внутрисентенциальное» ПК. В таком ключе проводят свои исследования некоторые представители теоретической лингвистики и психолингвистики. Как считает Н. Камвангамалу, представители теоретической лингвистики в основном рассматривают грамматические аспекты ПК (Pfaff 1976, 1979; Poplack 1980, 1981; Pandharipande 1981, 1990; Bentahila & Davies 1983; Woolford1983; Berk-Seligson 1986) [12]. Психолингвистов интересует, каким образом порождаются предложения с ПК (Sridhar & Sridhar 1980), есть ли разница между тем, как строит предложение одноязычный и двуязычный говорящий (Timm 1975, Lipski 1978; Grosjean 1982, 1985, 1997, 2001) и количеством грамматических систем, которые включены в предложение с переключением кодов (Sridhar & Sridhar 1980) [13].

Ко второму «течению» можно отнести ученых, которые следуют социолингвистической традиции. Их не столько интересует разница между «внутрисентенциальным» и «интерсентенциальным» ПК, сколько выяснение причины существования среди двуязычных такого явления, как ПК в целом (Gumperz 1971,1982; Blom & Gumperz 1972; McClure & Wentz 1975; Jacobson 1977; McClure 1981; Myers-Scotton 1990) [13].

К третьей группе принадлежат лингвисты, которые проводят исследования ПК в рамках коммуникативно-прагматического подхода (Auer 1984, 1998; Sebba & Wootton 1998; Li Wei 1998; Alfonzetti 1998; Moyer 1998). Как считает П. Ангермейер, представители этого течения ставят перед собой цель изучить структуру коммуникативного акта, в котором присутствует явление переключения кодов, и выяснить, какова роль переключения кодов в установлении порядка реплик коммуникантов, в тематическом построении коммуникативного акта, в завязывании и продолжение разговора на определенную тему, в переключении с одной темы на другую и т.д. [14].

А.П. Проценко полагает, что в основе всех современных исследований лежат три основных комплекса факторов переключения кодов, которые соответственно делят исследования на три направления:

- 1) внешние, экстралингвистические ('on the spot') или социолингвистические;
- 2) внутренние, психолингвистические ('in the head');
- 3) собственно лингвистические ('out of mouth').

В рамках социолингвистической парадигмы рассматриваются влияния политических, демографических факторов, этнической принадлежности, территориальной общности и других факторов на особенности переключения кодов (Kamwangamulu, Silva-Corvalan, Gumperz, Genishi). С точки зрения психолингвистики ученые пытаются определить психолингвистические мотивации переключения кодов (Kolers, Sridhar, Sridhar, C. Myers-Scotton, Lipski и др.) Данная область считается наименее изученной из-за отсутствия в настоящий момент готовой методики, помогающей выявить психолингвистические мотивации переключения кодов. Гораздо более исследованы сознательные факторы перехода с языка на язык, которые составляют сферу прагматики. В этом случае ПК рассматривается как «сознательный процесс намеренного перехода на другой язык с определенной коммуникативной целью». В собственно лингвистических исследованиях основным вопросом является, подчиняется ли процесс переключения кодов определенным правилам, и если да, то насколько они универсальны и обязательны [15].

Заключение

В каких местах речевой цепи говорящие переключают коды? Это зависит от характера влияния тех факторов, о которых только что шла речь. Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения — по завершении обсуждения какой-либо темы. Однако если вмешательство фактора, обусловливающего кодовое переключение, неожиданно для говорящего, он может переключаться с кода на код посредине фразы, иногда даже не договорив слова. При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, сам процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код используется не целиком, а во фрагментах. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь элементы другого языка — фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы.

Сама способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком и об определенной коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность самого процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду воспринимается как аномалия и может приводить к коммуникативным конфликтам.

Список литературы

- 1. Cantarotti Aline. A língua maternal em sala de aula de língua estrangeira: o recurso da alternância de código na fala de uma professora e o desenvolvimento da interlíngua de alunos em um curso de secretariado executivo. Londrina: Universidade Estadual de Londrina, 2007.
- 2. Myers-Scotton C. Social Motivations for Codeswitching: evidence from Africa. Oxford, 1993a.
 - 3. Йокояма О.Т. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов, М., 2003.
- 4. Головко Е.В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. Вып.1, СПб., 2001. C.298 316.
- 5. Auer P. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. [Interaction and Linguistic Structures 6]. fachgruppe Sprachwissenschaft. Universität Konstanz, 1998.
 - 6. Muysken P. Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing. Oxford, 2000.

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

- 7. Myers-Scotton C. Duelling Language. Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford: Clarendon Press, 1993b.
 - 8. Беликов В. И. Социолингвистика: учеб. пос. для вузов. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- 9. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 480 p.
 - 10. Auer J.C.P. Bilingual conversation. Amsterdam; Philadelphia; Benjamins, 1984. 54 p.
- 11. Сычева О.Н. Кодовое смешение и переключение на английский язык в среде русского социума: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Владивосток, 2005. 196 с.
- 12. Kamwangamalu N. M. The state of codeswitching research at the dawn of the new millennium: focus on the global context // Southern African Journal of Linguistics, -1999. -17, 4. -P. 256 277.
- 13. Ogechi N. O. Trilingual Codeswitching in Kenya Evidence from Ekegusii, Kiswahili, English and Sheng: Dissertation zur Erlangung der Würde des Doktors der Philosophie der Universität Hamburg, 2002, Режим доступа: http://deposit.ddb.de/cgibin/dokserv?idn=977955974&dok_var=d1&dok_ext=pdf&filename=97795974.pdf
- 14. Angermeyer P. S. Multilingual discourse in the family; an analysis of conversations in a German-French-English-speaking family in Canada: Arbeitspapier Nr. 33 (Neue Folge). Köln: Institut für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln, 1999.
- 15. Проценко А. П. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2004. №1. С. 123 127.

ON THE QUESTION OF CODE SWITCHING

J. Baghana Y. S. Blazhevich

Belgorod State University

e-mail: baghana@bsu.edu.ru blazhevich@bsu.edu.ru The article deals with the main points of code switching theory. It is one of the least studied linguistic themes in Russia and abroad. The linguistic analysis has shown that the code switching depends on different factors, it occurs in natural speech flow boarders.

Key words: code switching, language contact, matrix language, insertion, alternation.

УДК 801.313.1

ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ПЛАНЕ ВЫРАЖЕНИЯ

С. И. Гарагуля

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

e-mail: garagulya@mail.ru В рамках настоящей статьи изучается план выражения английских личных имен, который представлен прагматически маркированными гипокористическими и деминутивными формами, образованными с помощью сокращения и аффиксации, использованием этих форм в качестве самостоятельных имен, нейтрализацией их родовых различий, а также появлением большого числа орфографических вариантов. Предлагается классификация личных имен по фонологическим и морфологическим признакам. Выделенные именные формы представляют собой функциональную парадигму личного имени современного английского языка.

Ключевые слова: личное имя, план выражения, лингвистический знак, нейтрализация родовых различий, прагматика, прототип.

Имя личное, являясь неотъемлемой и составной частью лексикограмматического класса имен существительных, выступает как функциональный языковой знак, и, в соответствии с соссюрианской концепцией знаковости, обладает планом содержания (обозначаемое) и планом выражения (обозначающее). Предметом изучения настоящей статьи является план выражения личных имен. Данная проблематика была рассмотрена на примере английских личных имен в диахроническом и синхроническом аспектах.

Под планом выражения, вслед за О.С. Ахмановой, мы понимаем "морфонологическое и морфосинтаксическое выражение обозначаемого; звуки или звукосочетания как внешняя (материальная) сторона языковой единицы" [1: 273]. План выражения личных имен наиболее четко манифестируется в их гипокористических и деминутивных формах, за которыми закрепляется часть содержания имени: имя фамильярное, шутливое, дружеское, ласкательное, т.е. через определенную форму и звуковую оболочку имени передается отношение к его носителю.

Наиболее широко гипокористические и деминутивные имена стали использоваться в средние века при обращении к детям, близким знакомым, любимым или родным, в неофициальной обстановке. Вообще, количество дериватов огромно, так как оно находится в прямой зависимости от фантазии тех, кто создает такие имена.

Сокращенные именные формы встречались еще у англосаксов в VIII веке, например, Eda < Edwine, Siega < Sigewrith и др. Под влиянием нормандцев в английский язык попадают гипокористические и деминутивные суффиксы старофранцузского языка -el, -et, -in, -on, -ot, -et. Одновременно начинают также использоваться английские суффиксы -cock, -kin. A с XV века начинают применять в таком значении суффиксы -ie и -y, пришедшие из Шотландии. Например, формы имени William (William > Wilkin, Wilkie, Wilcock, Wilmot, Willet) показывают, что в то время именная вариативность была намного выше, чем она сохранилась до наших дней.

Это можно продемонстрировать на примере имени John. Сегодня оно имеет лишь один деминутив и одну гипокористику: Johnny/Johnnie и Jack. В средние века, когда это имя только пришло из Франции и было введено в употребление в виде Johan или Jehan, оно имело формы Jan, Jen, Jon, а с добавлением суффикса -kin — Jankin, Jenkin или Jonkin, с -in — Janin, Jonin, Jenin, а также женское имя Janet. От имени Johan образовалось уменьшительное Нап, а от него, в свою очередь, Hankin и Hancock. Имя Jack как гипокористическая форма от John кажется довольно необычным, но предполагается, что Jankin является его исходной формой. Нормандцы произносили

Jankin как Jackin, и от последнего возникло Jack. Французское имя Jacques тоже могло оказать на него влияние. Оно не является дериватом от John, но в плане использования во Франции и Англии оба имени примерно равнозначны [5: 56 – 57].

В современном английском языке дериваты личных имен образуются морфологическим способом, главным образом, путем сокращения и аффиксации. Посредством сокращения образуются гипокористические формы от полных имен (Matt < - Matthew), а аффиксальным способом – деминутивные формы от гипокористических Matty/Mattie < Matt, хотя иногда и от полных форм (Annie < Ann(e), Evie – Eve и др.). Подобные деривационные процессы можно проиллюстрировать следующим образом: Matthew > Matt > Matty/Mattie.

Основными видами сокращения исходных личных имен являются:

- 1) аферезис (отпадение начала имени): Bella < Arabella, Bert < Albert и др.;
- 2) синкопа (выпадение середины имени): Dothy < Dorothy, Aline < Adeline и др.;
- 3) апокопа (отпадение конца имени): Bea < Beatrice, Chris < Christopher и др.

Полные личные имена образуют деминутивные формы путем добавления формантов -ie /-y:

- 1) к полному имени, если оно короткое, односложное: Jack > Jackie/Jacky и др.;
- 2) к одному из слогов полного имени -
- a) ударному: Agatha > Aggie, Barbara > Barbie, Roland > Roly, Nicholas > Nicky и др.;
- б) безударному: Albert > Bertie, Lorraine > Laurie, Victoria > Vicky и др.;
- в) как ударному, так и безударному: Elizabeth > Elsie/Betty, Bessy, Bessie и др.

Орфографический вариант вышеупомянутых суффиксов *-ey* иногда также используется для образования деминутивных форм: Anastacia > Stasy, Stacie, Stacey и др.

В контексте изучения родовых различий личных имен интересным аспектом является рассмотрение их деминутивных форм. Что касается их произношения, то они звучат одинаково. Поэтому в речи невозможно определить род деминутивов, необходимо их соотнесение с полом носителей подобных имен. Однако при написании используется либо вариант с -ie, либо с -y. Проанализировав свыше 3000 личных имен, опубликованных в современных лексикографических изданиях, и выбрав из них все деминутивные формы (всего 170), которые используются как самостоятельные имена, а также как деминутивные формы, были получены следующие результаты:

- 1) -*ie* служит для образования как женских, так и мужских деминутивных имен: Debbie < жен. Deborah, Edie < жен. Edith; Alfie < муж. Alfred, Ernie < муж. Ernest и др.;
- 2) -у также используется для этих целей: Ginny < жен. Virginia, Fanny < жен. Frances, Mandy < жен. Amanda и др.; Danny < муж. Daniel, Roly < муж. Roland и др.;
- 3) возможны варианты как с -ie, так и с -y: Izzie/Izzy < жен. Isabel; Katie/Katy < жен. Katherine; Archy/Archie < муж. Archibald; Benny/Bennie < муж. Bengamin и др.

Количественный анализ показал следующее соотношение женских и мужских деминутивных форм:

- 1) с -ie 52 женских имени против 25 мужских имен;
- 2) с -у 32 против 28;
- 3) с -ie, -y 23 против 11.

Из этого можно сделать вывод, что формы с -ie примерно вдвое более употребительны для женских имен, чем для мужских.

Интересно также еще одно наблюдение. В некоторых деминутивах полных мужских и женских имен, совпадающих по звучанию, но различающихся по написанию (по суффиксу), показателем женского рода выступает, прежде всего, формант -ie как противопоставление форманту -y мужских имен, например:

Sandy (муж., жен.)/Sandie (жен.) < Alexander (муж.)/ Alexandra (жен.);

Christy (муж., жен.)/Christie (жен.) < Christopher (муж.)/ Christine (жен.).

Возможен и такой вариант:

Nicky (муж.)/Nickie, Nicky (жен.) < Nicholas (муж.)/Nicola (жен.);

Jerry (мужск.)/Jerrie, Jerry (жен.) < Jeremy (муж.)/Geraldine (жен.).

В этом случае только форма на -ie является именем женского рода.

В подтверждение вышеизложенного материала приведем замечания составителей словарей личных имен А. Рума, П. Хэнкса и Ф. Ходжес. В некоторых словарных статьях они отмечают, например, следующее:

"Billie (f.). Either an adoption of the male name Billy (or Billie) (a diminutive of William), intended as a female equivalent, or a diminutive of William itself when this is (now rarely) a female name" [7: 39].

"Jamie (f) English (esp. U.S.): recent adoption as a feminine equivalent of James, influenced by the fact that -ie has come to be regarded as a characteristically feminine ending, except Scotland" [6: 171].

"Hollie (f.) English: variant spelling of Holly, altered in accordance with the vague convention that spellings in -ie are more appropriate for girls" [6: 156 - 157].

На основе деминутивных суффиксов -ie/-y был образован новый орфографический формант -i, который особенно популярен в наши дни. В случаях, когда он заменяет -ie или -y, то носителем такого имени является женщина. Таким образом, формант -i стал маркером женского рода личных имен:

Marti (жен.) < Martie, Marty (жен.)/Marty (муж.) < Martin (муж.)/Martina (жен.); Lorri/Lori (женск.) < Laurie (жен.) < Lorraine (жен.);

Stevi (жен.) < Stevie (жен., муж.) < Stephen (муж.)/Stephanie (жен.).

В этой связи следует отметить, что нет четкого разграничения родовых признаков мужских и женских деминутивных имен с формантами -ie/-y. Однако, можно заметить, что в настоящее время в англоговорящих странах существует растущая тенденция употребления форманта -ie для образования женских имен, а не мужских. Но формант -i служит для создания, как правило, только женских личных имен, причем это стало достаточно модным в последние десятилетия XX в.

Не менее интересные результаты были получены при анализе дериватов полных личных имен (гипокористических и деминутивных форм) с точки зрения нейтрализации их родовых различий. Это явление имеет место в следующих дериватах.

- 1) Дериваты, образованные от полных мужских и женских имен типа Robert Roberta, Alexander Alexandra, Frederick Frederica и другие, то есть те случаи, когда полному мужскому имени имеется его соответствие женского имени с родовым формантом.
 - а) Гипокористические формы:

Alex (муж., жен.) < (муж.) Alexander/(жен.) Alexandra;

Clem (муж., жен.) < (муж.) Clement/(жен.) Clementina, Clemency и др.

б) Деминутивные формы:

Freddie (муж., жен.) < (муж.) Frederick, Frederic/(жен.) Frederica;

Billie (муж., женск.) < (муж.) Willia/(жен.) Willa, Wilma, Wilhelmina и др.

2) Дериваты полных имен, которые произошли от фамилий и имеют одина-ковую форму.

Les (муж., жен.) < Leslie (муж., жен.); Kim (муж., жен.) < Kimberley (муж., жен.); Bev (муж., жен.) < Beverley (муж., жен.); Joss (муж., жен.) < Jocelyn (муж., жен.).

- 3) Дериваты, образованные от разных полных мужских и женских имен.
- а) Гипокористические формы:

Mel (муж., жен.) < (муж.) Melvin/(жен.) Melville;

Ray (муж., жен.) < (муж.) Raymond/(жен.) Rachel и др.

б) Деминутивные формы:

Mandy (муж., женск.) < (муж.) Mandel/(жен.) Amanda;

Mattie (муж., женск.) < (муж.) Matthew/(жен.) Mathilda, Matilda и др.

4) Дериваты, образованные от полных имен, начинающихся с определенных букв: J-, K- , D-.

Jay (муж., жен.); Kay (муж., жен.); Dee (муж., жен.).

Таким образом, стирание родовых различий у дериватов полных имен происходит, в основном, только тогда, когда полные имена, от которых образуются гипокористические и деминутивные формы, имеют схожие части в своей структуре. В данном случае мы можем говорить о том, что нейтрализация родовых различий подобных форм находится в прямой зависимости от морфологической структуры полного имени.

Не меньший интерес представляет анализ дериватов без родовых различий через прототипы. Этот вид анализа непосредственно для личных имен предложен А. Вежбицкой. Прототипический подход, как понятие когнитивной лингвистики, — это "новый подход к явлениям категоризации, к понятию как структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами" [3: 140]. Для данного случая анализа английских имен "основные прототипы (т.е. основные точки отсчета в пространстве человеческих взаимоотношений) связаны с такими фундаментальными, основанными на различиях пола и возраста категориями людей, как дети, женщины, мужчины, и в меньшей степени: мальчики, девочки, маленькие дети, маленькие мальчики, маленькие девочки и старики" [2: 193].

А. Вежбицкая утверждает, что дериваты типа Clem, Phil, Chris и другие, используемые для называния мужчин и женщин, имеют дополнительное мужское значение. На это указывают краткость их форм и характерная для них фонетическая структура, тем самым, в них акцентируется некий мужской компонент. Дериваты подобные Jackie, Randy, Nicky и другие, также используемые для называния мужчин и женщин, имеют другую фонетическую структуру: два слога с конечным суффиксом -ie/-у свидетельствуют о присутствии женского компонента. Помимо этого, следует обратить внимание на результат процесса сокращения полных мужских и женских имен, дериваты которых не имеют родовых различий.

Проведенное исследование показывает, что процесс сокращения типично мужских имен (например, Malcolm > Mal, Winfred > Win) подчеркивает их мужской характер, а сокращения типично женских имен (например, Linda > Lin, Katherine > Kit) снижают их женский характер. Отсюда можно заключить, что "мужские краткие формы с "немужской" фонетической структурой частично теряют мужской характер, присущий соответствующему полному имени, так же, как женские краткие формы с "неженской" фонетической структурой частично теряют женский характер, присущий соответствующему женскому имени" [2: 95]. Следовательно, в таких именах происходит стирание различий категории рода, и ими, соответственно, могут называть как мужчин, так и женщин. В доказательство данного утверждения можно привести несколько примеров с личными именами, проанализированными через прототипы:

1) Clement (муж.) > Clem (мужской характер имени подчеркнут; прототип: мужчина или мальчик).

Clementina/Clemency (женское имя) > Clem (женский характер имени не подчеркнут; прототип: человек).

2) Terence (муж.) > Terry (мужской характер имени не подчеркнут; прототип: человек).

Theresa (жен.) > Terry (женский характер имени подчеркнут; прототип: женщина или девочка).

Итак, мы видим, что рассмотренные случаи нейтрализации родовых различий в личных именах достаточно распространены в современном английском языке и представляют собой потенциально важную область исследования данного антропонимического материала в контексте языка и культуры.

В XVIII веке гипокористические и деминутивные формы полных имен приобрели новый статус – они стали использоваться как самостоятельные имена: их начали употреблять как в официальной обстановке, так и в семейном кругу, в таком виде их присваивали при крещении. Неполные формы имен были более удобны в плане использования в первую очередь для детей (меньшее количество слогов в слове, например, мужское имя Bartholomew > Bart или женское имя Wilhelmina > Mina/Wilma), а

также для родителей, которые выражали подобной именной формой любовь и теплые отношения к своему ребенку. Однако, это не сразу получило общее признание. Большую роль играл консерватизм священников — они инстинктивно корректировали такие имена. Если даже родители говорили, что они хотят назвать свою дочь, например, Kathy, священник давал согласие на это, но во время церемонии крещения он регистрировал ее как Katherine. Родители вряд ли пытались оспорить это: мнение и действия священников были законом. В то время многие родители были неграмотны, и священники сами решали, как зарегистрировать имя ребенка — либо в полной форме, либо в уменьшительной.

Но ситуация постепенно менялась. В метрических книгах, заполняемых священниками при крещении, стало появляться все больше и больше гипокористических и деминутивных имен как самостоятельных, и именно в XVIII веке подобные имена стали официально признанными. Например, в 1700 г. примерно в 200 метрических книгах около 440 девочек были названы именем Elizabeth и только три девочки — Betty; зарегистрирован 341 случай, когда детей назвали именем Ann, и только в одном случае девочке дали имя Nancy; 114 девочек назвали именем Margaret и ни одну именем Peggy. Имя Sarah встречается 167 раз, а Sally — ни разу. Но спустя столетие, в 1800 г., картина полностью изменилась. Теперь имя Elizabeth встречается 335 раз, а Betty — уже 82 раза; Ann — 360, а Nancy — 47; Margaret — 90, а Peggy — 18; Sarah — 224, а Sally — 11. В то время стали считаться самостоятельными и другие гипокористические и деминутивные имена: Bella < Isabella, Eliza < Elizabeth, Biddy < Bridget, Elsie < Elizabeth, Molly < Mary [5: 77 — 82].

В настоящее время данная традиция продолжила свое развитие. Это явление особенно распространено в США и, в меньшей степени, в Великобритании [6: XXV]. Примером этого могут служить имена некоторых президентов США. Известно, что полное имя 39-го президента — James Earl Carter, а 42-го президента — William Jefferson Clinton. Однако официально они известны как Jimmy Carter и Bill Clinton соответственно (Jimmy — деминутивная форма от James, Bill — гипокористическая форма от William).

Еще одним из аспектов реализации плана выражения личных имен является характерная черта современной англоязычной антропонимии (особенно американской), заключающаяся в появлении большого количества орфографических вариантов личных имен. Множественность таких вариантов можно показать на следующих примерах:

Katherine (жен.) – Katharine, Catherine, Catharine, Kathryn, Cathryn;

Kimberley (муж., жен.) – Kimberly, Kimberleigh и т.д.

Особенность подобных именных форм состоит в том, что все они, как правило, произносятся одинаково.

Одна из причин многочисленности вариантов одного и того же имени может быть связана с его историей. Имена используются на протяжении веков, их орфографическое оформление, как правило, соответствует тем нормам, которые существуют на том или ином этапе развития языка. Особенно это касается заимствованных имен, написание которых всегда приспосабливалось к системе орфографии английского языка, в результате чего создавались их варианты.

Не менее важной причиной вариативности личных имен может быть использование орфографических способов, которые применяют создатели рекламы с целью привлечения внимания людей к тому, что рекламируется посредством необычного написания слов. По всей видимости, эту цель могут преследовать те, кто использует какой-либо необычный вариант имени.

Для образования вариантов имен используются следующие словообразовательные элементы:

1) форманты -ie/-y. В основном, они применяются для образования дериватов полных имен (гипокористических и деминутивных форм), имеющих варианты с этими формантами, например: Billy и Billie; Vicky и Vickie; Bobby и Bobbie и др. Однако, их

используют и для создания вариантов полных имен, например: Emilie (< Emily), Melodie (< Melody), Hilarie (< Hilary).

- 2) форманты -ey/-y (Tracy Tracey, Beverly Beverley, Lesley Leslie).
- 3) форманты -ey, -ie, -y/-e, -ee, -eigh (Sidney Sidne, Bobbie/Bobby Bobbe.
- 4) формант -*i*. В этом случае, как правило, происходит замена формантов -*ie*, -*y*, -*ey*, -*ee* на -*i* и образуются такие формы, как Nicki, Patti, Randi, Nanci, Candi и др. Появлению подобных орфографических вариантов способствовало влияние некоторых деминутивных форм, используемых в Европе (Heidi, швейцар.; Mitzi, нем. и швейцар.; Trudi, нем. и швейцар., и др.), американских топонимов (Cincinnati, Miami, Missouri и др.).
- 5) замена в имени -*i* на -*y* или наоборот (Alvin > Alvyn, Phillip > Phyllip, Marcia > Marcya, а также Clyde > Clide и др.).
- 6) удлинение имени за счет: а) вставки -y- (Gale > Gayle, Dale > Dayle), б) добавления непроизносимой -e (Alan > Alane, Robby > Robbye), в) удвоения согласных (Glen > Glenn, Lyn > Lynn) или наоборот (Jerry > Jery, Cassandra > Casandra).
- 7) чередование c/k/s: a) c <-> k (Carol > Karol, Mark > Marc и др.), б) ck > c/k (Frederick > Frederic/Frederik), в) ch > c/sh (Christopher > Cristopher).
 - 8) переход g в j (Gerald > Jerald, Gerry > Jerry, Geoffrey > Jeffrey и др.).
 - 9) опускание непроизносимой конечной -h (Deborah > Debora, Sarah > Sara и др.).
- 10) варианты с неверной орфографией стандартных имен (Deberah, Valorie, Mathue, Urvin и др.).

Рассмотрев орфографические варианты личных имен, следует отметить, что женские имена, как правило, имеют большее количество вариантов и их более разнообразные формы в сравнении с мужскими. Это можно объяснить отношением к имени на протяжении веков, когда считалось, что мужчины должны иметь традиционные стандартные имена; к женским именам такие требования не предъявлялись. Помимо этого, из истории развития имен видно, что количество женских имен всегда было меньшим. Большее разнообразие орфографических вариантов женских имен является своего рода источником расширения женского антропонимикона [5: 24 – 29].

Таким образом, вариативность личного имени в плане выражения представлена прагматически маркированными гипокористическими и деминутивными формами, образованными с помощью сокращения и аффиксации, использованием этих форм в качестве самостоятельных имен, нейтрализацией их родовых различий, а также появлением большого числа орфографических вариантов.

Что касается классификации личных имен по морфологическим признакам, то, по мнению одних лингвистов, основные два макрокласса — мужские и женские имена включают: 1) полные имена; 2) гипокористические, или уменьшительные имена; 3) деминутивные, или уменьшительно-ласкательные имена [8: 68]. Однако существует мнение о том, что гипокористики и деминутивы составляют один класс дериватов полных имен. Кроме этого, выделяется еще один класс — варианты полных имен [4: 8]. Именно этого взгляда придерживается автор настоящего исследования, считая, что гипокористические и деминутивные формы следует объединить в одну группу, так как они представляют собой производные формы полных имен — дериваты, и выделить их в подклассы последних, потому что многие гипокористические и деминутивные формы употребляются как самостоятельные имена. Варианты полных имен заслуживают отдельного выделения как класса, так как они тоже используются в качестве самостоятельных имен.

Классификация личных имен по фонологическим и морфологическим признакам может выглядеть следующим образом:

- 1) полные личные имена Frederick, Bertram, Emily, Deborah и др.;
- 2) варианты полных личных имен Frederic, Fredric (< Frederick) и др.;
- 3) дериваты полных личных имен:
- а) гипокористические имена Fred, Bert, Em, Deb и др.;
- б) деминутивные имена Freddy/Freddie, Emmie/Emmy, Debbie/Debby и др.

На примере мужского имени Stephen это можно показать схематически: Stephen

|----- Stevie

Steven

Эти формы также являются примером функциональной парадигмы личного имени современного английского языка.

Список литературы:

- 1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. $608\,\mathrm{c}$.
 - 2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
- 3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. 248 с.
 - 4. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. М.: Астрель, 2000. 224 с.
 - 5. Dunkling L. First Names First. L.: J.M. Dent and Sons, 1977. 286 p.
- 6. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. 444 p.
 - 7. Room A. Dictionary of First Names. L.: Cassell, 1995. 336 p.
- 8. Van Buren H. The American Way with Names // Topics in Culture Learning. Vol. 2 / Edited by R.W. Brislin. Honolulu: East-West Culture Learning Institute, 1974. P. 67 86

VARIABILITY OF ENGLISH FIRST NAMES IN THE PLANE OF EXPRESSION

S. I. Garagulya

Belgorod Shukhov State Technological University

e-mail: garagulya@mail.ru The present paper reports on the study of the plane of expression of English first names. It is represented by pragmatically marked hypocoristic and diminutive names formed with the help of shortening and affixation, the use of these forms as independent names, neutralization of their gender distinctions as well as the formation of many spelling variants. The classification of names in terms of phonological and morphological features is also given. The name forms studied are a functional paradigm of first names of the modern English language.

Key words: first name, plane of expression, linguistic sign, neutralization of distinctions, pragmatics, prototype.

УДК 811.133.1

АНАЛИТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ / НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

С. А. Моисеева¹ **М. Ю. Никитина**²

¹Белгородский государственный университет

²Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

e-mail: moiseeva@bsu.edu.ru ritanikitina@mail.ru В статье рассматривается универсальная категория предельности/непредельности глагольного действия. Проводится классификация глаголов в зависимости от их отношения к пределу действия. Под пределом понимается некая критическая точка, связанная с качественным изменением в протекании действия. В роли аналитических средств, оказывающих влияние на предельный/непредельный характер глагола, выступают словосочетания, образованные вследствие грамматикализации компонентов.

Ключевые слова: предел, предельность/непредельность глагольного действия, аспектуальность, аналитическая конструкция, грамматикализация.

Категория предельности/непредельности глагольного действия, заняв прочное место в аспектологических исследованиях, и, привлекая все более пристальное внимание лингвистов, остается одной из самых сложных и недостаточно изученных.

Аспектуальность относится к наиболее распространенным языковым категориям и является, по мнению некоторых языковедов, более универсальной, чем даже категория времени. Наряду с такими функционально-семантическими категориями, как темпоральность, персональность, бытийность, локативность, поссесивность, данная категория является одной из семантических констант наиболее высокого уровня [3, 16, 42]. Внутри поля аспектуальности выделяют ее количественную и качественную характеристики. К сфере количественной аспектуальности относится описание действия с точки зрения его интенсивности, кратности, длительности, прерывности и непрерывности. Одним из признаков качественной аспектуальности является отношение действия к пределу. Она охватывает такие семантические оппозиции, как динамика — статика; действие предельное, направленное к внутреннему пределу, — действие непредельное, ненаправленное к пределу; предельное действие, достигающее свой предел, — действие, когда предел еще не достигнут [16: 10-18].

<u>Предел</u> – понятие универсальное, применяемое в различных сферах жизни и деятельности. Термин «предел» употребляется в физике, математике, лингвистике. В физике, например, под пределом понимается «наибольшее напряжение при различной деформации материалов» [24: 142].

В лингвистике нет общепризнанного и однозначного толкования понятия «предел». Лингвисты вкладывают в этот термин различное содержание [2, 12, 14]. Вслед за С.И. Холод, мы склонны рассматривать предел как некую критическую точку, связанную с качественным изменением в протекании действия: 1) начало действия; 2) конец действия; 3) достижение цели; 4) переход в новое качественное состояние субъекта / объекта действия [25: 20]. А.В. Бондарко выделяет следующие разновидности предела: 1) внутренний и внешний; 2) реальный и потенциальный; 3) эксплицитный и имплицитный; 4) абсолютный и относительный [3: 186].

Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. **Непредельность** – это отсутствие внутреннего предела, ограничивающего течение действия хотя бы в перспективе [там же: 16].

Категория предельности / непредельности глагольного действия (далее П / НП) является лингвистической универсалией, так как она в той или иной степени свойственна всем языкам. В лингвистике существует несколько аспектуальных классификаций глаголов, характеризующих действие с точки зрения наличия/отсутствия предела. Одной из наиболее известных и дискутируемых является семантическая классификация английских глаголов Зино Вендлера. Он подразделяет все глагольные лексические единицы в соответствии с особенностями их значения на четыре класса: глаголы исполнения (ассоmplishments), глаголы деятельности (activities), глаголы достижения (achievements) и глаголы состояния (states). Глаголы деятельности, в отличие от глаголов исполнения, не предполагают никакого предела в своем протекании и теоретически могут протекать бесконечно, длительность совершения действия не обусловливает их прекращение. Они обозначают неразвивающиеся, «гомогенные» ситуации, которые не могут быть «завершены», но могут быть только прерваны. Глаголы исполнения, обозначают «негомогенные», развивающиеся ситуации, которые считаются совершившимися только тогда, когда они достигли своего предела [50: 46].

Е.В. Падучева применительно к русскому языку интерпретирует классификацию 3. Вендлера несколько по-иному. Она выделяет: 1) состояния (states); 2) непредельные процессы (activities); 3) действия и предельные процессы (accomplishments); 4) скачки (achievements) [19: 92].

Рассматривая членение глаголов в японском языке на предельные и непредельные, А.А. Холодович отмечает универсальный характер данной классификации глаголов и видит причину универсальности в «сугубо семантическом характере дихотомии». При определении предельных / непредельных глаголов ученый вводит понятия состояния «предмета» и прекращения состояния «предмета», обращая внимание на внеязыковые ситуации, возникающие после прекращения предельных и непредельных действий [26: 138].

В.М. Павлов разрабатывает новый подход к изучению категории предельности / непредельности в немецком языке и предлагает различать в объективной действительности предельные «трансформативные» и непредельные «статальные» действия [18: 38].

Исследуя категорию предельности / непредельности в тюркских языках, С.Г. Татевосов выделяет крайне немногочисленный, но типологически важный класс **двупредельных глаголов**, которые могут описывать более одной точки кульминации [23: 136].

Предельные и непредельные значения могут совмещаться в одном глаголе, поэтому некоторые отечественные и зарубежные лингвисты относят к классу **нейтральных глаголов** те глаголы, которые в предложении проявляют то предельное, то непредельное значение [10].

В языках разных типов роль предельности / непредельности в сфере аспектуальности неодинакова. В славянских языках соотношение Π / $H\Pi$ выступает в поле аспектуальности как оппозиция аспектуальных классов лексики, представляющая собой ближнюю периферию по отношению к грамматической категории вида как к центру поля, т.е. характерным примером является комплекс «глагольный вид и предельность / непредельность глагольного действия».

В романских языках, в частности во французском, оппозиция предельности / непре-дельности глагола играет доминирующую роль в аспектуальной характеристике действия, какой бы глагольной формой оно ни выражалось [20: 91-109]. Категории вида и времени занимают особое место в реализации предельности / непредельности глагольного действия во французском языке. Эти две категории тесно связаны между собой и образуют единую видовременную систему: в ее составе видовые морфологи-

ческие показатели одновременно служат временными показателями, и, наоборот, в семантическом отношении видовые значения наслаиваются на временные значения. Совершенный вид интерпретирует действие как целостный, завершенный факт, связанный с достижением некоторой границы (предела), в то время как несовершенный вид представляет действие в процессе его протекания безотносительно ко всякому ограничению. Однако, французский язык, не имея разветвленной системы морфологических показателей, с помощью которых можно было бы представить все разнообразие аспектуальных значений предельности / непредельности действия, компенсирует это синтаксическими средствами. В арсенале аналитических средств выражения категории предельности / непредельности глагольного действия во французском языке находятся словосочетания, образованные вследствие грамматикализации компонентов. Историческая эволюция языка включает постоянное превращение лексических единиц в грамматические; лексика выступает в качестве главного источника грамматики, в чем выражается явление континуального характера языковых категорий. В этих случаях мы имеем дело с процессом грамматикализации, процессом превращения лексической единицы в грамматический показатель [15: 10-11]. Грамматикализация словосочетания, приводящая к формированию аналитических структур, неразрывно связана с десемантизацией одного из компонентов словосочетания, с ослаблением его собственного значения и его превращением в полуслужебный или служебный элемент [7: 129-142].

К аналитическим структурам относятся средства различной грамматической и семантической спаянности: от сложной временной формы до перифразы, от сложного глагола до фразеологической единицы. Аналитическая конструкция — это структура, состоящая из сочетания основного (полнозначного) и вспомогательного (служебного) слов, семантически и функционально равнозначная слову. В качестве служебного элемента аналитической конструкции обычно используются особые служебные слова (предлоги, артикли и др.) либо полнозначные слова, подвергающиеся десемантизации [6: 31].

В современном французском языке сущестувует ряд аналитических конструкций, которые выражают различные временные, модальные и аспектуальные значения. Данные конструкции привлекают лингвистов сложными и многообразными семантико-функциональными связями и отношениями между компонентами. Ученые по-разному называют подобные аналитические структуры: «глагольные перифразы [32, 39, 51], «глагольные сочетания» [13], «видовые или грамматические аналитические конструкции» [48], «сложные глагольные конструкции» [27], «инфинитивные сочетания» [1], «синтаксические и аналитические конструкции» [9].

Значение предельности / непредельности глагольного действия во французском языке может быть выражено:

- 1) иммедиатными конструкциями, в состав которых входит лексикосемантическая группа глаголов движения (aller + Inf; venir, sortir + de + Inf.);
- 2) аналитическими конструкциями, в состав которых входит лексикосемантическая группа фазисных глаголов (commencer \grave{a} + Inf, se mettre \grave{a} + Inf, se prendre \grave{a} + Inf, achever de + Inf, finir de + Inf.);
 - 3) аналитическими конструкциями с глаголом faire (ne faire que (de) + Inf);
- 4) бивербальными конструкциями с коннотативно-модальным значением (affecter de + Inf, (en) arriver a + Inf, se décourager de + Inf, accepter de + Inf, amener a + Inf, arrêter de + Inf, (s')autoriser a + Inf, (se) decider a + Inf и др.);
- 5) перифразами (être en cours de + Inf, être en voie de + Inf, être en train de + Inf, être près de + Inf, être en passe de + Inf, être sur le point de + Inf, être à deux doigts de + Inf, être pour + Inf и др.)

Глаголы движения, входящие в аналитические структуры, относятся к лексическим единицам, которые наиболее часто подвергаются грамматикализации в языках мира. Причиной тому служит тот факт, что метафоризация пространствен-

ных понятий в целом имеет чрезвычайно важное значение: человек стремится к тому, чтобы осмыслить нефизическое в терминах физического, то есть нечто менее конкретное – в терминах более конкретной сферы опыта [4, 11, 40].

Намеренность вступления в новую ситуацию, в какой-либо процесс связано во французском языке с представлением о движении [21]. Так, инфинитивная конструкция, образованная одним из фундаментальных глаголов движения **aller**, квалифицируется как форма ближайшего будущего в составе временной глагольной системы: ... déjà, les deux mains appuyées aux barreaux du portail, je me vois épiant avec anxiété quelqu'un qui **va descendre** la grand'rue [28: 5]. В цитируемом отрывке реализация «намеренности вступления в процесс» осуществляется с помощью аналитической конструкции aller descendre в форме настоящего времени.

Использование futur immédiat dans le passé в аналитической структуре с глаголом aller усиливает оттенок «намеренности» действия, что мы наблюдаем в следующем примере: Au moment où j'allais partir une jeune fille, ou une jeune femme – je ne sais – est venue s'asseoir sur un des bancs mouillés de pluie [там же]. В данном контексте, аналитическая конструкция aller partir описывает ситуацию наступления предельного действия, предикат aller подчеркивает желание субъекта осуществить предстоящий процесс перемещения.

Глагол движения **venir** в сочетании с инфинитивом смыслового глагола образует так называемую иммедиатную перифрастическую форму passé immédiat нон-кального характера, связанную с моментом речи говорения, и тонкального характера, связанную с моментом речи в прошлом (соответственно passé immédiat и passé immédiat dans le passé). Интервал между моментом речи и действием придает временному значению сопутствующий оттенок результативной завершенности. Можно предположить, что буквальное толкование глагола venir de 'выходить из' позволило сформировать представление о процессе, который 'только что удалился от момента своего окончания', например: Je suis descendu ce matin chez mon médecin Hermogène, qui vient de rentrer à la Villa après un assez long voyage d'Asie [52: 27]. Как следует из примера, смысловое и синтаксическое единство имеет аналитическая конструкция venir de rentrer, которая описывает только что произошедшее предельное событие.

Близкой по значению к иммедиатным конструкциям является аналитическая структура sortir de + Inf. В отличие от глаголов aller и venir, глагол sortir в инфитинитивных конструкиях выполняет полувспомогательную функцию глагола с меньшей степенью грамматикализации. Терминативность глагольной лексемы позволяет фиксировать внимание на конечной фазе совершаемого действия независимо от точечной или линейной временной формы и предельной / непредельной семантики смыслового глагола, как это видно из следующего примера: Le cri qui sort de passer dans l'air est un être comparable à la bête puisqu'il naît, produit un mouvement, se transforme encore pour mourir [44: 95]. В данной фразе аналитическая конструкция sortir de passer имеет результативно-финитивное значение с некоторой степенью длительности. Развитие предельной ситуации обусловлено контекстом: метафорический образ, созданный автором (крик ассоциируется с живым существом, способным к движению), непредельный глагол passer, а также обстоятельство encore указывают на недолгую протяженность результативного события.

Большой интерес в структурно-семантическом плане имеет иммедиатная конструкция с глаголом *venir*, сопровождаемым наречием *à peine*:

- (1) Le brouillard vient à peine de se dissiper [46: 61].
- (2) Il **vient à peine de marcher** sans se presser, en n'éloignant jamais beaucoup ses semelles de l'asphalte [там же].

Как показывают эти примеры, глагол venir в иммедиатной конструкции venir à peine + Inf может сочетаться как с предельным (se dissiper), так и непредельным глаголом (marcher). В обоих случаях аналитические структуры, в состав которых входит глагол движения venir, преобразованный вследствие грамматикализации, имеют тер-

минативный характер. Конструкция *venir* à *peine* + *Inf* имеет значение непосредственной завершенности, а значение результативности является сопутствующим и вторичным для данного словосочетания. Глагол *venir* в подобных условиях, продолжая оставаться значимым для выражения аспектуального значения, десемантизируется, перекладывая эту функцию на наречие à *peine*. В семантическом плане разница между аналитической конструкцией *venir de* + *Inf* и перифразой *venir* à *peine* делает дистанцию между смысловым глаголом и точкой отсчета более короткой.

Таким образом, анализ показал, что иммедиатные конструкции, в состав которых входят глаголы движения, описывают различные оттенки аспектуального значения предельности / непредельности глагольного действия. Фундаментальный глагол aller в глагольной конструкции aller + infinitif участвует в выражении временной ситуации «приближающегося вступления в процесс». Глагол venir обладает большой степенью грамматикализации, делает упор на перфективности действия или процесса, тогда как глубинная структура глагола sortir придает значение 'выхода из процесса, действия, состояния', т.е. финальной фазы действия и предполагает его относительную длительность.

К числу аналитических средств, формирующих значение П / НП в высказывании, относят также аналитические конструкции с фазисными глаголами. Представление говорящего о процессе: его длительности, развитии, окончании, т.е. о фазах осуществления действия, связаны во французском языке с категорией способов действия. Способы действия занимают периферийное положение в функциональносемантическом поле аспектуальности и репрезентируют через язык пространственновременные фрагменты действительности. По мнению П. Шародо, основное содержание способов действия связано с двумя временными параметрами: «совершаемостью» (стадии осуществления процесса) и «временной протяженностью» (время, необходимое для реализации). На основе этих представлений формируются понятийные категории аспектуальности: проспекция, начало, интратерминальность, конец, моментальность, дуративность, множественность [33: 19]. Так, глагольные перифразы с фазисными глаголами: commencer à (de) + Inf; continuer à + Inf; achever de+ Inf; cesser de + Inf; finir de + Inf; terminer de + Inf и др. участвуют в описании таких этапов осуществления действия, как: 1) состояние и готовность к действию; 2) начало действия; 3) нарастание интенсивности или результата действия; 4) длительность процесса действия; 5) повторение действия.

Глагол commencer служит актуализатором основного действия аналитической конструкции commencer à (de) + Inf. Предикат сохраняет за собой право передачи мгновенного оттенка начинательности и привлекает внимание к готовности осуществления главного действия, имеющего дальнейшее развитие [17: 183]. Благодаря своему лексическому значению в конструкции с инфинитивом курсивного глагола, commencer указывает на начальный этап действия как уже свершившийся факт, но предполагает и дальнейшее развитие действия, придавая словосочетанию значение результативноначинательного способа действия, например: Louise commence à entraîner le lecteur dans une pesante digression sur la fuite du temps [31: 41].

Следует отметить, что глагол *commencer* имеет свойство взаимодействовать не только с курсивными, но и с предельными глагольными лексическими единицами. В сочетании глагола *commencer* с инфинитивом предельного глагола движения (arriver, entrer, percer, sortir, venir) границы действия расширяются, отодвигается его завершение, при этом внимание сосредоточено одновременно и на начальном, и на завершающем этапах действия, например: *Ça* **commence** à **me sortir** par les yeux [37: 8]. В цитируемом контексте глагол *commencer* в аналитической структуре с предельным глаголом *sortir* придает высказыванию ингрессивный характер и соотносит действие с перфективным значением, так как его начало и окончание совпадают. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что аналитическая конструкция с глаголом *commencer* актуализирует значение результативно-начинательного способа действия независимо от предельности / непредельности смыслового предиката.

При детальном исследовании аналитических конструкций $se\ mettre\ \grave{a}+Inf$ и $se\ prendre\ \grave{a}+Inf$ выявляется их основной отличительный семантический оттенок мгновенности, активного начала действия. Точечные или линейные временные граммемы способны модифицировать значение данных аналитических структур. Так, глаголы $se\ mettre$, $se\ prendre\ B$ линейных временных формах индикатива $(présent,\ imparfait)$ указывают на развитие начального этапа основного действия, представленного инфинитивом курсивного глагола движения $(courir,\ descendre,\ errer,\ marcher\ u\ др.)$, например: $Il\ se\ met\ \grave{a}\ marcher\ en\ direction\ de\ Clochemerle\ [34:16]$. Как следует из контекста, перифраза $se\ mettre\ \grave{a}\ marcher\ B$ форме $présent\ o$ писывает начало прогрессивного движения.

Оттенок законченности начального и развития основного этапа действия появляется при воздействии точечной временной формы passé composé фазисного глагола (s'est mis) на непредельность глагольной лексемы, о чем свидетельствует нижеприведенный пример: Il s'est mis à courir comme un coup de vent, le feu aux joues, le kepi de travers... [35: 73]. В данном высказывании начало действия, выраженного перифразой se mettre à courir 'пуститься бежать', имеет терминативный характер и сопровождается интенсивностью. Подобное значение достигается под влиянием граммемы passé composé, привносящей в глагольно-инфинитивную конструкцию образ законченного действия.

Выражение <u>продолженности</u> во французском языке осуществляется при помощи аналитических конструкций с фазовыми глаголами continuer и cesser: continuer à (de) + Inf; ne pas cesser de + Inf. Первая конструкция может указывать на возобновление прерванного действия, либо описывать непрерывный, продолженный процесс, как это демонстрирует следующий пример: Mais elle **continuait à se frotter** les paupières quelque temps, doucement, parce qu'elle avait les yeux las de pleurer [47: 19]. В данном высказывании непрерывное, не ограниченное пределом движение субъекта заключено в некоторые временные рамки, на что указывает обстоятельство quelque temps.

Конструкции achever de + Inf, finir de + Inf относятся к конечной фазе процесса (финитивности) и указывают на стремление действия к законченности, выражая тем самым результативно-финитивный способ действия: в точечных временах реализуется положительный итог действия со значением результативной завершенности, в линейных временах указывается заключительная фаза действия или процесса, ориентированного на результат.

<u>Фаза прекращенности действия</u>, в отличие от терминативности, связана с представлением о возможном возобновлении процесса. Во французском языке для выражения прекращения процесса используются глагольно-инфинитивные конструкции с глаголами $cesser\ de+Inf$ и $s'arr\hat{e}ter\ de+Inf$. Фазисные глаголы $cesser\ u\ s'arr\hat{e}ter\ coчетаются как с предельными, так и с непредельными предикатами, например:$

- (1) Tout à coup mon ami **s'arrête à monter** l'escalier et pousse un long soupir...[41: 36].
- (2) Puis, un matin, maître Cornille mourut, et les ailes de notre dernier Moulin **cessèrent de virer**, pour toujours cette fois... [36: 29].

В первом отрывке при помощи аналитической конструкции s'arrêter à monter описывается ситуация, когда действие временно прекращается, но сохраняется возможность возобновления процесса. Во втором случае прекращение процесса связано с особыми обстоятельствами: мельник умер, поэтому старая мельница, которую он приводил в движение, перестала работать. Восстановление процесса невозможно, на что указывает обстоятельственный маркер pour toujours.

Таким образом, анализ материала наглядно показал многофункциональность французских фазисных глаголов, содержащих в себе возможности реализации терминативности, прекращенности, инхоативности и результативности действия.

К аналитическим средствам выражения предельности / непредельности глагольного действия относят также **бивербальные конструкции** с коннотативномодальным значением. В образовании подобных конструкций участвуют глаголы,

лексическое значение которых сохраняется, при этом появляется дополнительный коннотативный оттенок предельности / непредельности. Функцию данных предикатов в перифразе могут выполнять следующие группы глаголов:

- 1. Лексико-семантическая группа глаголов со значением настойчивости, упорства: affecter de + Inf, (en) arriver a + Inf, (se) décourager de + Inf, (se) désespérer de + Inf, (se) laisser de + Inf.
- 2. Лексико-семантическая группа глаголов со значением обязательства: accepter de + Inf, amener $\grave{a} + Inf$, arrêter de + Inf, (s')autoriser $\grave{a} + Inf$, (se) decider $\grave{a} + Inf$, (s')efforcer de + Inf, (se) forcer $\grave{a} + Inf$, partir \grave{a} (pour) + Inf, réussir $\grave{a} + Inf$, triompher de + Inf.

Аналитические структуры с данными глаголами чаще всего выражают результативно-начинательный или результативно-финитивный способы действия, например: Il est parti à pousser des gueulements comme une femme et a gesticuler comme un épileptique [29: 171]. В иллюстрируемом фрагменте бивербальная конструкция образована при помощи двух глаголов движения, один из которых выступает в роли служебного элемента перифразы, другой обладает свойством курсивного предиката. Несмотря на базовое значение, заключенное в глаголе partir 'отправляться, уезжать', в словосочетании происходит формирование вторичного коннотативного значения предельности начальной фазы действия.

Среди аспектуальных конструкций французского языка, способных описывать П / НП глагольного действия, нередко встречаются модели, не получившие еще теоретической интерпретации. По мнению М.К. Сабанеевой, назначение и состав этих конструкций своеобразны, привлекают к себе внимание и нуждаются в объяснении [22: 202-206]. К ним относятся следующие перифразы:

- 1) аналитические конструкции, передающие длительное или развивающееся действие: être en cours de + Inf, être en voie de + Inf, être en train de + Inf, passer le temps (la vie, les jours, les heures etc) à + Inf, être occupé de + Inf, être à + Inf;
- 2) аналитические конструкции, обозначающие неизбежность наступления действия, находящегося на границе временной ситуации: être près de + Inf, être en passe de + Inf, être sur le point de + Inf, être à deux doigts de + Inf, être pour + Inf.

Основная семантическая доминанта 'в ходе чего-либо' легла в основу словосочетаний, способных реализовать курсивность действия. Аналитическая структура être en cours de + Inf имеет отчетливое аспектуальное значение процессности за счет предложно-именной группы en cours de. По данным словаря П. Робера [45: 410], абстрактное значение существительного **cours** – 'déroulement, développement, enchaînement durée' служит ведущим грамматическим средством выражения непредельности действия. Семантика процессности находит свою материализацию в конкретном действии, обозначенном глаголом движения, например: Et son père était en cours de passer sous les applaudissements... [46: 13].

Перифраза être en voie de + Inf не тождественна модели être en cours de + Inf. В отличие от существительного cours, передающего идею движения во времени, субстантивный компонент конструкции **voie** имеет исходно пространственную семантику, т.к. предполагает наличие маршрута движения, а вследствие метафоризации – ориентированность процесса на какой-либо результат. Предельность / непредельность смыслового глагола играет определяющую роль в создании аспектуального значения данного словосочетания, как это видно из следующего контекста: Les 1re et 2e armées semblaient être en voie de grimper le terrain [35: 21]. В данном примере действие, обозначенное аналитической структурой être en voie de grimper, имеет непредельный характер, ситуация движения предполагает достижение предела лишь в перспективе.

Наиболее яркая языковая форма выражения курсивности во французском языке опирается на представление, связанное с элементом **train**. Главное значение существительного *train* – 'ход' создает общий образ непредельного действия, происходящего на глазах наблюдателя: La blessure au-dessous de la flottaison dans les flancs de notre navire **était en train de couler** [43: 71]. В цитируемом отрывке конструкция être en train de couler описывает неограниченный пределом процесс движения, свидетелем которого, и следовательно наблюдателем, выступает сам автор.

Инфинитивные сочетания: passer le temps (la vie, les jours, les heures) \grave{a} + Inf, être occupé de + Inf, être \grave{a} + Inf являются языковой разновидностью общего образа 'нахождения в состоянии занятости чем-либо', который составляет одну и ту же непредельную аспектуальную ситуацию. Рассмотрим следующий пример: Elle **passait son temps \grave{a} errer** par la campagne, cherchant et adorant Dieu dans la nature [44: 86]. Данный случай относится к неограниченности повторяемой ситуации. В роли дополнения к глаголу passer могут выступать различные указатели временного объема серединной фазы действия от неограниченного (son temps, sa vie) до менее протяженного (les jours, les heures).

Самый близкий момент приближения к вступлению в процесс может быть выражен во французском языке с помощью следующих конструкций: être près de + Inf, être en passe de + Inf, être sur le point de + Inf, être à deux doigts de + Inf. Благодаря свойству фундаментальности глагола être, инфинитивные конструкции с его участием способны передавать этап соединения двух ситуаций, а переосмысление пространственных образов (près de, point, deux doigts), выступающих в качестве переломной границы — предела, позволяет выразить временную стадию реализации процесса, которая получила во французском языке название imminence 'неизбежность'. В современном французском языке сохраняется также перифраза être pour + Inf, имеющая значение 'намеренности, начинательности'. Приведем примеры, иллюстрирующие аспектуальную ситуацию неизбежности:

- (1) Accompagné d'un seul domestique qui portait une torche allumée, il **était sur le point de sortir** quand il trouva sous ses pas sa mère Camille... [49: 14].
 - (2) Nous étions près d'arriver, quand la curiosité me prit [38: 8].

В вышеуказанных примерах описана предельная ситуация вступления в новое действие, о чем свидетельствуют лексические элементы устойчивых словосочетаний être sur le point (point 'точка') и être près de (près 'рядом').

Таким образом, в процессе исследования было установлено, что наиболее регулярным средством выражения предельности / непредельности действия являются следующие аналитические конструкции, образованные вследствие грамматикализации их компонентов: 1) иммедиатные конструкции, в состав которых входит лексикосемантическая группа глаголов движения; 2) аналитические конструкции, в состав которых входит лексико-семантическая группа фазисных глаголов; 3) бивербальные конструкции с коннотативно-модальным значением и др. Анализ данных словосочетаний, служащих для частичной компенсации формальных словообразовательных средств во французском языке, показал, что роль обстоятельств в реализации аспектуальных значений глагола исключительно велика: служебные элементы перифраз, выступающие в роли обстоятельственных маркеров способны уточнять и модифицировать потенциальное значение предельности / непредельности смыслового глагола.

Список литературы

- 1. Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц / С.Г. Бережан. Кишинев: Штиинца, 1973. 372 с.
- 2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко // Рос. Академия наук. Ин-т лингв. исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
- 3. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики / А.В. Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. 260 с.
- 4. Богданова С.Ю. Пространственная метафора в концептуализации абстрактных понятий / С.Ю. Богданова // Говорящий и наблюдатель. Новосибирск, 2000. С. 149-154.
- 5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 277-288.
- 6. БЭСЯ Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

- 7. Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса / В.Г. Гак // Аналитические конструкции в языках различных типов. Л.: Наука, 1965. С. 129-142.
 - 8. Гак В.Г. Беседы о французском слове / В.Г. Гак. М.: «Едиториал УРСС», 2004. 336 с.
- 9. Демиденко Л.П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке / Л.П. Демиденко // Учен. Записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1963. 248 с. 75. Зализняк Анна А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Межд. Ун-т природы, общ-ва и чел-ка «Дубна», 1999. С. 312-320.
- 10. Жеребков В.А. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола / В.А. Жеребков // Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та. Калинин, 1970. Т. 72. Вып. 3.
- 11. Зализняк Анна А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Межд. Ун-т природы, общ-ва и чел-ка «Дубна», 1999. С. 312-320.
- 12. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. М., 1962. 318 с.
- 13. Илия Л.И. Пособие по теоретической грамматике французского языка / Л.И. Илия. М.: Высшая школа, 1979. 215 с.
- 14. Крушельская К.Т. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков / К.Т. Крушельская. М., 1961. 153 с.
- 15. Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии / Т.А. Майсак // Вопросы языкознания. 2000. N^0 1. С. 10-32.
 - Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.
- 17. Недялков В.П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов / В.П. Недялков // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность действия. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 180-195.
- 18. Павлов В.М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения / В.М. Павлов // Теория грамматического значения и аспектологические исследования Л.: Наука, 1984. С. 42-70.
- 19. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке, семантика нарратива / Е.В. Падучева. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
- 20. Реферовская Е.А. Аспектуальные значения французского глагола / Е.А. Реферовская // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 91-109.
- 21. Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте / Э.М. Рянская. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 191 с.
- 22. Сабанеева М.К. На периферии поля аспектуальности в современном французском языке / М.К. Сабанеева // Язык и действительность: Сборник науч. трудов памяти В.Г. Гака. М.: URSS, 2006. С. 202-206.
- 23. Татевосов С.Г. Акциональность: типология и теория / С.Г. Татевосов // Вопросы языкознания. 2005. N° 1. С. 108-139.
- 24. ФМЭ Физико-математическая энциклопедия. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 691 с.
- 25. Холод С.И. Предельность / непредельность глаголов движения в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук / С.И. Холод. Тюмень, 2004. 178 с.
- 26. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории / А.А. Холодович. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979. 304 с.
- 27. Штейнберг Н.М. Так называемое будущее предварительное (futur antérieur) в современном французском языке (к вопросу о соотношении вида и времени в системе французского глагола) / Н.М. Штейнберг // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Л., 1955. Вып. 15. \mathbb{N}^{0} 156. С. 265-281.
- 28. Alain-Fournier H. Le grand Meaulnes / H. Alain-Fournier. P.: La Spiga languages, 1998. 339 p.
 - 29. Barbusse A. Le Feu. Journal d'un escouade / A. Barbusse. P.: Gallimard, 1965. 315 p.
 - 30. Bazin H. Vipère au poing / H. Bazin. P.: Grasset, 1998. 186 p.
- 31. Berriot K. La Belle Rebelle et le François nouveau / K. Berroit. P.: Édition du Seuil, 1985. 400 p.
- 32. Brunot F. Histoire de la langue française dès origine à nos jours. T.IV. La langue classique 1660-1715. Deuxième partie / F. Brunot. P.: Librairie Armand Colin, 1966.

- 33. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression / P. Charaudeau. P.: Hachette, 1992. - 927 p.
 - 34. Chevalier G. Clochemerle / G. Chevalier. P.: P.U.F., 1992. 318 p.
 - 35. Courteline G. Les Gaîtés de l'escadron / G. Courteline. P.: Flammarion, 1958. 265 p.
 - 36. Daudet A. Lettres de mon Moulin / A. Daudet. P.: L'Aventure, 2000. 251 p.

 - 37. Duneton Cl. La puce à l'oreille / Cl. Duneton. P.: Stock, 1978. 390 p. 38. Gautier Th. La Morte amoureuse / Th. Gautier. Milan: La Spiga languages, 1968. 187 p.
- 39. Henricksen A.-J. Les périphrases verbales du français moderne / A.-J. Heinricksen // Revue romane. - 1967. - Numéro spécial 1. - P. 45-56.
- 40. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. - 242 p.
 - 41. Leroux G. Le cœur cambriolé / G. Leroux. P.: Gallimard, 1972. 192 p.

 - 42. Lyons J. Semantics / J. Lyons. Cambridge, 1977. Vol. 2. 897p.
 43. Marsan H. Le Corps du soldat / H. Marsan. P.: Verdier, 1991. 144 p.
- 44. Maupassant G. de. Lettre d'un fou // Contes et Nouvelles / G. de Maupassant. P.: Gallimard, 1984. – 378 p.
- 45. PR-2004 Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le Nouveau Petit Robert. - P.: Le Robert, 2004. - 2950 p.
 - 46. Queneau R. Pierrot mon ami / R. Queneau. P.: Gallimard, 1961. 252 p.
 - 47. Sarraute N. Le Planétarium / N. Sarraute. P.: Gallimard, 1959. 310 p.
 - 48. Schogt H. Le système verbal du français contemporain / H. Schogt. P.: The Hague, 1968.
 - 49. Stendhal. Chroniques italiennes / Stendhal. P.: Flammarition, 1993. 440 p.
- 50. Vendler Z. Linguistics in philosophy / Z. Vendler. N.Y.: Cornell University Press, 1967. - P. 97-121.
- 51. Veresse F. Les périphrases verbales françaises / F. Veresse // Études Fino-Ougoriennes. - P., 1974. - T. XI. - P. 253-274.
 - 52. Yourcenar M. Mémoire d'Hadrien / M. Yourcenar. P.: Gallimard, 1980. 364 p.

ANALYTIC DEVICES OF LIMIT / UNLIMIT OF VERBAL ACTION (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

S. A. Moiseeva¹ M. Y. Nikitina²

¹Belgorod State University

²Belgorod Shukhov State Technological University

moiseeva@bsu.edu.ru ritanikitina@mail.ru

This article is devoted to the universal category of limit / unlimit of verbal action. The classification of verbs depending on their relation to the limit of action is given. The limit is supposed as a critical point associated with qualitative change in the proceed action. Word combinations, formed due to the grammaticalization of their elements are regarded as analytic devices which have influence on the limit / unlimit characteristic of the verb.

Key words: limit, limit / unlimit of verbal action, aspect, analytic structure, grammaticalization.

УДК 801.73:811.161:811.162.3:811.111

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА SOCIETY IS A BODY КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ SOCIETY В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О. Н. Прохорова¹ О. В. Афанасьева²

¹Белгородский государственный университет

²Алексеевский филиал Белгородского государственного университета

e-mail: prokhorova@bsu.edu.ru В статье рассматривается концептуальная метафора SOCIETY IS A BODY как одно из средств метафорического описания концептосферы SOCIETY в английском языке и показана её актуальность в сознании и языке его носителей.

Ключевые слова: концептосфера, концептуальная метафора, социальный организм, метафорическая экспансия.

Проблема организации и функционирования общества занимала умы просвещенных деятелей науки и культуры с давних пор. На вопрос «Что такое общество?» старались ответить практически все видные философы. Подобный интерес к этой проблеме доказывает, что общество является одной из основополагающих категорий культуры любого народа, вне зависимости от того рассматривает ли он себя как общество или нет.

Развитие теории концептуальной метафоры и последовательное описание метафорических моделей — одно из наиболее перспективных направлений современной когнитивной лингвистики.

Анализ фактического материала показывает, что концептосфера SOCIETY может быть метафорически представлена в английском языке и, соответственно, в сознании его носителей посредством следующих концептуальных метафор: SOCIETY IS A (SICK) PERSON, SOCIETY IS A BODY, SOCIETY IS A FLOCK, SOCIETY IS A BUILDING, SOCIETY IS A PYRAMID, SOCIETY IS A MECHANISM, SOCIETY IS A FAMILY.

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть одну из вышеперечисленных концептуальных метафор – SOCIETY IS A BODY, как одно из средств метафорического описания концептосферы общества в английском языке.

Согласно теории концептуальной метафоры базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт. Формирование метафоры связано с концептуальной системой носителей того или иного языка. Д. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафоры создаются, прежде всего, на основании опыта, связанного с человеческим телом [1: 42]. Антропоморфная метафора, по нашему мнению, является традиционной в английском языковом сознании. Она занимает важное место в языке, становясь орудием и средством отображения традиционного мировосприятия и реакцией на происходящие в обществе перемены. В основе современных антропоморфных метафорических моделей лежат наивные представления человека, которые составляют две основные понятийные сферы: "Анатомия человека" и "Физиология человека" [2: 134].

По нашему мнению, рассматриваемая нами антропоморфная метафора включает соотношение окружающего мира с наивными представлениями о человеческом

организме, органами человека и физиологическими процессами, протекающими в организме. Широкое распространение физиологической метафоры в английском языке обусловлено доступностью и понятностью концептуальной сферы-донора, хорошо знакомой большинству носителей языка. Осознание социальной реальности в терминах известной понятийной области облегчает восприятие метафорических образов. Мы согласны с мнением Н.Ф. Алефиренко в том, что «... метафора – более доступное нашему пониманию средство передачи информации, поскольку опирается не на абстрактные сущности, а на знакомые всем общающимся (или, по крайней мере, большинству из них) окружающие предметы, которые в данной этнокультуре имеют особое ценностно-смысловое содержание» [3: 168].

Развертывание антропоморфной метафоры обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что священство произошло из рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом Завете пророк Даниил, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средневековья. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц – голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык; солдаты – руки; крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – желудок [4: 26-27].

Нет сомнения в том, что все, что связано человеком, необыкновенно важно для него и его осмысления себя как части сообщества подобных ему, и понимания этого самого сообщества. Указанная метафора базируется на соизмерении окружающего мира с органами человека и физиологическими процессами, поэтому нами условно выделяются две соответствующие концептуальные сферы-источники. Имеющийся в «копилке» народа арсенал концептов используется для интерпретации окружающей действительности, и все явления воспринимаются, оцениваются и осмысливаются в терминах этих концептов-артефактов коллективного языкового сознания. Одним из основополагающих концептов, по нашему мнению, является концепт тела и по этой причине физиологическая метафора получила широкое распространение в языке. Подтверждение мысли о том, какую роль тело играет в жизни человека можно найти у древних. Платон устами Сократа во Вступлении к диалогу «Федон» обращает на это внимание: «Но что всего хуже: если даже мы на какой-то срок освобождаемся от заботы о теле, чтобы обратиться к исследованию и размышлению, тело и тут всюду нас путает, сбивает с толку, приводит в замешательство, в смятение, так что из-за него мы оказываемся не в силах разглядеть истину. И, напротив, у нас есть неоспоримые доказательства, что достигнуть чистого знания, чего бы то ни было, мы не можем иначе, как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой... [5: 648].

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению способов репрезентации метафоры SOCIETY IS A BODY в английском языке, нам представляется необходимым упомянуть о том, что один из подходов к рассмотрению сущности общества учеными философами и социологами состоит в том, что общество рассматривается как развитый социальный организм. Существенно обогатил предмет социологической науки английский социолог Г. Спенсер (1820-1903г.г.). В традициях позитивистской социологии Г. Спенсер, опираясь на исследования Ч. Дарвина, предложил использовать эволюционную теорию для объяснения социальных изменений. Г. Спенсер старался провести последовательную аналогию между биологическим организмом и обществом как социальным организмом. Он утверждал, что непрерывный рост общества позволяет смотреть на него как на организм [6: 320]. В настоящее время эта мысль также остается актуальной. Подтверждение этому находим у известного психофизиолога В.Л. Таланова: «К концу двадцатого века уже многим думающим людям из числа ученых, не только гениальным единицам, таким, как Евгений Замятин или Тейяр де Шарден, стало понятно, что человеческая цивилизация стремительно превращается в многоклеточный социальный суперорганизм... [7].

Анализ фактического материала показал, что метафора SOCIETY IS A BODY широко распространена в английском языке, и в некоторых случаях употреблений она сужается до метафоры SOCIETY IS AN ORGANISM: "Its most striking feature is the importance attributed to princely officials: judges and provincial governors are the eyes, ears and tongue of the body politic; officials are the hands; and financial officers the stomach and intestines" [8]; "Yet we are still left with the impression that these two Greeks never quite understood what was really happening in the social organism which had become the guarantee of their own survival" [8].

Центральное место среди органов человека занимает сердце. Именно оно обеспечивает жизнедеятельность всего организма, является его мотором, двигателем. Указанная соотносительная связь лежит в основе некоторых метафорических выражений английского языка: "The heart of a woman is formed for the abode of sacred truth; and for the reasons alike honorable to her character and to that of society. From the nature of humanity this must be so, or the race would soon degenerate and moral contagion eat out the heart of society" [9: 13].

Голове во все времена и всех народов придавалось особое значение, она обладала особой ценностью или даже святостью, отождествлялась с человеком. Как считали древние греки – голова есть жизнь или вместилище жизни. Многие другие народы приписывали голове особую святость как вместилищу души. Принимая это во внимание нельзя не отметить, что в английском языке в определенном отношении голова равна самой личности (ср. в русском языке голова – глава – главный), что находит свое метафорическое выражение в словосочетании *head of state* и означает – главный среди всех и возможно самый умный: "Every book on revolutions shows that they succeeded when the head of state loses is nerve" [8]; "The head of state is the hereditary monarch, all acts of parliament being made in his or her name" [8].

Способность к возможным мыслительным операциям у человека зависит от состояния и продуктивности его мозга (ума), его реальной способности отражать объективную действительность. В метафорической модели отражается наличие разума у целого общества. В социологической науке принят термин "the social brain", понятие, обозначающее процесс при котором мозг всех людей вырабатывает эмоции и управляет их социальным поведением. В когнитивной и нейронауке существует понятие "The Social Brain Hypothesis" — гипотезы социального разума, соотносящей объем мозга с общественными взаимодействиями. В метафорической модели также отражается основная функция мозга — мышление: "Jimmy Carter's doomed efforts to launch a war against the country's dependence on imported energy will always be associated in the public mind with queues at petrol stations" [8]; "In connection with that, I wonder if you have thought of Vico's history of the primitive races — of his idea that the ancient gods and later heroes are personifications of the fates and aspirations of the people rising in figures from the common mind? [8]

Характерной особенностью метафорического образования в некоторых примерах становится попытка насильственного воздействия на ментальную деятельность общества с целью обеспечения его продуктивности в нужном, заданном направлении: "Such cultural manipulations of the public mind beg the question of the kind of death education that is presently available in our schools" [8]; "Set beside this, the public mind is indeed impoverished" [8].

Лицо является наиболее индивидуальной частью тела человека, именно по его целостному восприятию идентифицируется личность, в нашем случае общество, поэтому в английском языке метафорическое употребление лексем, связанных с лицом и его частями также имеет место: "Surrounded by the commercial tat of a failed sexual "revolution", Punk Rock threw sex back into the face of society in an apocalyptic vision; as the name Sex Pistols made clear, sex here was not a means to pleasure, or self-discovery but a weapon" [8].

Известно, что связь человека с внешним миром осуществляется посредством перцептивных органов (глаза, уши, рот, язык, зубы, нос, кожа). Способность получать и осмысливать информацию с помощью органов чувств, а также соответствующим образом реагировать на эту информацию является характерной отличительной особенностью человека. При формировании соответствующей когнитивной модели связь человека с внешним миром через перцептивные органы ассоциируется с процессами познания, получения различной информации интеллектуального и эмоционального свойства и таким образом происходит познание человеком окружающей действительности. Когнитивная деятельность человека, осуществляемая с помощью органов перцепции, характеризуется структурированностью, традиционализмом и продуктивностью, причем тип получаемой информации зависит от способа осуществления перцепции (зрительный, слуховой, вкусовой, осязательный каналы и канал обоняния).

В данном контексте необходимо отметить, что чаще в английском языке в связи с репрезентацией концептосферы SOCIETY встречается метафорическое употребление частей лица, непосредственно связанных с возможностью восприятия и реакции, таких как глаза и уши.

Глаза — это орган зрительного восприятия. Функционирование рассматриваемой нами метафоры базируется на традиционных представлениях человека об органах зрительной перцепции. Известно, что глаза — это один из важнейших, ценнейших, органов чувств человека, благодаря глазам мы получаем почти всю информацию об окружающем мире. В английском языке находят отражение устойчивые (концептуальные) метафоры, составляющие основу английской картины мира: "This was at a dinner party at Lady St. Helier's, better known in the social history of the day as Lady Jeune, who liked to ask to her house (in a much more exclusive world that the world of today) everyone that in some way or another had caught the public eye" [10: 138].

В этой связи можно вспомнить очень известное в наши дни и не менее часто употребляемое в речи выражение: "Big brother is watching you!", которое означает, что правительство, другие компетентные органы, люди, другими словами – общество вокруг наблюдают за человеком. Данное метафорическое выражение часто актуализирует значение доносительства и шпионства.

В процессе метафорической репрезентации общества как человеческого тела в английском языке часто употребление глагольных лексем, относящихся к сфере зрительного восприятия таких как: to examine, to look, to observe, to see, to watch: "For not only are the press, radio and TV, in particular, a key part of the organism of a society that endlessly recreates itself: they are also the chief means through which a society observes and evaluates itself [8]; "In other words, of broadcasters no longer have to depend on "official" sources, how can we control what the public sees and hears?" [8]

Из последнего примера видно, что в сознании людей общество метафорически наделяется способностью не только видеть, но и слышать.

Уши являются слуховым источником информации и вторым по возможности органом чувств у человека. Слуховая информация воспринимается как переработка знания. С помощью ушей человек слышит себе подобных, звуки природы и т.д. Метафорические выражения в английском языке с лексемой *ear (ears)* не так часты, однако они все же встречаются в речи носителей: "Stephen: (with exaggerated politeness) This silken purse I made out of the sow's ear of the public" [11: 239].

В науке слуховая информация представляется вторичной по отношению к говорению. Голосовой аппарат, являющийся составной частью организма человека, издает разнообразные по высоте, силе и тембру звуки, которыми человек выражает ощущения, чувства, мысли (крик, смех, плач, разговорная речь). С помощью голоса происходит обмен информацией, осуществляется оценка событий.

Голос, столь необходимая для организма функция выражения и реакции, не могла не найти своего отражения в метафорических выражениях, употребляемых носителями английского языка для представления общества. Так, Чарльз Диккенс одну

из глав свой книги "Our mutual friend" назвал "The Voice of Society". Ср. Следующие примеры: "Now I wonder", thinks Mortimer, amused, "whether YOU are the Voice of Society!" [12: 385]. У Диккенса же 17 глава третьей части этой же книги называется "A Social Chorus" [12: 16].

Позвоночник выполняет несколько важных функций в теле человека: служит опорой для всего тела; стержнем, к которому крепятся все остальные органы; своеобразным футляром для спинного мозга; рессорой, которая предохраняет от повреждения головной мозг, сердце, лёгкие. Это — основа движений человека, что также находит отражение в метафорических выражениях английского языка. В мифологическом сознании позвоночник и кости в общем несут важную нагрузку. Ведь по древним представлениям, в потустороннем мире человек нуждается во всех частях тела, поэтому кости обязательно предавались земле, иначе человеческая душа не найдет покоя. На основе этого в современном сознании формируется мысль о том, что у общества как у тела человека, тоже должна быть твердая основа, костяк, на котором зиждется его здоровое существование: "Yes, Knocker was now much respected and financially secure backbone of society" [8].

Физическая сила человека традиционно была в его руках и мускулах.

Мускулы — основа движения человека и любое движение человек совершает благодаря мускулам, что нашло свое отражение в метафорических выражениях, где социальные мускулы — это основа социализации человека, взаимодействия его с людьми его окружающими. Как необходимо тренировать мускулы тела человека для его физического здоровья, также необходимо и укреплять (build в англ.) социальные мускулы: "The bottom line? Brush up those social muscles, dust off your English (non-programming) language skills, and reboot yourself a bit. You never know what a connection with someone might bring, either to you or (better yet) to them" [8].

Руки, как известно, крайне необходимы человеку для его физических контактов с окружающей средой. Анализ фактического материала показал, что общество в сознании носителей английского языка ассоциируется как имеющее руки: "I am confident that it will rise to that challenge, which must be faced whether the industry is in private or public hands" [8]; "In such circumstances, the directors may be faced with the decision to allow control of the company to fall into public hands, with the prospect that one day it will attract the attentions of an unwelcome predator" [8]. Обратим внимание на то факт, что в некоторых случаях происходит противопоставление общественных и частных рук, то есть целого общества и одного человека.

В данном контексте нам также представляется необходимым упомянуть наличие у человека духа или души. Понятие о душе является одним из важнейших понятий человеческой культуры споры о существовании жизни после смерти и такой эфемерной субстанции как человеческая душа не прекращаются на протяжении всего существования человечества. По учению ряда религий душа, как и дух, есть у людей, животных и растений. Наряду с представлением о том, что дух помещается в каком-то одном органе или части тела человека, существует мнение, что он занимает все его тело. В нашем исследовании мы не ставим цели выяснить месторасположение духа или души, но считаем необходимым упомянуть данную субстанцию, поскольку в рамках нашего исследования находим в английском языке примеры метафорического употребления номинативной лексемы *spirit* в отношении концептосферы SOCIETY: "We believe that this common factor is so important that during the past year or so we have experimented in ways of bringing the participants together to discuss their ideas and to foster the creation of a spirit of community" [8]; "Police say it's the sort of public spirit required to help to stop the joyriding menace which is still very much in evidence this summer" [8].

Итак, рассмотрение физиологической метафоры SOCIETY IS A BODY демонстрирует ее актуальность и продуктивность в английском языке. Органы человека, выступая в качестве сферы метафорической экспансии в отражении окружающего мира, являются относительно структурированной областью, близкой и хорошо знакомой че-

ловеку. В соответствии с этой моделью сам процесс восприятия связан с процессом познания сущности мира, внутренних связей вещей, получения разного рода информации, причем характер переносного значения, тип информации во многом определяется каналом перцептивной связи — зрительным, слуховым, осязательным и т.п. Наконец, элементы внешнего предметного мира могут переосмысляться и оцениваться внутри данной когнитивной модели в связи с тем, какую перцептивную информацию они «предоставляют» человеку.

Список литературы

Теоретические источники исследования

- 1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
- 2. Стоянова Е. Физиологическая метафора в политическом дискурсе (на материале российских масс-медиа) // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков / Университетско издателство "Епископ Константин Преславски", Шумен, 2006. С. 134-151.
- 3. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно семиологическая синергетика слова: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
- 4. Будаев Э.В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.
 - 5. Платон. Избранные диалоги. Пир. Федр. Федон.—М., 1965. 528 с.
- 6. История теоретической социологии, в 5 тт. Под ред. Ю.Н. Давыдова, т. 2, раздел третий, Γ л. 2. М., Магистр, 1997. 326 с.
- 7. Таланов В.Л. Социально-эволюционная метафора и прогнозы эволюции http://newsocionicsmodel.narod.ru/socioevolut1.html.

Источники иллюстративного материала

- 8. BNC British National Corpus http://thetis.bl.uk/lookup.html.
- 9. Jefferis B. G., Nichols J. L. Searchlights on Health http://www.rosinstrument.com/.
- 10. Maugham Somerset W. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard, СПб.: Антология, КАРО, 2005. 256 с.
- 11. Joyce James Ulysses M.: Изд-во: Азбука-классика, Белая серия, 2008 . 350 c.Dickens Charles Our Mutual Friend Wordsworth Classics: London, 2002. 794 с.

CONCEPTUAL METAPHOR "SOCIETY IS A BODY" REPRESENTING CONCEPTOSPHERE SOCIETY IN THE ENGLISH LANGUAGE

O. N. Prokhorova¹ O. V. Afanasyeva²

¹Belgorod State University

²Alekseevka branche of Belgorod State University

e-mail: prokhorova@bsu.edu.ru In the article the authors try to analyze conceptual metaphor SOCIETY IS A BODY representing conceptosphere SOCIETY in the English language and to show its popularity in it and the minds of the English speakers.

Key words: conceptosphere, conceptual metaphor, social organism, metaphorical expansion.

УДК 801.73:811.161:811.162.3:811.111

КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОНТОГЕНЕЗА И ФИЛОГЕНЕЗА ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ

И.В.Чекулай О.Н.Прохорова

Белгородский государственный университет

e-mail: chekulai@bsu.edu.ru, prokhorova@bsu.edu.ru В статье предлагаются такие важные философские категориальные основания выражения ценности в виде речевых оценочных произведений, как категории времени и пространства. Генезис ценностно-оценочных отношений представляет собой эволюционный процесс, протекающий во времени и в пространстве, где ценности накапливаются в ходе реализации оценочных высказываний и, в свою очередь, дают материал для качественного совершенствования средств оценки. Тем самым факторы времени и пространства как онтологические категории бытия имеют место на всех уровнях предметной категоризации объектов действительности и мысли. Категории времени и пространства, являясь в то же время и концептами, могут выполнять и метаоценочную функцию, т.е. являются категориально-предметной базой создания квалификативно-оценочных высказываний.

Ключевые слова: время, пространство, ценность, оценка, онтогенез, филогенез, метаоценочная функция.

Без преувеличения можно сказать, что оценка является необходимой составной частью жизни человека. Оценки пронизывают жизнь отдельного человека с младенческих лет до самой смерти, они являются своего рода его компасом или, скорее, навигационным комплексом, в плавании по бурному океану окружающей его естественной среды, артефактных предметов и других людей. Как корабль при помощи навигационного оборудования, человек при помощи оценочных суждений способен обходить мели и рифы природной стихии, использовать дары природы и изготовленные в ходе общественного производства вещи для успешного прохождения того жизненного фарватера, который открывается перед ним и изменяется с каждым шагом человека от исходной точки его плавания. И, пожалуй, самое главное назначение оценки состоит в том, что она помогает избегать столкновения, которое могло бы привести к гибели человека как метафоры корабля, с людьми – другими кораблями, совершающими такое же индивидуальное плавание в тех же навигационных условиях.

Статус оценки как философской категории не вызывает сомнения. Объектом философской аксиологии как составной части теории познания является ценность во всех её возможных проявлениях, важнейшим из которых является оценка, реализуемая в подавляющем большинстве случаев языковыми средствами.

Собственно говоря, изучение оценки и началось с рассмотрения её философами древности в качестве одного из фундаментальных свойств человеческого мышления, наряду с такими категориями философских изысканий, как «истина», «мысль», «сущность» и т.п. В дальнейшем проблемы аксиологии выходили за рамки общефилософских исследований, поскольку они не могли дать убедительного однозначного ответа на основной вопрос, касающийся данной категории — что же представляет собой оценка. Стало ясно, что изучение данной проблемы в отрыве от субъекта оценки — человека — неминуемо приведёт к тупиковой ситуации в данной области философской мысли.

В основе оценки как отражения взаимоотношений между мыслящим субъектом и мыслящими или не мыслящими объектами действительности лежит жизнедеятельность субъекта. Этот субъект руководствуется определенными (или зачастую не совсем определенными) мотивами, в связи с этими мотивами ставит перед собой определен-

ные задачи, планирует выполнение деятельности в целом или определенных действий как этапов в пределах более обширной деятельности. В ходе деятельности он сталкивается с различными лицами, существами, предметами, явлениями и т.д., которые можно объединить понятием объекта деятельности. Часть этих объектов субъект может использовать как инструмент (или средство) для выполнения стоящим перед ним в рамках определенной деятельности задач. К другим объектам (лицам) субъект может апеллировать в связи с общей ситуацией коммуникации, где, собственно говоря, и решается основная задача использования языковых и речевых средств. Не исключено, что лицо, упоминаемое в ходе коммуникации, непосредственно в ситуации общения участия не принимает, но по ходу предыдущих этапов жизнедеятельности это лицо известно как адресанту, так и адресату сообщения. Также является возможным присутствие в ситуации общения других лиц, и апелляция субъекта высказывания рассчитана не только на непосредственно адресата сообщения, но и на этих лиц. В лингвистической прагматике все эти факторы давно исследованы и не вызывают каких-либо дополнительных интерпретаций. Именно по той причине, что оценочное сообщение всегда рассчитано на иллокутивный эффект, оценочное значение зачастую идентифицируется как прагматическое значение. Но при этом обращает на себя внимание тот факт, что, какими бы различными ни были условия коммуникации по составу и роли коммуникантов, оценочные средства сохраняются в более или менее одинаковой форме экспликации. Так, словосочетание «хорошая книга» в устах определенного субъекта высказывания будет означать книгу, которую интересно читать субъекту независимо от того, что думают об этой книге другие участники речевого акта. Производя оценочное высказывание, субъект как бы навязывает свои взгляды, убеждения, волю, чувства, симпатии и антипатии аудитории независимо от ее количественного состава. Это показывает, что оценочное значение находится ни в плоскости прагматики и речевых актов, ни в плоскости денотативной номинации, оно находится между ними и тесно связано с каждым из них.

Отмечая природу ценности и её выражения в виде оценки как логикофилософскую, было бы некорректно с философской точки зрения не обратиться к таким важнейшим онтологическим категориям, как время и пространство.

Как известно, время и пространство являются универсальными формами бытия, находящимися вне зависимости от субъекта познания. Тем самым они стоят в ином иерархическом порядке не только над субъектом ценностного и оценочного отношений и оценки, но и над объектами, представленными в мышлении концептами. Следовательно, они детерминируют особенности формирования и функционирования единиц языка и речи независимо от их мыслительно-категориального статуса. Этим и обусловлена их роль в формировании особенностей ценностной и оценочной категоризации [1: 115-116].

На концептоцентристском уровне познания объект сначала получает свой общекатегориальный статус в сетке временных и пространственных координат, а затем с этих же координатных позиций определяются его характеристики, описывающие общие, интегральные параметры категории семейного сходства. В то же время формируются его потенциалы ко взаимодействию с другими предметами, не входящими в данную концептуальную парадигму.

Субъект познания в этом случае находится вне фокуса субъектно-объектного отношения. Но он тоже, независимо от того, в какой форме он ассоциируется во внешнем мире (единичный или коллективный субъект), является обязательным фактором осознания и номинации концепта. В этом случае субъект рассматривается как абстрактная категория языкового социума, номинирующего объекты действительности и познания.

Потенциалы к парадигматическому и синтагматическому осмыслению концептов переводят их на следующий уровень пропозиционального отношения. На этом уровне намечаются потенциалы концептов к образованию семантических тематиче-

ских групп (в зависимости от подхода, их можно описывать в терминах лексикосемантических полей, групп, доменов, синонимико-антонимических рядов), а также потенциалы к синтагматической сочетаемости в модели порождения речи. Именно поэтому транспонированный из химии термин «валентность» как потенциальная возможность присоединять сущности иного онтологического плана представляется весьма удачным. В то же время субъект приобретает более четкие когнитивные очертания и перестает быть данностью фона, приобретая статус фигуры когнитивных операций. Вследствие этого центральный статус двух фигур (субъекта и объекта) обязательно выдвигает в фигуральный план пропозицию как отношение между этими фигурами.

На первый взгляд, сдвиг от реальности в сугубо релятивную сферу должен был бы затушевывать роль времени и пространства как факторов бытия. На самом деле субъект пропозиционального отношения является именно той силой, которая обостряет когнитивные характеристики онтологических категорий. Субъект всегда является либо социумом, либо частью социума, и существует в хронотопическом конгломерате. Даже если объекты имеют внешние характеристики, не привязываемые к определенному времени и пространству (например, облако, ребенок, дерево), то изначальные определители таких концептов остаются если не в ядре, то, по крайней мере, на периферии осознания их в качестве концептов. Например, облако представляется как непостоянная и не стабильная в координатном плане сущность. Ребенок понимается как определенный этап в жизни концепта человек, а дерево – как нечто, имеющее определенный срок своего существования.

Но в данном случае речь шла о концептах общечеловеческого плана. Если взять, например, артефакты, то они осмысливаются как еще теснее связанные с онтологическими параметрами бытия. Мы не берем экстремальные случаи. Но даже если взять концепт какого-нибудь обыденного артефакта (например, ложка), то для разных координатных точек в пределах мирового социума они будут иметь свои особые характеристики (например, европейская металлическая, традиционная русская деревянная, традиционная китайская фаянсовая). Тем самым концепты в ценностном отношении погружаются в особую временную и пространственную координатную сетку культуры. Следовательно, в ценностном отношении такие концепты получают свою культурную специфику бытия. Этим обусловлены и особенности прототипов денотативных концептуальных доменов. Например, прототип концепта автомобиль имеет разные параметры для разных культур. В культуре восточноевропейских стран это автомобиль среднего класса типа «Лады», для североамериканской культуры это комфортабельные гиганты типа «Доджа» и «Форда», для японского социума это экономичная малолитражка. Субъект познавательного отношения в этом случае несколько конкретизуется применительно к координатной сетке культуры, в принципе оставаясь абстрагированным, в то же время являясь основной движущей силой такого познавательного отношения.

На этом уровне концепты отождествляются с культурными ценностями. Очень детально и подробно проблема культурных концептов как познавательных констант в пределах русскоязычного социума получила отражение в фундаментальном труде Ю.С. Степанова [2: 2001].

Однако онтологическое и культурное координирование концептов является недостаточным для полноты их статуса как таковых. Необходима практика пользования этими концептами, и она реализуется на следующем, деятельностном, уровне. На этом уровне субъект конкретизуется и отождествляется с определенным индивидуумом, в то время как объект может соотноситься как с обобщенным классом объектов, так и с единичными в своем роде реальными объектами, категоризуемых на координатной сетке культуры как класс.

Это уровень индивидуального опыта, в котором культурная ценность объекта познается как средство удовлетворения индивидуальных потребностей. Время и пространство при этом сужаются до текущей ситуации и измеряются в известных параметрических сетках, соотносимых с личностью: «Я – здесь – сейчас», «ты – рядом –

недавно», «он – там – давно» [3: 224-229]. На этом уровне происходит и необходимая коррекция соотнесения содержания концепта с формой его выражения в языке, которая в дальнейшем закрепляется в языковом узусе. Как подчеркивают С. Пинкер и А. Принс, «Даже хотя каждое поколение воспроизводит нерегулярности предыдущих поколений с высокой степенью точности, изменения окказионально проникают в систему. Это можно охарактеризовать как своего рода конвергентную эволюцию определенных форм» [4: 243].

Таким образом, факторы времени и пространства как онтологические категории бытия имеют место на всех уровнях предметной категоризации объектов действительности и мысли. Несомненно, эти факторы транспонируются и на аксиологическую сферу познания с учетом специфики концептов данной сферы. Концепт на концептоцентристском уровне в обыденном аксиологическом сознании не обязательно фиксируется как ценность, а понимается как познавательная данность. Тем не менее, они представляют собой ценности при познавательном подходе к концепту. Это выражается в том, что они получают номинации. Если бы они не имели отношения к субъекту, то у этих концептов не было бы не только имен, но и вообще у социума отсутствовало бы понятие о них. В обыденном сознании на пропозициональном уровне они трактуются как ценности, а с когнитивной точки зрения представляют собой ценностные отношения. Переходя на деятельностный уровень, в обыденном сознании они получают статус мыслительной оценки, а при когнитивном подходе они представляются как оценочные отношения. Наконец, уровень актуализированной в речевом общении оценки предполагает их выравнивание в этом статусе.

То, что в обыденном сознании оценка ассоциируется с когнитивным оценочным отношением, можно выразить в следующем примере. На вопрос «Как ты оцениваешь данную ситуацию?» возможен ответ: «У меня сложилось определенное мнение, но я не знаю, как это выразить». Иными словами, слово *оценка* в русском языке многозначно с этих позиций; с одной стороны, это определенное мнение (оценочное отношение), а с другой стороны, это экспликация данного мнения лингвистическими или паралингвистическими средствами (оценка).

Роль времени как неотъемлемого фактора формирования знания была бы освещена неполно без его понимания как когнитивной среды общего процесса формирования знаний. Для этого следует обратиться к понятиям онтогенеза и филогенеза языкового развития. Следует сразу же оговориться, что данное освещение не претендует на исключительную полноту и лишь в общих чертах описывает динамику закрепления и употребления ценностей и оценок в сознании и в коммуникации.

Понимая онтогенез и филогенез человеческого когнитивно-языкового опыта как взаимосвязанные явления, в качестве исходной точки мы берем индивида вне зависимости от степени его знакомства с миром реальности и его умения формировать квалификативные суждения. Предположим, отдельный индивид встречается с явлением, с которым он до сих пор не сталкивался. Можно смело утверждать, что его первичным инстинктом будет не желание отнести данный объект к одной из семантических категорий, а желание «примерить» этот объект для себя, для актуального, или перспективного использования, или потенциала использования (или в случае отрицательного опыта первого знакомства, «неиспользования») предмета при возможном повторном отношении к нему. В результате субъект оценивает предмет, и между ними устанавливается оценочное отношение. Прежде чем отнести объект к категории, субъект формирует ценностное отношение к данному объекту и формирует это отношение в своем когнитивном опыте в виде ценности или антиценности. После этого данная ценность или антиценность закрепляется в сознании как концепт, как компонент денотативной категории. Таким образом, в филогенезе вектор познания сущности предмета и его места во времени и пространстве направлен от уровня личного опыта (в аксиологической парадигме категоризации это уровень оценочного отношения) к уровню отнесения места объекта в объективистской парадигме мышления (уровень ценности).

Как представляется, в предложенной схеме становления ценности в сознании и в языке лежит общий принцип, сформулированный В.А.Звегинцевым: «Деятельность человеческого общения, имеющая своим содержанием объективную действительность в ее глобальной суммарности, хотя и использует язык, "образует" ситуацию первично в речи, оперирующей "смыслами", соотносимыми с вычлененными фрагментами ситуации, и лишь затем в уже препарированно-дискретном виде речь может переадресовать это содержание в распоряжение языка, где оно отлагается в виде лингвистического значения, пополняя золотой фонд человеческих знаний» [5: 189].

Дальнейшее использование концепта субъектом для удовлетворения личных потребностей происходит уже в онтогенетическом разрезе. Субъект сообразует свое представление о сущностных и ценностных свойствах объекта уже с опытом понимания и использования концепта этого предмета социумом. При повторном предъявлении объекта субъект формирует свое мнение об объекте (оценка в мышлении в обыденном сознании, и, соответственно, уровень оценочного отношения в когнитивноаксиологическом научном понимании), проводя его через призму ценностного отношения социума и себя как части этого социума. Тем самым в обыденном мышлении субъект соотносит данный объект как реально существующий в текущей ситуации с его внеситуативной ценностью. Таким образом, в аксиологически ориентированном онтогенезе вектор понимания объекта направлен «сверху вниз», от понимания концепта как общечеловеческой денотативной ценности до его квалификации в оценочном отношении. Можно также утверждать, что оценка создает ценность, а ценность – оценку. Поскольку оценка является формой ценности, а ценность – содержанием оценки, они не существуют друг без друга. В этом отношении мы полностью согласны с Т.Р. Кияком, который утверждает: «Форма, являясь наследием содержания, в определенной мере создает его» [6: 76].

Онтогенетическая стадия личного опыта является обязательным предварительным этапом концептуализации объекта. Как утверждает К. Лоренц, «всякий раз, когда нам удается соотнести какой-нибудь элемент нашего опыта с «субъективным» фактором, а затем исключить его из формируемого нами образа экстрасубъективной реальности, мы оказываемся на шаг ближе к тому, что бытийствует независимо от нашего познания... Мир объектов, материальный мир нашего опыта обретает адекватную форму только после элиминации всего субъективного и случайного» [7: 44].

С временной точки зрения онтогенез и филогенез, как известно, представляют собой проекции индивидуального и общечеловеческого времени. Но они существенно отличаются и в количественном плане. Онтогенетическое познание объекта длится в течение гораздо меньшего срока, нежели когнитивная обработка информации о нем, полученной из непосредственно чувственного опыта. В ходе филогенетического познания вырабатывается своего рода «привычное» коллективное понимание объекта в виде концепта. О роли ценностных категорий ПРИВЫЧНОЕ и НЕОБЫЧНОЕ в формировании ценностных и оценочных отношений будет сказано ниже.

Завершая анализ роли категорий времени и пространства, следует сказать и об их собственно метаоценочной функции. Осознание их в таком категориальном статусе неизбежно ведет к тому, что они объективно присутствуют в имплицитном и эксплицитном виде в предикативном ядре языковых оценочных высказываний. Даже при внешне нейтрально-оценочной актуализации лексем time и space во многих случаях четко ощущается речевая квалификация действительности [8: 2006]. Экспликация времени и места находит отражение в высказываниях типа «Сейчас не время /не место для ...», «Нашел время/место!» и им подобным. Можно привести другие примеры такого наиболее общего оценочного использования концептов ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО.

Так, в частности, ВРЕМЯ может подвергаться различным воздействиям; оно может теряться, его можно иметь в достатке или в дефиците, его может не хватать, им можно быть ограниченным, стеснённым и т.д., в конце-концов, может быть самое время для определённого вида деятельности. Это, кстати, характерно для различных языков, не только для определённой языкового кода:

Флот султана всегда был готов к войне, но армия совсем не готова, и Мустафа III возвратил престол Крым-Гирею; за это хан должен, **не теряя времени на** раздумья, обрушить внезапный и небывало мощный удар на Россию и Польшу... (В. Пикуль. Фаворит).

Корній, чабан правої руки, зсутулений, зморщений, як стручок, хоча літами й не старий, вважає, певне, що **зараз саме час** наскаржитись льотчикові на свого сусіда— полігон (в Корнія це вже стало звичкою— на все на світі скаржитись) (О. Гончар. Тронка).

"You need to hurry home, Sandy. We'll have **plenty of time** to talk later" (Saki. The She-Wolf).

Then, over coffee, she said, abruptly, 'Michael, I think **it's time to** get a divorce. I can't go on hanging in limbo like this for ever' (Shaw. The Top of the Hill).

Если говорить о стилистических потенциалах концепта ВРЕМЯ, то в оценочной ситуации он становится мощным средством экспрессивного описания реального или вымышленного фрагмента действительности, что, вне всякого сомнения, является средством если не прямой, то опосредствованной оценки действительности, как в следующем примере:

Чубенка оточили бійці з гвинтівками в руках, і тут ледве помітний світанок став ширяти над лісом. Це був **час** страшної безбарвності, **час** моторошної сірості, коли закониться день після нічної тиші (Ю.Яновський. Вершники).

Собственно говоря, то же самое можно сказать о ПРОСТРАНСТВЕ. Собственно, говоря, философская категориальная взаимосвязь этих основных измерений действительности диктует и параллелизм речевых структур, в которых эти концепты актуализируются. Как и в случае ВРЕМЕНИ, ПРОСТРАНСТВА (а точнее, МЕСТА) может не хватать или, наоборот, быть в избытке и т.п.:

— Меняет! — заорал Жеглов. — Меняет! Потому что без моего вранья ворюга и рецидивист Кирпич сейчас сидел бы не в камере, а мы дрыхли бы по своим квартирам! Я наврал! Я наврал! Я засунул ему за пазуху кошель! Но я для кого это делаю? Для себя? Для брата? Для свата? Я для всего народа, я для справедливости человеческой работаю! Попускать вору — наполовину соучаствовать ему! И раз Кирпич вор — ему место в тюрьме, а каким способом я его туда загоню, людям безразлично! Им важно только, чтобы вор был в тюрьме, вот что их интересует (А.и Г. Вайнеры. Эра Милосердия).

Возії позлізали з возів і теж стали ходить і вишукувать **місця**, де б зручніше підмостити спину (В.Вінниченко. Біля машини).

'I don't plan to stand there long. Anyway, this is <u>no place</u> for me. The people here look at me as though I'm an animal in the zoo' (I.Shaw. Rich Man, Poor Man).

Как и языковые средства выражения концепта ВРЕМЯ, соответствующие средства выражения концепта ПРОСТРАНСТВО обладают высокими прагматикостилистическими потенциалами. В частности, наше внимание привлёк известный случай актуализации высказывания чужого языка для оценочной характеристики сложившейся ситуации, который, как представляется, обладает высокими экспрессивно-оценочными потенциалами именно за счёт того, что ключевой лексемой для характеристики является соответствующее слово немецкого языка der Raum («пространство»):

- Der Krieg muss **im Raum** verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben, [Войну необходимо перенести в пространство] говорил один.
- Да, **im Raum** verlegen, повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда они проехали. **Im Raum**-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно. Вот оно то, что я тебе говорил, эти господа немцы завтра не выиграют сражение, а только нагадят, сколько их сил будет, потому что в его немецкой голове только рассуждения, не стоящие выеденного яйца, а в сердце

нет того, что одно только и нужно на завтра, – то, что есть в Тимохине. Они всю Европу отдали ему и приехали нас учить – славные учители! – опять взвизгнул его голос (Л.Н. Толстой. Война и мир. Т. 3).

Многочисленными являются также случаи оценочного хронотопа, когда категории времени и места выполняют общие функции наличия или отсутствия объекта действительности или мысли, имеющие оценочную квалификацию такого наличия или отсутствия в силу того, что они являются значимыми, а следовательно, имеющими определённую ценность в данной ситуации речевой актуализации, как, например, в следующем случае:

Но придет ли когда-нибудь пароход? Существует ли он на самом деле? Или это призрак, для которого вовсе **нет никакого места, никакого срока** и который плывет сейчас, может быть, по другой реке и другой туман стоит за его кормой? (Р. Фраерман. Дикая собака Динго).

Естественно, данные примеры не раскрывают всей полноты значения онтологических категорий времени и пространства в формировании аксиологических оценочных категорий и тем самым в формировании аксиологической стороны языковой картины мира. Факторы временно́го и пространственного плана получат дальнейшее рассмотрение в рассмотрении проблем, непосредственно относящихся к исследованию принципиальных основ оценочной категоризации.

В заключение следует заметить, что исследование аксиологического содержания этих категорий получило достаточно весомую разработку в лингвистических исследованиях. В частности, пространственно-параметрические аспекты оценочного содержания получают интересную разработку в работах Н.К. Рябцевой [9: 111], В.Г. Гака [10: 131-132], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [11: 195-200], Е.В. Пупыниной [12: 88-97] и др. Аксиологические характеристики семантической категории времени находят отражение в работах И.М. Богуславского [13: 227-302], М.Г. Лебедько [1] и др.

Таким образом, определение статуса категорий ценности и оценки в общей парадигме мышления имеет важное значение для выработки методологических оснований структурирования этих категорий как важного средства рубрикации опыта квалификации действительности в сознании и применения данного опыта в процессе коммуникации.

Список литературы

- 1. Лебедько, М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер /М.Г.Лебедько. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 240 с.
- 2. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. Проект, 2001. 990 с.
- 3. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотич. пробл. лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1985. 335 с.
- 4. Pinker, S. The Nature of Human Concepts: Evidence from an Unusual Source /S.Pinker and A.Prince // Language, Logic and Concepts: essays in Memory of John Macnamara/ Ed. By R.Jackendoff, P. Bloom and K.Wynn. L.- Cambridge (Mass), 2002. P. 221-261.
 - 5. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике /В.А. Звегинцев. М.: Изд-во МГУ, 1996. 336 с.
- 6. Кияк, Т.Р. Форма і зміст мовного знака /Т.Р. Кияк // Вісник Харківського національного університету ім .В.Н. Каразіна. N° 635. Харків: Константа, 2004. С. 75-78.
- 7. Лоренц, К. По ту сторону зеркала : исследование естественной истории человеческого познания / К. Лоренц // Эволюция. Язык. Познание : сб. / РАН, Ин-т философии. М., 2000. С. 42-69.
- 8. Чекулай, И. В. Время и пространство в формировании категориальных оснований оценки / И. В. Чекулай // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы Междунар. науч. конф., 11-13 апр. 2006 г.: В 2 ч. / БелГУ; под ред. О. Н. Прохоровой, С. А. Моисеевой. Белгород, 2006. Вып. 9. С. 204-209.

- 9. Рябцева, Н. К. Размер и количество в языковой картине мира / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки пространств / РАН, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.,2000. С. 108-116.
- 10. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка : языки пространств / РАН, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 127-134.
- 11. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира: на материале рус. грамматики / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1997. 576 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- 12. Пупынина, Е.В. Механизм формирования концепта «ПРОСТРАНСТВО» синонимичными существительными абстрактной семантики: диссертация...канд.филол.наук.-Белгород, 2004. 172с.
- 13. Богуславский, И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. М.: Школа «Языки рус. культуры»,1996. 464 с.: ил. (Studia Philologica).

THE CATEGORIES OF TIME AND SPACE AS THE REFLECTION OF THE ONTOGENESIS AND PHYLOGENESIS OF VALUE AND VALUE-RELATION

I. V. Chekulai O. N. Prokhorova

Belgorod State University
e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru,
prokhorova@bsu.edu.ru

The article suggests such important categorial grounds for expression values in the form of evaluative speech utterances as the categories of time and space. The genesis of value and evaluative relations is a kind of evolutional process which takes place in time and space where the values are accumulated in the stride of actualization of speech utterances, and in their turn, they give certain material to qualitatively perfection of evaluative means. Thus the temporal and spatial factors as representations of the ontological categories of existence take place in each level of reality-objects' categorization as well the one of thought. The categories of Time and Space being at the same time the concepts, they can perform meta-evaluative function as well, i.e. they make the categorical and object basis of creating qualification and evaluative utterances.

Key words: time, space, value, evaluation, ontogenesis, phylogenesis, meta-evaluative function.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 070.41:811.161.1'42

ПОНИМАНИЕ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

А. А. Махова

Белгородский государственный университет

e-mail: aulova a@bsu.edu.ru В статье рассматривается газетный текст как разновидность медиатекста и как самостоятельный феномен. Понимание текста соотносится с результатами проведенного лингвистического эксперимента.

Ключевые слова: медиатекст, газетный текст, прецедентный текст, понимание, декодирование, лингвистический эксперимент, реципиент.

В настоящее время к традиционному пониманию текста массовая коммуникация добавляет новые параметры: последовательность языковых знаков усложняется за счет соединения вербальной части текста с медийными свойствами того или иного средства массовой информации. Так, в печатных изданиях к вербальной части присоединяются графические и иллюстративные объекты, на радио вербальный компонент получает расширение за счет аудиосредств (голосовая интонация и музыкальное сопровождение), телевидение расширяет границы текста за счет соединения словесной части с видеоизображением и звуковым рядом. Таким образом, в текстах, функционирующих в массовой коммуникации, «вербальные и медийные компоненты текста тесно связаны и могут сочетаться друг с другом на основе самых разных принципов: дополнения, усиления, иллюстрации, выделения, противопоставления и т.д., образуя при этом некую целостность, неразрывное единство, которое и составляет сущности понятия "медиатекст"» [2].

Тексты массовой коммуникации, распространяемые с помощью радио, телевидения, Интернета, кино, отличаются от других видов текстов тем, что «в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются «первичными» [4]. В результате возникает новый вид текста — вторичный текст — со своими законами построения и оформления смысла.

Медиатексты могут систематизироваться с опорой на различные критерии. Так, в классификации Т.Г. Добросклонской они группируются на основании:

- 1) способа производства текста (авторский коллегиальный);
- 2) формы создания (устная письменная);

- 3) формы воспроизведения (устная письменная);
- 4) канала распространения;
- 5) функционально-жанрового типа текста (новости, комментарий, публицистика (features), реклама);
- 6) тематической доминанты или принадлежности к тому или иному устойчивому медиатопику [2].

В качестве объекта наблюдения мы выбрали газетный текст, представляющий разновидность медиатекста. В функционально-стилистическом ракурсе газетный текст принадлежит к публицистическому стилю, который находит применение в общественно-политической литературе, периодической печати, политических выступлениях. Реальное событие, в которое погружается субъект-журналист, становится «медиа-событием» (С.И. Сметанина), результатом воплощения события в языковую форму для трансляции в СМИ становится медиа-текст [6].

Газетная речь, выполняющая основные функции — информирования и воздействия, — предназначена для массовой аудитории и должна адекватно восприниматься всеми читателями. Информационная функция в газетном тексте приводит к стандартизации речевых единиц, а воздействующая — активизирует в тексте экспрессивное начало. Другое важнейшее свойство газетной речи — диалогичность, адресованность рассредоточенной неопределенной дистанционной аудитории, поэтому при создании текста журналист ориентируется на совокупный образ своего читателя и прогнозирует возможные реакции на материал.

Любой текст рассчитан на чье-либо восприятие, на обратную реакцию со стороны воспринимающего. «Так рождается взаимосвязанная триада: автор (производитель текста) — текст (материальное воплощение речемыслительной деятельности) — читатель (интерпретатор)» [1]. Правильность восприятия текста зависит от общего фона знаний, или коммуникативного фона, включающегося в процессы текстообразования и декодирования. Поэтому восприятие текста связано с пресуппозицией, предварительным знанием, предопределяющим адекватное понимание текста. Предварительное знание входит в индивидуальное когнитивное пространство каждого индивида, практически все члены того или иного лингвокультурного сообщества обладают когнитивной базой, определенным образом структурированной совокупностью обязательных знаний и представлений. Наличие общей когнитивной базы для членов тот или иного лингвокультурного сообщества выступает обязательным условием для адекватного понимания медиатекстов, функционирующих в едином межкультурном пространстве.

Выделяют следующие виды фоновых знаний:

- 1) социальные, т.е. те, которые известны всем участникам речевого акта еще до начала сообщения;
- 2) индивидуальные, т.е. те, которые известны только двум участникам диалога до начала их общения:
- 3) коллективные, т.е. известные членам определенного коллектива, связанным с профессией, социальными отношениями [1].

Фоновые знания можно квалифицировать и со стороны их содержания: житейские, донаучные, научные, литературно-художественные и под.

Восприятие текста читателем сопрягается с пониманием. Процесс понимания – это внутренняя переработка текста читателем посредством ассоциаций, возникающих при видении ключевого слова, личного социального опыта, фоновых знаний.

Прецедентные тексты, составляя фонд литературно-художественных знаний, входят в фоновое пространство представителей той или иной культуры.

Задачи нашего исследования требуют определения номинации «прецедентный текст», получивший широкое и вместе с тем неоднозначное освещение в научной литературе. Существует множество терминов, связанных с данным понятием: прецедентные феномены, логоэпистемы, текст в тексте. Прецедентные тексты удерживаются в языке десятилетиями, расширяясь и обогащаясь в каждую новую эпоху.

Термин «прецедентный текст» был предложен Ю.Н. Карауловым, который отнес к их числу тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3]. Таким образом, прецеденты обладают такими важными свойствами, как воспроизводимость, частотность, узнаваемость и реинтерпретируемость. В работах исследователей обращается внимание на тот факт, что использование прецедентных текстов должно отвечать следующим условиям: 1) осознанность адресантом факта отсылки к определенному тексту; 2) знакомство читателя с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; 3) наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста [5]. Таким образом, основной функцией прецедентного текста является «эффект узнавания» читателями.

К числу прецедентных текстов относят широкий круг явлений: художественные и библейские тексты, все виды устной народной словесности (былины, притчи, сказки, анекдоты и под.), публицистические произведения, исторические события и имена мифических и героических личностей и шире — весь мировой фонд культуры и социальный опыт человечества.

И вместе с тем далеко не все, что имеется в сокровищнице культуры и искусства, составляет круг прецедентов. Последние можно назвать хрестоматийными, поскольку говорящие или слушающие знают их, узнают по начальным или ключевым словосочетаниям, соотносят — с разной степенью глубины — с первоисточником. По словам Ю.Н. Караулова, знание прецедентных текстов — это некий показатель принадлежности человека к эпохе и ее культуре, а незнание — «предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [3].

Сфера массовой коммуникации предъявляет особые требования к применению прецедентных текстов. С одной стороны, цитирование - в широком понимании - является неотъемлемой составляющей образного слоя публицистического текста, т.е. обязательным его элементом. С другой стороны, массовая коммуникация, производящая и тиражирующая массовую культуру, ограничена диапазоном цитатности. Известно, что публицистический текст неизбежно упрощает понятийный план и переводит интерпретацию события на популярный уровень, апеллируя к здравому смыслу и обыденному знанию. Читателю должны быть предложены такие текстовые построения, которые воспринимаются в первом прочтении. Поэтому, создавая подтекст, второй план произведения, журналист не может погружаться в глубинные образные смыслы, художественную символику и т.д. Это требования, перенесенные на феномен прецедентности, имеют серьезные последствия: журналист «работает» на уровне популярных, широко известных, легко узнаваемых образах, стереотипах или штампах, относящихся к массовой коммуникации и массовой культуре. И вместе с тем нельзя не отметить, что цитатность современных медиатекстов есть свидетельство того, что литературный пласт национального языка продолжает оказывать влияние на язык газет, где тексты классических произведений расцениваются журналистами как строительный материал для новых текстов. Активным источником для цитирования, как уже отмечалось выше, становится сфера массовой культуры: популярные песни, рекламные слоганы, расхожие фразы новой плеяды сатириков и юмористов.

Цитата из художественного текста не станет прецедентным текстом, если не будет регулярно употребляться в процессе коммуникации. Восприятие и понимание фраз с прецедентными текстами состоится в том случае, если в памяти читателя есть возможность соотнести смысл текста-первоисточника с содержанием газетной статьи и установить их тождество или различие.

Мы провели лингвистический эксперимент, направленный на выявление степени и уровня владения носителями русской культуры прецедентных текстов. В качестве задания реципиентам предлагались цитаты в том виде, в каком они использова-

лись журналистами в качестве заголовков в общероссийских изданиях: «Российская газета», «Новая газета», «Независимая газета», «Литературная газета». Эксперимент проводился в форме анкетирования, в котором участвовали преимущественно студенты факультета журналистики очной и заочной форм обучения (2 и 4 курсы), студенты филологического факультета (2 курс), студенты факультета бизнеса и сервиса (2 курс), а также люди, уже получившие высшее образование (сотрудники музея-диорамы). В эксперименте приняли участие 70 человек от 18 до 63 лет. Вместе с тем ядром испытуемых является молодежная аудитория (90 %), т.е. большинство реципиентов еще не получили высшего образования.

Выбор заголовков в качестве материала исследования не случаен: во-первых, это сильная позиция текста; во-вторых, в современной печати заголовкам отводятся особые функции, в том числе рекламные; в-третьих, номинации, вынесенные в заголовок, могут выполнять роль словесных знаков ситуации, ключевых понятий эпохи и др. Существенно и то, что читатель начинает знакомство с газетой с просмотра заголовков, по которым отбирает для себя интересную информацию. Удачный заголовок может привлечь внимание к малосодержательной статье, а важная информация может остаться незамеченной из-за тусклого названия.

С точки зрения формы для газетных заголовков характерно два способа применения прецедентных текстов: 1) дословное цитирование, при этом само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии; 2) изменение формы цитаты, что, как правило, приводит к изменению смысла первоисточника. В современных заголовках чаще встречаются цитаты в трансформированном виде, и это способствует тому, что создается эффект новизны, приобретается другой смысл прецедента, а читателю предлагается фраза-загадка, нацеленная на узнавание и языковую игру.

Предлагая участникам эксперимента задания, мы исходили из того, что цитатный фонд не должен вызывать затруднений при его декодировании, понимая при этом, что проблема адекватного восприятия прецедентного текста связана не столько с буквальным, линейным его восприятием, но в большей степени с ассоциациями, которые тот должен вызвать.

Заголовки, предложенные реципиентам (49 заголовков), обладают всеми свойствами прецедентов: они знакомы из школьной программы, воспроизводимы, частотны, широко тиражируются печатными изданиями. Охарактеризуем первоисточники, вошедшие в состав заглавий: это фразы из художественных и мультипликационных фильмов (А вас, Штирлиц, прошу остаться; «Как вы яхту назовете...»; Очень приятно, царь; Слюбимыми не расставайтесь; Трое из ларца), а также их названия (Весна на Заречной улице; Небесный тихоход; Деньги в тумане; Здравствуйте, я ваш инспектор); **цитаты из поэтических** (A «ящик» просто закрывался; А судьи кто?; Без слез, без жизни, без любви; Голод названье ему; Гордо реет Буревестник; Да, он не Байрон, он другой; Девушка пела в церковном хоре; Есть женщины в русских судах; Папы разные нужны; Если друг оказался вдруг; Без искры возгорится пламя: Цену на скаку остановит: Как денди лондонский поет: И лошади кровавые в глазах; Я вас любил...; Я памятник себе купил;) и прозаических художественных текстов (В Америке и рукописи горят; «Великие комбинаторы»; Гаврош, вернись домой; Нехорошая квартира; Невеликий инквизитор; Почему люди не летают), реплики из сказок (Ловись, пенсия, большая и маленькая) и строки из песен (Мальчишки и девчонки, а также их родители; Мы едем, едем, едем...; На безымянной высоте; Губит людей... вода); названия произведений (Волки и овцы; И дольше века длится день; На Западном фронте без перемен; Прости, оружие; Прощание с матерым; Похабщина в шагреневой коже); рекламные слоганы (Сколько вешать в тайнах); **крылатые фразы и афоризмы** (В депутате все должно быть красиво; Красота – это звучит больно).

Цель нашего эксперимента – определить: 1) степень подготовленности современных читателей к пониманию культурных текстов, включаемых в газетные публи-

кации; 2) эффективность использования культурных текстов в массовой коммуникации. Анкета включает три блока вопросов: Знакомы ли Вам следующие высказывания? Если Вы считаете, что приведенное ниже высказывание изменено по сравнению с первоисточником, то попытайтесь воспроизвести первоначальный текст. Стали бы Вы читать публикацию, в которой используются подобные заголовки. В ответах учитывалась разная степень глубины узнавания прецедента (указание жанра, автора, названия произведения, имен главных героев и т.д.), точное воспроизведение первоисточника (оригинала).

Анализ первого блока тестирования дал следующие результаты (ответы представлены в порядке убывания).

Чаще всего реципиентами идентифицируются фразы из художественных и мультипликационных фильмов (А вас, Штирлиц, прошу остаться — 92 % правильных ответов; Очень приятно, царь — 89 %; С любимыми не расставайтесь — 74 %; «Как вы яхту назовете...» — 70 %).

Хорошо узнаваемы цитаты из поэтических произведений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.С. Грибоедова, М. Горького, включаемых в школьную программу (Кому на Руси жить... – 93 %; Я вас любил... – 90 %; А судьи кто? – 84 %; Есть женщины в русских судах – 71 %; Гордо реет Буревестник – 60 %; Без слез, без жизни, без любви – 53 %). Правильно идентифицируются строки из популярных песен (Мальчишки и девчонки, а также их родители – 94 %; Мы едем, едем, едем... – 91 %; На безымянной высоте – 90 %).

Не вызывают затруднений у испытуемых названия произведений Л.Н. Толстого «После бала» – 78 %; В. Распутина «Прощание с матерым» – 51 %; А.И. Крылова и А.Н. Островского «Волки и овцы» – более 60 %.

Сохраняют статус прецедентных текстов цитаты из художественных произведений, получивших телеэкранизацию (*«Великие комбинаторы»* – 79 %; *Нехорошая квартира* – 56 %).

Не теряют свойств прецедентности и крылатые фразы, и афоризмы. Так, фраза «В депутате все должно быть красиво» получила при обработке 50 % положительных ответов.

Сложность вызывает глубинная идентификация цитатного фонда произведений, не изучаемых в школе или находящихся на периферии школьной программы. Например, строки из поэтических произведений: Девушка пела в церковном хоре – 44 %; Да, он не Байрон, он другой – 44 %; Голод названье ему – 19%. Фразу из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (Тиха украинская ночь) реципиенты соотносят, как правило, с именем Н.В. Гоголя или (реже) Т. Шевченко.

Молодые люди уже не узнают названий старых кинофильмов (*«Небесный ти-хоход»* – лишь 34 %).

У реципиентов вызвала затруднение идентификация названий зарубежных произведений (*Прости, оружие* – 40 %). Вероятно, это связано с тем, что в школьной программе эти произведения не изучаются, в то время как в университетском курсе еще не изучались. Правда, название романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» идентифицировали более половины испытуемых (52 %).

Наибольшие трудности вызывают трансформированные фразы (*Похабщина в шагреневой коже* – 38 % и др.).

Анализ ответов на следующий вопрос: *Если Вы считаете*, *что приведенное ниже высказывание изменено по сравнению с первоисточником, то попытайтесь воспроизвести первоначальный текст* – вновь подтверждает нашу гипотезу о том, что современная аудитория в значительной степени «подпитывается» массовой культурой. Так, правильно воспроизводились фразы и названия художественных и мультипликационных фильмов («Как вы яхту назовете...» – 30 %; Деньги в тумане – 74 %; Здравствуйте, я ваш инспектор – 84 %); рекламные слоганы (*Сколько вешать в тайнах* – 73 %).

Довольно точно реконструируются испытуемыми литературные высказывания из творчества А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, М.А. Булгакова, И.А. Крылова, фразы из сказок (Я памятник себе купил — 89 %; Как денди лондонский поет — 66 %; Есть женщины в русских судах — 77 %; Цену на скаку остановит — 77 %; В Америке и рукописи горят — 50 %; А «ящик» просто закрывался — 53 %; Ловись, пенсия, большая и маленькая — 89 %).

Сложности вызывает определение первоисточника заголовков, в состав которых входят афоризмы: «В депутате все должно быть красиво» (47 %), «Красота – это звучит больно» (41 %). В когнитивной базе реципиентов данные высказывания сопрягаются с другими расхожими фразами: «Красота – это звучит гордо»; «Красота – страшная сила»; «Красота требует жертв».

Высказывания из других менее известных поэтических произведений М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока и др. оказались малоизвестными для реципиентов, и они не смогли воспроизвести фразу-оригинал (Да, он не Байрон, он другой – 17%; Девушка пела в церковном хоре – 14 %; Без искры возгорится пламя – 29 %; Если друг оказался вдруг – 40 %).

Можно говорить о том, что целый пласт культурных знаний, отсылающий к художественным и поэтическим произведениям (Похабщина в шагреневой коже — 14 %; Прощание с матерым — 50 %; И лошади кровавые в глазах — 19 %; Почему люди не летают — 20 %), уходит из индивидуального когнитивного пространства современного читателя.

Оценка качественного аспекта газетных заголовков осуществлялась по шкале: успешный/интересный/загадочный заголовок и неуспешный/непонятный заголовок.

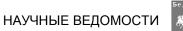
К успешным отнесены более 35 % заголовков (Я памятник себе купил; Ловись, пенсия, большая и маленькая), к интересным – 20 % заголовков (В депутате все должно быть красиво; Здравствуйте, я ваш инспектор), более 10 % заголовков были отнесены к загадочным («Как вы яхту назовете...»). Реципиенты оценили как непонятные 15 % заголовков (Невеликий инквизитор), 20 % заголовков вошли в круг неуспешных (Девушка пела в церковном хоре; И лошади кровавые в глазах).

Анализ ответов на третий вопрос: **Стали бы Вы читать публикацию, в которой используются подобные заголовки** — свидетельствует о том, что более 53 % опрошенных предпочитают публикации с прецедентными текстами, с яркими, броскими, интригующими заголовками. Менее четверти ответов — это та часть реципиентов, которой не нравятся приемы работы с прецедентами. Четвертая часть испытуемых предпочла бы иные варианты газетных заголовков (Я бы придумала другие заголовки; Я бы не стала читать статьи с подобными заголовками, потому что в современных газетах все заголовки пошлые, неинтересные и др.).

Итак, результаты эксперимента привели нас к следующим выводам. Наиболее узнаваемыми для реципиентов оказался фонд массовой культуры и произведения, составляющие ядро школьной программы. Так, хорошо узнаются строки из поэзии А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.А. Некрасова, в то время как непрограммные произведения русских писателей и поэтов идентифицируются с трудом. Цитаты из произведений зарубежных авторов, особенно претерпевшие трансформацию, не декодируются участниками эксперимента. Большинство из них — студенческая молодежь, средний возраст которой 21 год, т.е. люди, не получившие высшего образования. Та часть реципиентов, которая относится к старшей возрастной группе (средний возраст 40 лет), имеет высшее образование и работает в сфере культуры (работники музея), демонстрирует значительно большую подготовленность к декодированию культурных знаний.

Список литературы

- 1. Валгина, Н.С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. М.: Логос, 2004. 280 с.
- 2. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.

- 3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 264 с.
- 4. Рождественский, Ю.В. Общая филология / Ю.В. Рождественский. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 236 с.
- 5. Слышкин, Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: моногр. / Г.Г. Слышкин. М.: Academia, 2000. 128 с.
- 6. Сметанина, С.Н. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.): науч. издание / СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.

COMPREHESION OF THE NEWSPAPER TEXT THROUGH THE LINGUISTIC EXPERIMENT

A. A. Mahova

Belgorod State University
e-mail:
aulova_a@bsu.edu.ru

The article describes newspaper text both as the type of mediatext and the autonomous phenomenon. The comprehension of the text correlates with the results of the linguistic experiment which took place in our work.

Key words: mediatext, newspaper text, precedent text, comprehension, decoding, linguistic experiment, recipient.

УДК 808.1:1

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОНЦЕПТА «ДРУГИЕ» В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В. Ю. Меринов

Белгородский государственный университет

e-mail: merinov@bsu.edu.ru Ф.М. Достоевский трактует культурную ситуацию начала 60-х гг. XIX в. как угрозу несуществования нации. Отстаивание права на свой, национальный способ жизни, рассматривается в его публицистике на фоне моделирования двух противостоящих концептов «свои» (мир своих – русских) и «другие» (мир чужих – европейцев).

Ключевые слова: Достоевский, публицистика, философия, очерк, заметки, концепт, другой, Европа.

Ускоренная модернизация российского общества во второй половине XIX века, динамизация, текучесть жизни создали у многих современников ощущение стремительной нравственной деградации общества, породили страх неизвестности перед будущим, опасение возможной утраты национальной идентичности. Специфичность культурной ситуации сказывалась и в том, что русский человек той эпохи все еще чувствовал себя как бы на историческом перепутье. Тогда многими отечественными мыслителями европейский путь ощущался как пройденный, когда «дальше идти нельзя, да и некуда: нет дороги, она вся пройдена...» [Достоевский 1983 б: 74], считалось, что «... цивилизация (европейская — М.В.) уже прошла у нас весь свой круг...» [Достоевский 1983 б: 90]. Казалось вполне достижимым, пока не еще поздно, исправить свои, не повторять чужие исторические и политические ошибки и смело «...двинуться в новую, широкую, еще не ведомую в истории деятельность...» [Достоевский 1983 б: 98].

Казалось, само время подталкивало интеллектуалов выстраивать принципиально новые модели общества. Этим моделям предстояло стать достойным ответом вызову европейской буржуазной цивилизации и, возможно, примером для подражания другим народам. «Не вражда сословий, победителей и побежденных, как везде в Европе, должна лечь в основание развития будущих начал нашей жизни», писал Ф.М. Достоевский в 1860 году [Достоевский 1983 б: 74]. Мессианская по своим целям задача требовала глубокого философского осмысления и обобщения культурного и политического опыта национальной культуры. Действительно, середина-вторая половина XIX века была отмечена обостренным вниманием отечественных интеллектуалов (философов, писателей, публицистов) К широкому кругу философскокультурологических понятий, охватывающих мир «своих», таких как Россия, русская история, русский народ, народность, почва, соборность, русский мир, русская церковь, православие и других близких к ним. Ф.М. Достоевский не только не остался в стороне, но со второй половины века фактически стал во главе поисков новой, как тогда казалось, адекватной, в целом отражающей реальность модели национальной идентичности, взамен устаревших – западнической и славянофильской. Как справедливо заметил Г. Фридлендер, «... главной темой его размышлений была Россия...», которую писатель «стремился понять в широком контексте исторического развития Европы и всего человечества...» [Фридлендер 1983: 6]. Ф.М. Достоевскому принадлежит большая заслуга в разработке фундаментальных категорий русской национальной мифологии.

Свои идеи великий писатель высказывал и на страницах романов и повестей, и в публицистике. Публицистика Ф.М. Достоевского – важнейшая часть творческого наследия беллетриста. Ей в полной мере присущи черты своего времени, времени переломного для России, поры масштабных перемен в обществе и сознании людей. К числу публицистических, злободневных, ставящих на первый план вопросы националь-

ного и общественного развития, можно отнести не только общепризнанные таковыми «Дневник писателя», «Зимние заметки о летних впечатлениях» и др., но и литературно-критические статьи. Единство и устойчивость идей, мотивов, образов и приемов их построения позволяет относиться и к публицистике и литературной критике Ф.М. Достоевского как к единому тексту. Так, в начале 1860-х гг., в ряде статей («Объявление о подписке на журнал «Время» на 1961 год», «Ряд статей о русской литературе», «Два лагеря теоретиков» и «Зимние заметки о летних впечатлениях») Ф.М. Достоевский теоретически обосновывает новое направление в общественной мысли – почвенничество. С этого времени все свои творческие силы писатель бросает на формирование концепта «мы» в русской интеллигентской культуре.

Между тем, процесс конструирования концепта «мы» неизбежно вел и к уточнению концепта «они» («другие»), важного и даже необходимого понятия для моделирования социокультурных взаимоотношений в мире «своих» [См. Поршнев 1974]. «Они», «другие», непохожие на «нас» являются естественным зеркалом, всматриваясь в которое, выстраивались очертания существующей и будущей культурной конфигурации. Мир «других» в сознании русской интеллектуальной элиты и, в том числе, Ф.М. Достоевского стал неотделим от понятий Европейская цивилизация, европеец. Под пристальным вниманием, как правило, оказывались лидеры, культурообразующие, культурогенерирующие европейские нации: немцы, французы, англичане.

Исследованию «других» и были преимущественно посвящены публицистический цикл «Ряд статей о русской литературе» (1861) и сборник очерков «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1962-1963). Такой проницательный исследователь творчества Ф.М Достоевского как Г.М. Фридлендер определил, возможно, важнейшую для понимания своеобразия публицистики писателя особенность, она состоит в том, что «...мысль писателя развивается не столько по законам отвлеченной логики, сколько по законам искусства» [Фридлендер 1983: 23]. Кроме того, он подчеркивал и «редкую» «философскую масштабность образов и идей...» писателя [Фридлендер 1983: 6]. Эти положения трудно оспорить. Однако, тот же исследователь отмечал и «острую противоречивость», и «недостаточную глубину аналитического проникновения» Достоевского-публициста [Фридлендер 1983: 6]. В определенной степени, двойственность оценок можно объяснить идеологическими расхождениями. По этой причине все то, что совпадало с политическими предпочтениями ученого, например, критика буржуазного образа жизни, потрясало «огромной исторической прозорливостью» [Фридлендер 1983: 19], а то, что не совпадало, например, надежда на мирное разрешение социальных конфликтов в России, - автоматически подпадало под определение «реакционных иллюзий» [Фридлендер 1983: 15]. Тем не менее, вопрос: достаточны ли широко используемые автором методы личного наблюдения, литературных ассоциаций, художественно-публицистической социальной и сатирической типизации, для глубокого философско-аналитического взгляда на исследуемые проблемы, по нашему мнению, остается открытым.

Начнем с уточнения жанровых приоритетов автора. Так, «Заметки...» представляют собой сложное жанровое единство, в котором объединились путевой, проблемный, нравоописательный и философский очерк, элементы фельетона и памфлета. Очевидно, что в данном жанровом сплаве типологические черты путевого очерка отошли на второй план. Вряд ли автор ставил перед собой задачу скрупулезного, детального отображения европейской жизни, создания полнокровного портретного ряда. Иной угол зрения, масштаб осмысления, иные жанровые возможности оказались заключены в самом контрастном названии произведения. Автором подчеркивалась временная и пространственная дистанция между увиденным и описанным, момент осознанного, отнюдь не спонтанного выбора интеллектуальной реакции. Таким образом, задача — анализ европейской культуры, ее перспектив, выдвинула на первый план жанровые черты нравоописательного, проблемного, философского, а, если точнее, историософского или культурологического очерка.

Очерк как художественно-публицистический жанр включает в себя методологию эмоционально-образного, субъективно-личностного постижения действительности. Кроме того, здесь важное значение имеет логико-рациональной сфера, доказательная база. В отличие от художественного произведения, основанного на вымысле и имеющего собственную имманентную тексту логику, публицистика, прежде всего, должна опираться на объективный факт, на самую действительность. И если автор претендует на философскую глубину выводов и широту обобщений, значит к нему, на наш взгляд, должны предъявляться и соответствующие требования, главное среди которых – высокая культура мышления, высокая культура анализа действительности. Она включает в себя строгость, дисциплинированность и последовательность мысли, корректность сравнений и методов сборов информации, точность наблюдений и типизации, обоснованность, верифицируемость. Может быть главным среди требований является определенная осторожность, аккуратность выводов, так как автор имеет дело с весьма болезненной и неисчерпаемой темой – культурой. Автор, по крайней мере, должен стараться относиться к изучаемому объекту, как к самоценному феномену, стремиться создавать ситуацию диалога с «другими», ибо только в «открытом», «диалогическом» общении, для которого характерно «взаимное посвящение партнеров в действительные мотивы их деятельности» [Хараш 1981: 30] раскрываются внутренние глубинные смыслы культуры. В оценочных суждениях автор, на наш взгляд, должен быть максимально корректным, брать в расчет становящийся (незаконченный) характер всякой национальной культуры и большой цивилизации, при оценке сложнейших культурных феноменов учитывать неполноту единственной точки зрения.

Казалось, автор «Заметок...» понимает степень трудности, стоящей перед ним задачи. На первых же страницах текста он открыто заявляет о свей некомпетентности, неопытности и неосведомленности: «... мне то особенно нечего рассказывать, а уж тем более, в порядке записывать, потому что я сам ничего не видал, а сели что и видел, так не успел разглядеть... я, больной человек, страдающий печенью, двое суток скакал по чугунке ... не выспавшись, желтый, усталый, изломанный... почувствовал, что говорю вздор... и я не могу доставить вам самых точных сведений... может быть, очень многое, что я вам напишу теперь, будет с ошибками... праздные мысли... от скуки, от нечего делать... в моих обстоятельствах невозможно не лгать.... пагубная ошибка моя... я убедился, что мое суждение... похоже на самую черную клевету. Язык мой был желтый, злокачественный... виноват перед Берлином... и перед немками провинился... Я поневоле иногда должен говорить неправду...» [Достоевский 1983 а: 146-153]. Даже целая глава названа автором «лишней»: «Глава III и совершенно лишняя». Нетрудно заметить, что столь настойчивое, частое, демонстративное упоминание собственных недостатков носит откровенно иронический характер и имеет абсолютно противоположную цель – утвердить собственную точку зрения как единственно правильную. Ф.М. Достоевский использует прием, известный со времен средневековой литературы, прием авторского самоуничижения. Тогда писатель снабжал свое имя такими оценочными эпитетами, как «худый», «недостойный», «многогрешный». Несмотря на это, как и в средневековой литературе, так и в данном тексте устанавливается монопольная власть авторского понимания рассматриваемой проблемы. Усиление позиции автора связано также и с адресатом сообщения – это круг знакомых писателя, то есть «своих». Отсюда форма обращения «друзья мои», несколько фамильярная, но доверительная интонация и непринужденная манера разговора. Этот стандартный жанровый прием обеспечил автору достижение нескольких целей.

Во-первых, он продолжает линию на показное самоуничижение автора, представляя наблюдателя как наивного, простодушного, «простого» и именно поэтому, открытого человека, отстаивающего свое право на оценку с позиции здравого смысла, право на «собственные, но искренние наблюдения» [Достоевский 1983 а: 150].

Во-вторых, товарищеские неформальные отношения позиционируют точку зрения автора как безупречно нравственную, ведь нельзя же, в самом деле, лгать «своим».

Следующий риторический прием, используемый Достоевским, – прием обманутого ожидания. Он состоит из нескольких эмоциональных планов. Первый: преувеличенное сверхэкспансивное, нарочито восторженное ожидание от Европы «святых чудес»: «За границей я не был ни разу, рвался я туда чуть не с самого первого детства, еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот и, замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф... Господи, сколько я ожидал себе от этого путешествия!... земля обетованная... желая получить новое, чудное, сильное впечатление... признаюсь, я много ожидал от собора; я с благоговением чертил его еще в юности, когда учился архитектуре» [Достоевский 1983 а: 146-148]. Прием может повторяться по ходу развития сюжета: «немедленно ускакал в Париж, надеясь, что французы будут гораздо милее и занимательнее» [Достоевский 1983 а: 149]. Внутри эмоции ожидания разворачивается бескомпромиссное требование «святости», требование подтверждения раннее внедренных в сознание (детское – юношеское – взрослое) представлений, «верований».

Несовпадение с идеальными представлениями порождает второй эмоциональный план — составляющий, собственно, основной пафос произведения: сильнейшее разочарование и следующие за ним «справедливая» обида и даже «праведный» гнев за разрушенные иллюзии, за соблазнение «малых сих». Скоро становиться понятно, что ключевая цель очерков отнюдь не попытка объективно (философически) разобраться в другой культуре, а разоблачение и месть людям, входящим в категорию «другие». Так в восприятии читателя готовится и оправдывается семантический сдвиг от эмоционально нейтрального концепта «другие» (непохожие) к негативно окрашенным «чужим» (чуждые). При этом поиск «чужих» происходит по двум направлениям. Первое, отечественная интеллигентская культура, в которой разоблачаются почитатели и пропагандисты европеизма, носители ложной прельщающей (европоцентричной) картины мира (родители автора, Чаадаев, Белинский и его кружок, другие либералы.). Во втором случае ярость автора направлена на сам источник «чужести», источник вселенской лжи – Западную Европу.

Таким образом, читатель оказывается подготовленным к авторскому изображению мира, которое подчинено логике непримиримого конфликта цивилизаций. Автор не просто конструирует биполярный мир, его дуализм носит манихейский, гностический характер. Между «своими» и «другими» («чужими») непреодолимая пропасть. Хотелось бы отметить, что в художественном мире писателя связка «свой»»чужой» имеет по крайней мере еще одну перспективу, она отражается в духовноэмоциональную сфере отдельной личности и предстает как борьба двух противоположных начал в человеческой природе («сердце»): Добра и Зла.

Под ситуацию встречи с «другим» заложена имплицитная схема. В основе этой схемы – глобальная реакция на западную культуру в целом. Поэтому пространство конфликта разворачивается во всех возможных сферах (на всех уровнях восприятия):

- А) природно-климатической неприятные погодные условия дождь;
- Б) хронотопической время остановившееся, вечная современность, время воровское, темное вечер ночь, место эпицентры лжи Лондон (урбанистический, бесчеловечный, давящий, рабочий квартал грязный, аморальный, преступный царство «Ваала»; Париж комфортабельный, воплощение сатанинского соблазна;
 - В) экзистенциальной пустая буржуазная личность.
- Г) социальной буржуазия как победивший класс, самодовольный и ограниченный, аморальная буржуазная семья, лицемерная западная церковь и т.д.;
 - Д) национальной типичные представители развращенной нации;
- E) культурно-цивилизационной Западный мир как мир вселенского Зла, мир Хаоса, царство Лжи.

При каждой новой встрече с «другим» автор действует по единому алгоритму: внешняя ситуация – определение ситуации как конфликтной (авторский монологразоблачение). Всякий раз работает в общем-то простейший и даже в чем-то наивный

когнитивный сценарий: «мы» (я) (хорошие) – «они» (он) (плохие), у «нас» и у «них» несовместимые позиции, противоположные жизненные цели и видение мира. При этом наблюдатель подает себя как сторону, подвергнувшуюся агрессии, а свои действия трактует как защитную реакцию на бесцеремонное давление.

Рассмотрим подробнее, из каких элементов состоит концепт «другие», сконструированный в социально-экзистенциальной перспективе. Возьмем несколько наиболее показательных параметров: внешний вид, поведение и слово наблюдаемого. Внешний вид зачастую отталкивающий. При его описании широко используется прием детализации, заостренности внимания на «говорящей детали»: «Слева сидел чистый, кровный англичанин, рыжий, с английским пробором на голове...» [Достоевский 1983 а: 150]. Часто это суровый, неприступный, не располагающий к коммуникации человек. Так, англичанин – скрытный, себе на уме, неоткровенный, молчащий: «и усиленно серьезный. Он во всю дорогу не сказал ни с кем из нас ни одного самого маленького словечка, ни на каком языке, днем читал, не отрываясь, какую-то книжку той мельчайшей английской печати, которую только могут переносить англичане да еще похваливать за удобство...» [Достоевский 1983 а: 150]. В образе акцентируются (преобладают) и преувеличиваются отрицательные черты: педантизм, схематизм действий: «...как только стало десять часов вечера, немедленно снял свои сапоги и надел туфли» [Достоевский 1983 а: 150]. В целом, герой подается как существо внутренне ограниченное, машиноподобное. Мрачный характер не оставляет англичан даже «...и среди веселья: они и танцуют серьезно, даже угрюмо, чуть не выделывая па и как будто по обязанности» [Достоевский 1983 а: 155].

Кажется, автор много внимания уделяет внутреннему миру своего собеседника, его мыслям и чувствам. На чем же основаны выводы наблюдателя, какие способы исследования действительности применяет он для своих умозаключений? Из текста становится очевидным, что главным методом, используемым автором, является не беседа, не разговор «по душам», а интроспективная реконструкция. Автор без тени сомнения вкладывает в уста незнакомого человека собственную мысль-чувство, содержание которой основано исключительно на внешнем восприятии, мимолетной встрече в вагоне поезда, на улице («мне показалось», «подумал я», «его глаза чуть не проговаривали», «кажется» и т.д.): «Я не знаю, но мне показалось, что немец куражится... Мост, конечно, превосходный, и город справедливо гордится им, мне показалось, что уж слишком гордится... По крайней мере, его глаза чуть не проговаривали» [Достоевский 1983 а: 149]. Случайно встреченный за рубежом русский воспринимается как «другой» – конформист, предатель «кажется совершенно потерявший понятие тоски по родине» [Достоевский 1983 а: 154]. Реконструированный таким образом псевдодиалог или внутренний монолог «другого» носят откровенно агрессивный, пренебрежительный характер, к тому же зачастую имеют антирусскую направленность: «Ты видишь наш мост, жалкий русский, - ну так ты червь» [Достоевский 1983 а: 149]. Слово «другого» провокационное, лживое, наивно саморазоблачительное. Автор уверен в его готовности применить даже физическое насилие в отношении несогласных: «...прибьет даже вас, если вы усомнитесь в том, что так и следует быть, прибьет, потому что до сих пор все что-то побаивается, несмотря на свою самоуверенность» [Достоевский 1983 а: 174].

Важной чертой публицистики Ф.М. Достоевского является широкое использование приема социальной и национальной типизации. На чем же основывается эта «смелость» и «глубина» обобщений? Все на том же внешнем, беглом восприятии. Среди наблюдаемых социальных групп особой нелюбовью Ф.М. Достоевского пользуются англиканские священники и епископы, которые, как утверждает автор, все как один: «...горды и богаты, живут в богатых приходах и жиреют в совершенном спокойствии совести. Они большие педанты, очень образованы и сами важно и серьезно верят в свое тупонравственное достоинство, в свое право читать спокойную и самоуверенную мораль, жиреть и жить тут для богатых. Это религия богатых и уж без маски... У этих убежденных до отупения профессоров религии есть одна своего рода забава: это

миссионерство. Исходят всю землю, зайдут в глубь Африки, чтоб обратить одного дикого, и забывают миллион диких в Лондоне за то, что у тех нечем платить им». [Достоевский 1983 а: 179]. Досталось и английским поэтам, которые: «... испокон веку любят воспевать красоту пасторских жилищ в провинции, осененных столетними дубами и вязами, их добродетельных жен и идеально прекрасных, белокурых дочерей с голубыми глазами». [Достоевский 1983 а: 179]. Не обощел вниманием автор и богатых англичан «...все тамошние золотые тельцы чрезвычайно религиозны, мрачно, угрюмо и своеобразно» [Достоевский 1983 а: 180].

Французский военный для Ф.М. Достоевского – средоточие гордыни и тупого самодовольства: «Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или в военном офицере, или в военном инженере, или что-нибудь в этом роде, только чаще всего в военном и непременно с ленточкой Почетного легиона, «купленной своею кровью».... У него всего дороже на свете его крест, купленный кровью... Кстати, эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что с ним нельзя почти встретиться, нельзя с ним ни ехать в вагоне, ни сидеть в театре, ни встречаться в ресторане. Он только что не плюет на вас, он куражится над вами бесстыдно, он пыхтит, задыхается от куражу, так что вас, наконец, начинает тошнить, у вас разливается желчь, и вы принуждены посылать за доктором. Но французы это очень любят» [Достоевский 1983 а: 181].

Французский буржуа всегда: «...ужасно чего-то трусит...» [Достоевский 1983 а: 182]. Профессиональная деятельность рядового буржуа (т.е. горожанина), часто самоотверженный труд, усилия по организации производства, своего дела, особая буржуазная (протестантская) этика, основанная на самоограничении, не берутся автором в расчет. Буржуа приписываются исключительно эгоистические и антисоциальные мотивы. Так, «...буржуа, например, в Париже, сознательно почти очень доволен и уверен...»...[Достоевский 1983 а: 174]. А типичный парижанин «...ужасно любит торговать, но, кажется, и торгуя и облупливая вас, как липку, в своем магазине, он облупливает не просто для барышей, как бывало прежде, а из добродетели, из какой-то священнейшей необходимости. Накопить фортуну и иметь как можно больше вещей – это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имеет какой-то, так сказать, священнейший вид». [Достоевский 1983 а: 175].

Обращает на себя внимание выбор типичных ситуаций, взятых для глубоких философских обобщений. Наблюдателю представляется достаточными случаи, когда исследуемый объект социальной типизации рассматривается исключительно в такой специфической сфере как развлечение. Причем пространство беззаботного времяпрепровождения «другого» распространяется в сознании наблюдателя практически на всю культуру. Это происходит, в том числе, и за счет традиционно «серьезных» областей человеческой деятельности. В развлекательное пространство равно входят отдых на природе и посещение театра, выставки, семейные отношения и политика. Везде и всюду англичании и француз сохраняют свою социо-культурную аутентичность, как ее понимает Ф.М. Достоевский. Понимание поведения «другого» основано на все том же приеме интроспективной реконструкции. Так, английских туристов и туристок, к примеру, отличает «...самодовольное и совершенно машинальное любопытство смотрящих более в свой гид, чем на редкости, ничего не ожидающих, ни нового, ни удивительного...» [Достоевский 1983 а: 153]. Все они только тем и заняты, что проверяют «... так ли в гиде означено и сколько именно футов или фунтов в предмете?» [Достоевский 1983 а: 153].

Всего несколько «потребностей», полагает автор, охватывает культурнодосуговую сферу интересов всех парижских буржуа. Наипервейшая потребность парижанина – убежден Ф.М. Достоевский – «видеть море». «Для чего ему видеть море?» задается вопросом автор и сам же на него отвечает: «...он и сам не знает, но он желает усиленно, чувствительно, откладывает поездку с году на год, потому что обыкновенно задерживают дела, тоскует, и жена искренно разделяет тоску его. ... Наконец ему удается улучить время и средства; он собирается и на несколько дней едет «видеть море».

Возвратясь, он рассказывает напыщенно и с восторгом о своих впечатлениях жене, родне, приятелям и сладко вспоминает всю жизнь о том, что он видел море» [Достоевский 1983 а: 192].

«Другая законная и не менее сильная потребность буржуа, и особенно парижского буржуа...», — это выезд на отдых за город. «Дело в том, что парижанин, выехав за город, чрезвычайно любит и даже за долг почитает поваляться в траве, исполняет это даже с достоинством, чувствуя, что соединяется при этом avec la nature, и особенно любит, если на него кто-нибудь в это время смотрит. Вообще парижанин за городом считает немедленною своею обязанностью стать тотчас же развязнее, игривее, даже молодцеватее, одним словом, смотреть более естественным, более близким к la nature человеком» [Достоевский 1983 а: 192].

И индивидуальный, и социальный портреты являют собой сколки обобщенного, национального образа, типичного англичанина, немца, француза. Праздность и банальный разврат становятся не только сущностью парижанина, а ни больше, ни меньше, основой современной Ф.М. Достоевскому культуры Франции. Хотя иной раз кажется, что строгий исследователь нравов Запада отступает от своих принципов и подмечает привлекательные черты: «Все французы имеют удивительно благородный вид.... такая внушительная осанка, что на вас даже нападает недоумение... Потребность добродетели в Париже неугасима. Теперь француз серьезен, солиден и даже часто умиляется сердцем...» [Достоевский 1983 а: 182.]. Однако совсем скоро читателю становится понятно, что это лишь ширма. За ней, по мнению автора, скрывается эмоционально-интеллектуальная пустота «подлого французика», «...который за четвертак продаст вам родного отца, да еще сам, без спросу, прибавит вам что-нибудь в придачу, в то же время, даже в ту самую минуту, как он вам продает своего отца...[Достоевский 1983 а: 183].

Важным приемом создания концепта «другой», является использование литературных ассоциаций, цитат. Обращает на себя внимание невероятно большое количество цитируемого литературного текста, им заполнены целые страницы произведения. Автор настойчиво воспроизводит отрывки из сатирических произведений А.С. Грибоедова, Д.И. Фонвизина, Н.А. Некрасова, Н.В. Гоголя. Цитаты и целые литературные сюжеты образуют весьма комфортабельную для литературоцентричного сознания русской интеллигенции XIX века семантическую сетку, организующую облегченное читательское восприятие, быструю и нужную реакцию на «своего» и «другого». Так автор пишет о бывших наших перебежавших во враждебный лагерь. «Другие» – сбежавшие на Запад «Чацкие», стоящие там «с тупым ожиданием» чего-то у Сикстинской мадонны [Достоевский 1983 а: 167], это целое «поколение Чацких». Зато оставшиеся «наши» – это добрые патриархальные гвоздиловы, бригадирши, скалозубы, фамусовы.

Осмысливая типичные семейные отношения, автор делает категорическое заключение о моральной нечистоплотности и двуличии французской буржуазии. На каком основании? Для анализа семьи, такой сложной многоуровневая системы человеческих взаимоотношений, обусловленной социальными, культурными традициями, Ф.М. Достоевский использует плоские ролевые эмблемы, более подходящие под жанровое определение – анекдот, – муж (ироническое прозвище «бри-бри») – жена («мабишь») – любовник (приказчик Гюстав). Живые люди, по мнению писателя, ведут себя в полном соответствии с героями пошлого романа Поль де Кока «Муж, жена и любовник». По законам жанра им отказано в сложности, противоречивости и динамике внутренней жизни. Их образ овнешнен, поведение театрально, лживо: «Мабишь манерна, выломана, вся неестественна... Лицо подвижно игриво и обладает тайною подделки под чувства, под натуру в высшей степени... Для парижанина большею частью все равно, что настоящая любовь, что хорошая подделка под любовь...» [Достоевский 1983 а: 203]. Их эмоциональный мир предельно редуцирован «умишки и сердишки и них птичьи...» [Достоевский 1983 а: 203].

Безусловно, метод литературной сатирической типизации, когда в персонаже карикатурно выпячивается и высмеивается какая-нибудь одна или несколько психологических или социальных черт, вполне приемлем для сатирических жанров художественной литературы, политической публицистики (фельетона, памфлета). Однако, уместно ли его столь широкое применение в текстах, претендующих на многостороннее рассмотрение основ иной культуры и человека этой культуры, к каковым исследователи единодушно относят «Зимние впечатления...» и другую публицистику Ф.М. Достоевского? Использование данного приема, как правило, чревато поверхностностью выводов, умалением человеческого в человеке, сведением всей его сложности к простой и понятной цитате, единственной черте. Так живая жизнь подменяется готовыми, удобными литературными образами, узнаваемой, яркой, но плоской сатирической маской.

Такой же упрощающий подход использует автор и для более обобщенных выводов. Линия индивидуальное (отдельный англичанин, француз) — социальное (типичный парижанин, священник, буржуа и т.д.) — национальное (типичный англичанин, француз, немец), вполне закономерно заканчивается выходом на цивилизационный уровень — Западный мир. Последний, по мнению публициста, имеет два лица, мнимое: «Сити с своими миллионами и всемирной торговлей, кристальный дворец, всемирная выставка... Да, выставка поразительна...», и подлинное — хищническое, это мир геенны огненной, сатанинской преисподни. Здесь «... отравленная Темза... воздух, пропитанный каменным углем ... страшные углы города, с ... полуголым, диким и голодным населением» [Достоевский 1983 а: 175]. Это мир исключительно внешнего «стадного» единства, основанного только на репрессии, на давлении «страшной силы», которая «...соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в едино стадо... не это ли уж и в самом деле, «едино стадо» [Достоевский 1983 а: 175].

Запад — это мир победившего Хаоса, мир вселенского раздора и нелюбви к ближнему своему: «Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности... Эти миллионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме, в которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть в какие-нибудь ворота и ищут выхода, чтоб не задохнуться в темном подвале. Тут последняя, отчаянная попытка сбиться в свою кучу, в свою массу и отделиться от всего, хотя бы даже от образа человеческого, только бы быть по-своему, только бы не быть вместе с нами...» [Достоевский 1983 а: 175].

Дух раздора и соперничества источается западным человеком и за собственные национальные пределы: «...англичанин до сих пор не может понять никакой разумности во французе, и, обратно, француз в англичанине, и это не только у них сборное мнение, инстинктивное чувство всей нации, но замечается даже в первых людях, в предводителях обеих наций. Англичанин смеется над своим соседом при всяком случае и с непримиримой ненавистью глядит на национальные его особенности. Соперничество лишает их, наконец, беспристрастия. Они перестают понимать друг друга; они раздельно смотрят на жизнь, раздельно веруют и поставляют это себе за величайшую честь. Они всё упорнее и упорнее отделяются друг от друга своими правилами, нравственностью, взглядом на весь божий мир» [Достоевский 1983 а: 180].

В целом моделируется картина древнего дохристианского мира: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» [Достоевский 1983 а: 175].

Таким образом, у «других» напрочь отсутствуют такие естественные для всего остального, неевропейского человечества чувства и эмоциональные состояния как печаль, вина, растерянность, стыд, негодование, гнев. Их жизнь бездумна, поведение

стандартное, нетворческое, надежды пошлы «И какое ко всему равнодушие, какие мимолетные, пустые интересы» [Достоевский 1983 а: 193]. Перед читателем возникает человек без переживаний – сытый, самодовольный, неглубокий. Он нравственно глух. «Другому» свойственны лишь «усталость, досада, грубые инстинкты, бесцельность существования, цинический разговор» [Достоевский 1983 а: 203]. Итог — очевидная возможность создания каннибалистской цивилизации.»...упорная, глухая, застарелая борьба, борьба на смерть всеобщезападного личного начала с необходимостью какнибудь ужиться вместе...не поедая друг друга — не то обращение в антропофаги [Достоевский 1983 а: 174].

Цивилизационный образ «другого» лишен не только психологической и нравственной глубин, но и исторической и культурной перспектив. При взгляде в будущее «других» охватывает «отчаяние», великое религиозное прошлое забыто. В Лондоне «замечается то же, что и в Париже: такое же отчаянное стремление остановиться на status quo, вырвать с мясом из себя все желания и надежды, проклясть свое будущее, в которое не хватает веры, может быть, у самих предводителей прогресса, и поклониться Ваалу» [Достоевский 1983 а: 174].

Мир Запада лишен развития: «этот кажущийся беспорядок, который, в сущности, есть буржуазный порядок в высочайшей степени ...Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? ... Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара, — людей, пришедших с одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось... вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. ... Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут?» [Достоевский 1983 а: 175].

Порой автор использует прием некорректного сравнения, когда с обеих сторон берутся заведомо несопоставимые фигуры. Так, «других», как правило, представляет Голиаф западного мира – среднестатистический буржуа, пропущенный к тому же через негативное восприятие автора. Чудовищу противостоит «наш» скромный Давид, обычный национальный гений, например, – Пушкин, к коему отношение автора восторженное. Понятно, что в этом случае, одна из сторон заранее обречена на полный провал. Ведь любая культура многослойна, в ней есть элита (политическая, культурная, военная и т.д.), есть срединное звено, а есть социальный и культурный низ. Всетаки более справедливыми, обоснованными представляются нам сравнения по межкультурной горизонтали (верх – верх, средина – средина и т.д.), а не по диагонали (верх – средина, верх – низ).

Зададимся вопросом: может быть, Ф.М. Достоевский специально не задумывался над методами рефлексии чужой культуры? Нет, обдумывал этот вопрос и не раз. Так, в своей работе «Ряд статей о русской литературе» Ф.М. Достоевский обстоятельно рассматривает фигуру «пытливого соседа», т.е. иностранца, путешествующего по России и пишущего путевые заметки. Здесь же он замечает, что «...заезжими виконтами, баронами и преимущественно маркизами ...употреблены ... довольно большие усилия для узнания нас и нашего быта; были собраны материалы, цифры, факты; производились исследования... некоторые из этих книг написаны людьми, бесспорно, замечательно умными ... Есть из них чрезвычайно добрые; такие почти всегда начинают специально учиться по-русски, очень полюбят русский язык и русскую литературу...» [Достоевский 1983 в: 81-83]. Отмечает, что некоторые страницы написаны «...серьезно, дельно, умно, даже остроумно...». Подчеркивает, что «факты верны и новы; глубокий взгляд брошен на иные явления, взгляд оригинальный и меткий именно потому, что иные русские явления удобнее наблюдать не русскому, а со стороны...» [Достоевский 1983 в: 83].

Однако затем Ф.М. Достоевский, вполне справедливо, перечисляет очевидные авторские нелепости, следствия неглубокого знания русской культуры: «Знают, что народ наш довольно смышленый, но не имеет гения; очень красив, живет в деревян-

ных избах, но неспособен к высшему развитию по причине морозов. Знают, что в России есть армия, и даже очень большая; но полагают, что русский солдат — совершенная механика, сделан из дерева, ходит на пружинах, не мыслит и не чувствует и потому довольно стоек в сражениях, но не имеет никакой самостоятельности и во всех отношениях уступает французу... Знают, что в России был император Петр, которого называют Великим, — монарх не без способностей, но полуобразованный и увлекавшийся своими страстями; что женевец Лефорт воспитал его, сделал его из варвара умным... откуда-то взяли, что мы фанатики, то есть что нашего солдата возбуждают фанатизмом...Севастополь русские защищали из религиозного фанатизма... Вы задали себе, что у нас только два сословия: les boyards и les serfs... Кстати уж обратит внимание и на русскую литературу: поговорит о Пушкине и снисходительно заметит, что это был поэт не без дарований, вполне национальный и с успехом подражавший Андрею Шенье и мадам Дезульер; похвалит Ломоносова, с некоторым уважением будет говорить о Державине, заметит, что он был баснописец не без дарованья, подражавший Лафонтену, и с особенным сочувствием скажет несколько слов о Крылове, молодом писателе, похищенном преждевременною смертию (следует биография) и с успехом подражавшем в своих романах Александру Дюма» [Достоевский 1983 в: 81-99].

Великий русский писатель сетует на то, что подобные книги разошлись по Европе в десятках тысяч экземпляров, что с некоторого времени «нелепости» овладели умами западного общества: «... их мнение было высказано не один раз и не кемнибудь; оно выговаривалось всем Западом, во всех формах и видах, и хладнокровно и с ненавистью, и крикунами и людьми прозорливыми, и подлецами и людьми высоко честными, и в прозе и в стихах, и в романах и в истории, и в premier-Paris* и с ораторских трибун». В итоге автору пришлось констатировать, что «...характер русского, может быть, даже еще слабее обрисован в сознании европейца, чем характер китайца или японца» и что «даже Луна теперь исследована гораздо подробнее, чем Россия [Достоевский 1983 в: 81].

В чем же причины неадекватной оценки такой большой и самобытной культуры как русская? Причина в самих путешественниках, у которых существует изначально необъективный взгляд на предмет исследования. Им мешает поверхностность и верхоглядство, безаппеляционность выводов, чувство национального превосходства. «Какое-то больное чувство недоверчивости, – пишет Ф.М. Достоевский, – какая-то боязнь примириться с тем, что он видит резко на себя не похожего, совершенная неспособность догадаться, что русский не может обратиться совершенно в немца и что потому нельзя всего мерить на свой аршин, и, наконец, явное или тайное, но во всяком случае беспредельное высокомерие перед русскими, — вот характеристика почти всякого немецкого человека во взгляде на Россию». [Достоевский 1983 в: 82]. Отсюда авторская ирония, сатирическое изображение российских реалий. При этом сам Ф.М. Достоевский совсем не одобряет прием сатирической типизации столь популярный у авторов «путешествий», если он направлен в сторону русской культуры: «...мы вовсе не шутим, вовсе не преувеличиваем. Между тем мы сами чувствуем, что слова наши как будто отзываются пародией, карикатурой. Правда ведь и то, что нет такого предмета на земле, на который бы нельзя было посмотреть с комической точка зрения. Всё можно осмеять, скажут нам...» [Достоевский 1983 в: 85].

От этой предзаданной стереотипами пристрастности даже «...самое серьезное мнение о нас иностранцев» страдает все теми же недостатками: упрощением и уплощением культуры. Достоевский уверен, что в оценке русской цивилизации, ее перспектив беглого осмотра бескрайних пространств мало. Мало «даже пятнадцать и двадцать лет» жизни в России, если взгляд этот направлен на детали, слишком аналитичен. В итоге, по мнению Ф.М. Достоевского, общие результаты, дающие целостное представление о стране, оказываются слишком тенденциозными. По мнению писателя, для исследования таких сложных систем как культура, необходим не аналитический (придирчивый, дробный, мелочный) или сатирический подходы, а совсем иной

фокус рассмотрения такого феномена как Россия, подход, при анализе частностей непременно учитывающий глубинное, «коренное» «... без чего никакие познания о России, никакие факты, приобретенные трудом самым добросовестным, не дадут никакого о ней понятия или дадут самое сбивчивое, чтоб не сказать бестолковое...» [Достоевский 1983 в: 81]. Необходимо «... бросить высший взгляд на Россию и усвоить ее главную идею...». К сожалению, авторы остроумных книг попросту не желают «проникнуться идеей», понять «идеалы», «цели и характер стремлений» нации [Достоевский 1983 в: 98]. Да стоит ли в принципе ожидать понимания и объективности в данном вопросе от иноземца, ожидать «... что-нибудь основательное, путное, дельное собственно о русском человеке, что-нибудь синтетически верное...» [Достоевский 1983 в: 81]? Вряд ли, ведь все «...усилия всегда разбивались о какую-то роковую, как будто кем-то и для чего-то предназначенную невозможность» [Достоевский 1983 в: 81]. Ф.М. Достоевский абсолютно уверен «...в полнейшей неспособности почти всякого иностранца, которого обстоятельства заставляют жить в России иногда даже пятнадцать и двадцать лет, хоть сколько-нибудь оглядеться, прижиться в России, понять хоть что-нибудь окончательное, выжить хоть какую-нибудь идею, подходящую к истине» [Достоевский 1983 в: 82]. Что рано или поздно «... наш ученый становится в тупик, обрывается, теряет нитку и заключает такою нелепостью, что книга сама вырывается из рук ваших и падает, иногда даже под стол» [Достоевский 1983 в: 82-83].

Напомним, что эти подлинно глубокие мысли были высказаны автором за два года до «Зимних заметок...» в статьях о русской литературе. Остается загадкой, почему эти критерии оказались неприложимы к анализу европейской цивилизации? Более того, из чтения позднейших работ Ф.М. Достоевского создается впечатление, что именно иностранцы послужили великому писателю образцом для подражания.

Подведем некоторые итоги. Итак, мы можем сказать, что Ф.М. Достоевский трактует культурную ситуацию начала 60-х гг. XIX в. как угрозу несуществования нации, поэтому для его публицистики характерны повышенная тревожность, эмоциональность, призыв к консолидации общества перед невиданной опасностью. Отстаивание права на свой, национальный способ существования, рассматривается писателем на фоне моделирования двух противостоящих концептов «свои» (мир своих – русских) и «другие» (мир чужих – европейцев). Модель включала многие аспекты: пространственный, нравственный, интеллектуальный, культурный, повседневный и др. И по всем параметрам миры «своих» и «чужих» не просто не совпадали, а противостояли друг другу.

К сожалению, мы можем констатировать весьма слабые попытки автора понастоящему глубоко разобраться в чужой культуре, порой отсутствие такта, деликатности, элементарной вежливости. В жанровом плане мы можем сказать, что очерковое начало в «Заметках...» было подавлено началом памфлетно-фельетонным. Живой интерес к разнообразным явлениям чужой культуры оказался подменен пропагандой собственных взглядов, броской фразой (к примеру, «рассудка француз не имеет...»), литературной цитатой. На основании вышеизложенного можно сделать определенный вывод: мы полагаем, что и «Заметки...» и литературные статьи можно считать попыткой (заметим, довольно успешной) заменить одни стереотипы, лояльные, конструктивные, существовавшие в лагере западников, другими, нелояльными и деструктивными.

Список литературы

- 1. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Искания и размышления/Сост. Г.М. Фридлендер. М., 1983. С. 146-211.
- 2. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Достоевский Ф.М. Искания и размышления/Сост. Г.М. Фридлендер. М., 1983. С. 73-80.
- 3. Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Искания и размышления/Сост. Г.М. Фридлендер. М., 1983. С. 80-116.

- 4. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974.
- 5. Фридлендер Г.М. Сердце его принадлежало России... // Достоевский Ф.М. Искания и размышления / Сост. Г.М. Фридлендер. М., 1983. С. 5-43.
- 6. Хараш А.У. Восприятие человека как воздействие на его поведение (к разработке интерсубъективного подхода в исследованиях познания людьми друг друга) // Психология межличностного познания / Под ред. Бодалева А.А. М., 1981, С. 25-42.

RECEPTIONS OF THE CONCEPT «OTHERS» IN PHILOSOPHICAL PUBLICISM OF F.M. DOSTOEVSKY

V. J. Merinov

Belgorod State University e-mail: merinov@bsu.edu.ru F.M. Dostoevsky treated a cultural situation of the beginning of 1860th as the threat to the existence of the nation. Fighting for the right to thenational way of life is considered by the writer in the context of two resisting concepts of «ours» (the world of Russians) and «others» (the world – Europeans as strangers).

Key words: Dostoevsky, publicism, philosophy, sketch, notes, concept, Other, Europe.

УДК 811(075.8)

КОНЦЕПТ "РОССИЯ" В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА "РОДИНА" ЗА 1999—2009 ГГ.)

А.В. Полонский Е.С. Абрамова

Белгородский государственный университет

e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru Elena170217@yandex.ru В статье на материале журнала «Родина» (1999—2009 гг.) реконструируется признаковое поле концепта «Россия» — одного из самых важных и динамичных в современной языковой картине мира.

Ключевые слова: Россия, медийный дискурс, концепт, вербализация, профиль, когнитивный признак, семантикокогнитивный подход.

Радикальные преобразования во всех сферах российского общества, его напряженные духовно-нравственные и идейные поиски последнего десятилетия не могли не сказаться и на характере публичного диалога, обслуживаемого масс-медиа. Мировоззренческое и стилистическое раскрепощение автора, его культурная и идеологическая рефлексия, мотивирующая выработку социально-политических целей и стратегий, качественно изменили условия функционирования средств массовой информации, которые стали не только важнейшим средством воспроизводства общественного сознания, но и приняли на себя новую для них функцию – аксиологического и стилистического ориентира, определяющего во многом духовнонравственный облик общества [9, с. 152]. Процесс идеологического и ценностного демонстрируемый современными российскими преобразования, отразился на характере осмысления и репрезентации человеком своего социального пространства. «Потоки массовой информации, - как пишет В.Д. Мансурова, породили культурную среду принципиально нового типа» [8, с. 4]. Эта среда, ее ценностно-нормативная структура, мотивирующая способ социальной адаптации, нуждается в своем осмыслении, поскольку в ней проявляются особенности современного общества, особенности современного человека и самобытный характер его концептуализации мира.

Объектом настоящего исследования является медийный дискурс как фрагмент «культурной среды», фрагмент общественного сознания и коммуникации, представленный современными российскими масс-медиа. Под медийным дискурсом в данном случае понимается процесс воспроизводства и объективации в масс-медиа социально доминантных принципов восприятия и интерпретации формулируемых смыслов, а также социально-регулятивный механизм, направляющий общественное сознание посредством создания и тиражирования в масс-медиа социально значимых смыслов и оценок [10, с. 20].

В качестве предмета исследования выступает концепт «Россия», репрезентированный на страницах журнала «Родина» – российского исторического журнала, нацеленного на осознание культурных особенностей и духовнонравственных ценностей российского общества, а также его роли и места в истории человеческой цивилизации.

В поле нашего зрения были разножанровые публикации в журнале «Родина» с 1999 года по настоящее время, то есть того периода, который исследователи обычно рассматривают как самостоятельный в мировоззренческом и идейно-политическом отношении, как период «российской модернизации» и «транзита в демократию» [5],

выработки общенациональных приоритетов и общенациональной идеи на основе методологии социального реализма (т.н. «методологии перезагрузки»), то есть здравой рассудительности и трезвого осознания многообразных противоречий социальной реальности, в которой зачастую сталкиваются разнонаправленные духовные и политические процессы (интеграции и дезинтеграции, преемственности и разрыва, традиции и инновации, укрепления и разрушения), в которой «гимны» родному слову далеко не всегда складываются из совпадающих в своей идейной и идеологической основе «раздумий» о родине и о России.

Цель настоящего исследования - реконструировать на материале журнала «Родина» признаковое поле концепта «Россия» и характер его языковой объективации. В основе исследования лежал семантико-когнитивный подход [11], который позволил понять принципы функционирования формулируемого обществом знания и механизмы оперирования вербальным знаком в процессе языковой объективации общественного сознания. Согласно данному подходу, «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [7, с. 16]. Контентанализ, объектом которого чаще всего становятся тексты средств массовой коммуникации, позволил выявить смысловое и символическое содержание текстов, а также ценностное суждение об объективированной в них действительности. Концептуальный анализ, используемый в исследованиях подобного типа [15] и основывающийся на интерпретации и сопоставлении всех объективирующих концепт средств, обеспечил возможность реконструировать содержание концепта, его смысловую структуру. Дискурсивный анализ способствовал выявлению особенностей объективации и развития смыслов, формирующих анализируемый в настоящем исследовании концепт.

С позиций когнитивной семантики, одного из ведущих направлений современных лингвистических исследований [2], информация об окружающей действительности хранится в сознании в виде определенных ментальных структур (структур знания), то есть концептов, фрагментов культурной (социальной) памяти, отражающих уникальный опыт человека взаимодействия с окружающим миром и его осмысления. Концепт как «оперативная содержательная единица памяти» служит «объяснению психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [6, с. 90]. Признаковое поле концепта формируется в результате осмысления человеком своего многообразного опыта и реконструируется посредством толкования значений объективирующих концепт языковых форм и интерпретации речевых контекстов, в которых обнаруживается его бытийность.

В истории любого общества выделяются периоды, когда тот или иной культурный феномен по различным причинам приобретает особую значимость и, как следствие, получает дополнительную смысловую и языковую разработку, благодаря чему в нем проявляются (или появляются) новые признаки, которые ведут к обогащению признакового поля соответствующего концепта и, соответственно, его номинативного поля, представляющего собой «совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества» [12, с. 66]. Важной характеристикой культурного концепта, демонстрирующей его духовную значимость, является «номинативная плотность», под которой понимается «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [4, с. 112].

В настоящем исследовании было проанализировано 1386 контекстов (100 %), в которых получил свою объективацию концепт «Россия». Проведенный анализ объективирующих языковых единиц и контекстов показал, что признаковое поле концепта «Россия» выстраивается вокруг своего смыслового, понятийного ядра,

обозначенного официальным именем Россия или Российская Федерация «государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские» [3, с. 1129]. При этом в медиадискурсе, репрезентированном текстами журнала «Родина», активно востребован не только современный, но и исторический аспект, показателем чего является высокая частотность обращения к древнему наименованию России – Русь. Топонимическая «перекличка» обеспечивает не только административную или географическую ассоциацию, но и культурно-историческую, фиксируя осознание культурной целостности номинируемого объекта, а также духовно-нравственную и идейную преемственность всех его исторических форм. Данное положение, в частности, подтверждается заявленными на страницах журнала словами известного русского писателя Валентина Распутина: Россия «внутри себя боролась за жизнь и из последней мочи не давалась перерождению» (Родина. 2001. № 1). Ср.: «Мы не можем не вдохновляться тем, что стоим на прочном фундаменте нашей тысячелетней истории. Мы являемся прямыми наследниками великого народа и великой страны» (Родина. 2008. № 9).

Кроме прямых наименований России, на страницах журнала «Родина» используются также описательные наименования, такие, например, как русская земля и евразийская держава. Наименование русская земля передает, по всей видимости, не только особое отношение русских к своей стране как к матери или жене, на что обращают внимание лингвисты [14, с. 172], но и апеллирует к богатейшим традициям (в частности, к текстам Николая Бердяева и Василия Розанова) философского осмысления в русской культуре русской земли как страны «необъятных пространств», «непочатой веры» и «особой силы бытия» [1, с. 67; 13, с. 33]. Наименование евразийская держава позволяет не только обозначить огромные масштабы территории России, но и заявить о ней в контексте евразийской концепции как об особом геополитическом, этнополитическом и духовном феномене, объединяющем два материка и два разных мировоззрения, что формирует уникальность и духовную самобытность России.

Свободные сочетания имен прилагательных, обозначающих те или иные признаки, с ключевыми словами, номинирующими или репрезентирующими исследуемый концепт (Россия, родина, держава, страна, государство, республика, общество), позволяют выявить признаковое наполнение ядра концепта «Россия»: богатая, ведущая, высокоразвитая, демократическая, евразийская, европейская, индустриальная, многонациональная, неделимая, молодая, единая, постсоветская, образованная, полиэтничная, поликонфессиональная, президентская, самостоятельная, светская, сильная, современная, спортивная, суверенная, уважаемая, уважающая себя, урбанистическая, энергетическая (ведущая энергетическая держава мира; ведущая спортивная держава мира; единое и неделимое государство; европейская страна; полиэтничное и поликонфессиональное государство; многонациональная страна; высокоразвитая уважаемая суверенное демократическое государство; уважающая себя держава; молодое государство; президентская республика; новая демократическая страна) и некоторые другие. России репрезентируется здесь как нацеленная развитие рыночной экономики на государственности на основе господства закона, демократии и уважения к правам человека. Ср.: «Россия уже сейчас богатая и достаточно сильная страна» (Родина. 2006. Nº 7).

Реконструировать содержание концепта «Россия», выявить и уточнить составляющие его когнитивные признаки позволил и анализ коллокаций (соположений), в которых выступают имена прилагательные русский и российский:

1) **русский** – русский язык; русский патриот; Русский мир; русская культура; русская честь; русская душа; новая русская революция; «новорусская»

революция; новая русская буржуазия; русская почва; «русская идея»; русская история; русская нация; русское зарубежье; русское самосознание; русские территории;

2) российский — российский опыт; российский либерализм; российский парламент; российский рынок; российский политический класс; Российская империя; Российская Федерация; современная российская культура; современная российская реклама; российская власть; российская интеллигенция; российская армия; российская диаспора; российская история; российская нация; российская идентичность; российское общество; российское «настоящее»; российские реформы; российские выборы; российские либералы; российские реформаторы; российские обществоведы; российские демократы; российские соотечественники; советские российские люди; российские специалисты; антироссийская пропаганда; общероссийская цивилизация.

Концепт «Россия», как показывает анализ текстов, опубликованных в журнале «Родина», «развертывается» в трехвекторном пространстве: Россия и Запад, Россия и Восток, Россия и славянский мир. Вследствие своего географического положения Россия находится на пересечении полемизирующих между собой цивилизаций -Востока и Запада. Как многонациональной стране, «укорененной» в двух типах сознания, ей необходимо сохранять свою целостность, самобытность и развивать цивилизаций посредством укрепления национального полноценный диалог самосознания на основе русской культуры и православия, а также других культур и религий. Ср.: «Без развития отношений со славянским миром Россия просто не сможет существовать. Это не только сфера обеспечения ее национальных интересов. Принадлежность к славянству – часть нашего самосознания» (Родина. 2006. № 4); «В качественном отношении сближение России и Запада за последние 20 лет было беспрецедентным за всю историю. И это закономерно: конвергенция... последние десятилетия трансформировалась в глобализацию мирового масштаба» (Родина. 2006. N_{2} 5); «Если мы хотим сохранить целостность нашей многонациональной страны, то должны всерьез озаботиться иеленаправленного формирования наиионального самосознания как на основе нашей общей великой русской культуры, так и на основе национальных религий и культур» (Родина. 2008. № 9).

Метафорические наименования России и ее культурно-политических символов окружают смысловое ядро концепта эмоциональностью, образностью и оценочностью: могучее дерево, пустившее корни на всех континентах и раскинувшее свои ветви; птица Феникс; одна седьмая суши; оборонный щит России.

Многочисленные публикации журнала «Родина» посвящены проблемам осознания пути духовного и социального развития России, вследствие чего в ее смысловом поле актуализируются такие когнитивные признаки, как: старина, возрождение, демократия, модернизация, модификация, ближнее зарубежье, мусульмане, вертикаль власти, интеграция, русское зарубежье, сближение с Западом, инновация, развитие, общественная активность, инвестиции и др. Ср.: «В ситуации вероятной недостаточности ресурсов демократия потенциально может стать инструментом интеграции и мобилизации общества для достижения "прорыва" при условии модификации существующего режима в сторону большей сопричастности и соучастия населения в решении задачи возрождения России» (Родина. 2005. № 1); «Особое место, наряду с вопросами инноваций, обороноспособности, сейчас уделяется вопросам "внутренней стабильности" – укреплению гражданского общества» (Родина. 2008. № 9).

В период последнего десятилетия образ России, воссозданный на страницах журнала «Родина», активно ассоциируется с новыми, вновь востребованными или осмысленными заново культурными ценностями, такими прежде всего, как: нация, народ, отечество, гуманизация, славянство, патриотизм, духовность, нравственность, православие, культура, русский язык, многопартийность,

свобода, спорт, образование, семья, дом. Ср.: «На первый план должны выходить интересы страны и народа в целом, а в основе лежать естественные и понятные каждому ценности, такие, как дом, семья, отечество, безопасность, свобода, благосостояние» (Родина. 2008. № 9); «Девять лет назад Россия остановилась у последней черты, за которой — гибель нации. Повинуясь инстинкту самосохранения, страна потянулась, пожалуй, к единственному оставшемуся живительному источнику национального возрождения — к родникам духовности и культуры, нравственности и патриотизма» (Родина. 2008. № 9); «И в этой новой реальности самоорганизация общества путем спортивных побед и спортивного развития... это надежный... путь к гуманизации общества» (Родина. 2008. № 9); «В условиях реальной демократизации общества...появление новых ценностей актуально вдвойне. И блестящие удачи на спортивных аренах к роли этих ценностей — и традиционных, и новых — подходят как нельзя лучше» (Родина. 2008. № 9).

На рубеже XX - XXI веко1в Россия столкнулась с комплексом проблем, характерных для подавляющего большинства переходных (модернизирующихся) обществ: стагнация, ослабление социальных норм, нарастание конфликтности, насилие, маргинализация, коррупция. Следствием этого стала актуализация в концепте «Россия» таких когнитивных признаков, как социальная напряженность, социальная распушенность, распад насилия. социальных преступность, социальное расслоение общества, снижение жизненного уровня населения, падение качества медицины и здравоохранения, снижение средней продолжительности жизни. Ср.: «Социально-историческая ситуация в России в конце ХХ-ХХІ века характеризуется процессами, представляющими реальную угрозу существования нации: стремительное социальное расслоение общества... рост преступности, наркомании» (Родина. 2006. № 4); «Сейчас мы видим, как разрушают нашу духовность и культуру. Идет открытая пропаганда культа насилия, социальной распущенности, вседозволенности и безответственности. Еще более прискорбно, что она имеет место на фоне экономического роста, укрепления базовых политических институтов» (Родина. 2008. № 9); «Богатая держава с бедным народом» (Родина. 2008. № 9).

Как показывает проведенный анализ объективирующих концепт «Россия» языковых форм и речевых контекстов, наиболее частотными концептуальными признаками, непосредственно окружающими его понятийное ядро, являются следующие: славянство — 12,2 %, патриотизм — 10,3 %, демократия — 9,3 %, модернизация — 8,1 %, духовность — 5,8 %, православие — 4,5 %, русская культура и русский язык — 4,5 %, мусульмане — 3,4 %, ближнее зарубежье — 3,4 %, социальная напряженность — 3,4 %, вертикаль власти — 3 %.

На ближней периферии поля располагаются менее употребительные, однако весьма значимые составляющие концепта «Россия»: интеграция — 1,8 %, русское зарубежье — 1,8 %, сближение с Западом — 1,6 %, инновационное развитие — 1,6 %, общественная активность — 1,6 %, русофобия — 1,5 %, возрождение — 1,3 %, спорт — 1,3 %, многопартийность — 1,3 %, инвестиции — 1,3 %, олигархи — 1,3 %, государственность — 1,2 %, глобализация — 1,2 %, интеллигенция — 1,2 %, гражданское общество — 1,0 %, коррупция — 1,0 %, дефолт — 1,0 %, «новые русские» — 1,0 %, экономический рост — 1,0 %.

Реже встречаются следующие смысловые признаки: борьба с терроризмом – 0,4 %, гуманизация – 0,4 %, нефтегазовая отрасль – 0,4 %, природные ресурсы – 0,4 %, передел собственности – 0,4 %, российская армия – 0,4 %, заказные убийства – 0,4 %, мания самобичевания – 0,4 % и некоторые другие (3,4 %), находящиеся, соответственно, на дальней периферии признакового поля концепта «Россия».

Полученные данные могут быть несколько уточнены, это – задача дальнейшего исследования, однако очевидно, что в центре признакового поля концепта «Россия», следовательно, наиболее значимыми для россиян в процессе осмысления своего

социокультурного пространства, находятся когнитивные признаки славянство, патриотизм, духовность, православие, русская культура и русский язык, мусульмане и ближнее зарубежье, что объясняется духовно-нравственной и этнополитической мотивацией, стремлением российского общества выработать самобытную, объединяющую всех россиян идею и осознать себя и свою роль прежде всего в славянском мире и ближнем зарубежье.

Все многообразие выявленных признаков концепта «Россия» может быть представлено в четырех основных семантических профилях как сфокусированных ключевых фрагментах признакового поля: (1) современная страна; (2) сильное государство; (3) ведущая держава мира (энергетическая, спортивная); (4) империя.

Семантический профиль *«современная страна»* получает свою интерпретацию в пяти основных признаках:

- 1) как самостоятельное государство, проводящее независимую политику и разрабатывающее свою, самобытную национальную идею, что представлено в определениях и номинациях: молодое, постсоветское, суверенное, единое, неделимое, полиэтничное, многонациональное, поликонфессиональное, европейское, уважаемое, уважающее себя; евразийская держава; урбанистическое, индустриальное, светское, образованное общество и др.;
- 2) как наследница этнокультурных, духовно-нравственных ценностей предшествующих поколений, что выражается в частотности лексем, номинирующих важнейшие понятия традиционной культуры, и в окружающем их позитивном смысловом контексте: Русь, Отечество, древний, славянский, берестяная грамота, святыня, православный, духовность, патриотизм, нравственность, культура, семья, единение, российская идентичность, русский язык, гуманизация, интеллигенция;
- 3) как демократическое правовое государство: демократия, свобода, многопартийность, толерантность, закон, общественная активность, планы, цели;
- 4) как инновационное государство, то есть развивающееся по инновационной модели: модернизация, инновации, развитие, глобализация, интеграция, перемены, возрождение, подъем;
- 5) как социальное государство, то есть обеспечивающее благосостояние своих граждан: экономический рост, инвестиции, реформы, благосостояние, мобилизация ресурсов, инфраструктура, нефтегазовая отрасль, социальная напряженность (культ насилия и социальной распущенности, распад социальных норм, рост преступности и наркомании, социальное расслоение общества, снижение жизненного уровня населения, падение качества медицины и здравоохранения, снижение средней продолжительности жизни).
- Ср.: «Твердая внешнеполитическая линия современной России возможна только при условии, если на новые рельсы переведем всю экономику и социальную сферу» (Родина. 2008. N^0 9).

Семантический профиль *«сильное государство»* раскрывается в двух основных признаках:

- 1) как обороноспособное государство, гарантирующее внешнюю и внутреннюю безопасность граждан: борьба с внешней угрозой, терроризмом, коррупцией, разрушением духовности и культуры; «внутренняя стабильность», оборонный щит, российская армия, безопасность, сближение с Западом, диалог цивилизаций, целостность, суверенность, ближнее зарубежье, ислам, русофобия;
- 2) как государство, укрепляющее гражданское общество и выстраивающее «вертикаль власти», которая способна обеспечить выполнение решений центра: власть, рычаг, кулак, арсенал, государственность, гражданское общество, вертикаль власти, базовые политические институты, президентская республика.

Ср.: «Пропаганда политической реформы сегодня опирается прежде всего на тезисы о борьбе с терроризмом и обеспечении безопасности» (Родина. 2005. № 1); «Сегодня вновь... стоит задача реформирования общества, мобилизации ресурсов, борьбы с внешней угрозой, обострились проблемы интеграции, адекватного выполнения решений центра, коррупции. Вполне закономерно, что выстраивание "вертикали власти" вновь рассматривается как рычаг, способный обеспечить выполнение поставленных задач» (Родина. 2005. № 1).

Как видим, этот признак формируется посредством активного использования метафор войны (арсенал средство) и силы (кулак).

Семантический профиль *«ведущая держава мира»* раскрывается в двух признаках:

- 1) держава, входящая в число самых развитых в экономическом отношении стран мира благодаря своим энергетическим и природным ресурсам: одна седьмая суши, член восьмерки, ведущая энергетическая держава, богатая страна, самостоятельное государство, природные ресурсы, золотые запасы;
- 2) держава, традиционно претендующая на статус мирового лидера во многих сферах деятельности (культуре, науке, спорте, бизнесе): мировой лидер по количеству миллиардеров, ведущая спортивная держава мира, высокоразвитая страна, серьезный конкурент и противник, наследница великого народа и великой страны, высокий авторитет, образованный народ.
- Ср.: «Сегодняшняя Россия член восьмерки, ведущая энергетическая держава мира, богатая страна, которая не знает, куда девать свои огромные доходы и золотые запасы» (Родина. 2006. N° 7); «Россия сохранила свой статус одной из ведущих спортивных держав мира» (Родина. 2008. N° 9).

Важным в концепте «Россия» является профиль «империя», который интерпретируется в медийном дискурсе журнала «Родина» как государство, рождающееся из великой воли народа и духовного порыва лучших его представителей. Ср.: «В 1993-м люди из той же "прослойки" также активно выражали свой протест, свою обиду за ущемленное национальное чувство, защищая империю и ее прошлое» (Родина. 2006. № 8); «Без Украины Россия перестает быть империей, а с Украиной... Россия автоматически становится империей» (Родина. 2006. № 4).

Таким образом, исследование концепта «Россия» в современном медийном дискурсе, репрезентированном журналом Родина», позволяет обнаружить векторы духовного осмысления современным россиянином своего социального пространства, своего «русского мира». Концепт «Россия» – один из наиболее важных и динамичных в современной картине мира россиянина, о чем свидетельствуют многочисленные когнитивные признаки концепта и его высокая номинативная плотность. Высокая значимость концепта «Россия» обусловлена активно ощущаемой современным российским обществом необходимостью осознать свою этнополитическую, этнокультурную и цивилизационную идентичность.

Список литературы

- 1. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
- 2. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 123 с.
- 3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- 4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- 5. Кириллова, Н.Б. Медиасреда российской модернизации / Н.Б. Кириллова. М.: Академический Проект, 2005. 400 с.

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

- 6. Концепт / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.К. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 90 97.
- 7. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. N° 1. С. 6-17.
- 8. Мансурова, В.Д. Обойдемся "голыми" фактам? / В.Д. Мансурова // Медиа-дискурс: Теория и практика массовых коммуникаций. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2007. С. 4 5.
- 9. Полонский, А.В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова / А.В. Полонский // Русский язык в современном медиапространстве: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.В. Полонский. Белгород: Политерра, 2009. С. 151 160.
- 10. Полонский, А.В. Сущность и язык публицистики / А.В. Полонский. Белгород: Политерра, 2009. 240 с.
- 11. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: Гнозис, 2007. С. 7 9.
- 12. Попова, З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток Запад, 2007. 314 с.
- 13. Розанов, В.В. Религия. Философия. Культура / В.В. Розанов. М.: Республика, 1992. 399 с.
- 14. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 2001. 991 с.
- 15. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 3. С. 1 8.

CONCEPT "RUSSIA" IN THE MODERN MEDIA DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF MAGAZINE "RODINA", 1999–2009)

A. V. POLONSKY E. S. ABRAMOVA

Belgorod State University

e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru Elena170217@yandex.ru In this article the concept «Russia», which is considered to be the most important and dynamic in the modern linguistic picture of the world, is reconstructed on the materials of magazine «Rodina» (1999–2009).

Key words: Russia, media discourse, concept, verbalization, profile, cognitive attribute, semantic cognitive approach.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378:7.01:78

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Л. И. Арштейн

Белгородский государственный университет

e-mail: ramvel@walla.com В статье рассматриваются основные методологические подходы к процессу формирования музыкально-эстетической культуры студентов в воспитательном пространстве вуза, а так же обосновывается необходимость творческого развития личности студента, вовлеченного в работу воспитательного пространства вуза.

Ключевые слова: музыка, эстетика, культура, музыкальное искусство, музыкально-эстетическая культура, воспитательное пространство, творчество.

Известно мнение, что музыка возникла как средство общения между людьми, и ее недаром называют «языком чувств». Известный музыковед Асафьев Б.В. отмечал, что главное назначение музыки не столько в коммуникативной роли, сколько в гносеологической, миропознавательной, нашедшей выражение в физических законах движения, ритма мировой гармонии[1]. При этом он подчеркивал и общественноисторическую значимость музыки, а значит и коммуникативную в социуме. Главное назначение музыки в человеческом общении. Действительно, музыкальное общение способствует единению людей, формированию человеческой общности, считает Холопова В.Н. [18, 5], и мы согласны с данной точкой зрения. Кроме этого, музыкальное искусство обладает высоким «педагогическим» потенциалом. К каким бы векам, эпохам, народам, расам мы ни обратились — живительное искусство музыки стоит на первом месте или в ряду самых дорогих человеку искусств. Воздействуя на внутреннюю структуру личности, музыка обогащает её чувственное понимание явлений окружающей действительности. Музыкальное искусство в целом через традиции, преемственность, богатый арсенал духовных ценностей способствует гармонизации в личности эстетического сознания, обеспечивая свободу её самопроявления, самовыражения. Музыка способствует процессу восхождения личности к ценностям культуры, способствует стремлению через ценности музыкально-прекрасного идти к поиску и самореализации смысла собственной жизни, а возможно, и своей музыкальной деятельности [16].

Такое творческое начало отражается в любой форме деятельности личности, что способствует музыкально- эстетическому развитию не только самой личности, но и духовному преобразованию современного общества в целом.

Воспитательная направленность музыки заключается в том, что в современных условиях она воплощает в себе совокупный результат осуществления всех возможных

функций музыкального искусства в процессе их социальной реализации; воспитательная функция музыки – признается нами функцией высшего порядка, поскольку ее целевое назначение предполагает переход от реализации единичных функций к качественно новому их проявлению в практике воспитания студенчества; воспитательная функция музыки становится ее важнейшей содержательной функцией, определяющей значение музыкального искусства в жизни общества [15].

В общем и целом современная теоретическая и практическая платформа музыкально-эстетического воспитания студентов предполагает практическую активизацию социально-художественного начала в человеке. Многообразные задачи музыкально-эстетического воспитания (формирование музыкальной культуры, пути развития любви к музыке, вооружение знаниями, помогающими самостоятельно в ней разобраться) являются продуктивными целями гармонического развития, как самого человека, так и совершенствования творческих способностей личности.

Формирование музыкально-эстетической культуры в воспитательном пространстве вуза означает: воспитание музыкального вкуса, способности к эстетической оценке музыкальных произведений разной направленности; передачу студентам знаний музыкально-теоретического и музыкально-эстетического характера, обучение студентов самостоятельно ориентироваться в основных музыкальных жанрах, стилях и направлениях; формирование у студентов мотивации к активно-творческой музыкально-эстетической деятельности.

Одной из важнейших функций системы высшего образования является культурно-образовательная направленность. П.А. Флоренский писал, что культура — это среда, растящая и питающая личность. Культура целостна по своей природе и поэтому именно она как в общечеловеческих, так и в национальных рамках создает объективную основу для единства общества и личности, целостности деятельности человека и духовно-нравственных позиций общества [17]. В связи с этим воссоздание значимости культуры, ее «культа» создает и объективную и субъективную возможность преодоления однобокости в развитии личности. Развивающийся в вузах процесс гуманитаризации создает условия для наиболее полного включения образования в целостную культуру общества, что способствует получению студентами методологических знаний в области философии, культурологии, теории и истории культуры, эстетики и т.д.

Опираясь в своем исследовании на основные подходы и концепции культуры, которые сложились в современном отечественном социогуманитарном знании, мы отмечаем теоретические работы В.С. Библера, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, и др. а также фундаментальные работы, посвященные проблемам философии образования (Н.Б. Крылова, Е.Г. Осовский, В.С. Швырев и др.), идеи которых позволяют исследовать, раскрывать место и роль образования в обществе, понять фундаментальные основания культуры, ценностные ориентации человека как субъекта и носителя культуры [2;6; 12 и др.].

Опираясь на деятельностный подход, наиболее распространенный и выражающий сущность самого человека, культуру мы рассматриваем как:

- специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе;
- качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности на различных этапах общественного развития, в рамках определенных эпох, формаций, этнических и национальных общностей (античная, феодальная, латиноамериканская, русская культура и т.д.);
- особенность сознания, поведения и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни (культура труда, быта; художественная, экологическая, политическая культура).

В контексте нашего исследования важно обратить внимание и на личностноориентированный подход, который вкупе с деятельностным применительно к ступени профессионального образования, должен быть дополнен специфическими педагогическими подходами, связанными с содержанием курсов художественно-эстетических дисциплин (например культурологическим и аксиологическим) [3;4;5]. Специфика курсов «История мировой музыкальной культуры», «Культурология», «Мировая художественная культура» и др. требует специфичной педагогической деятельности, направленной на освоение духовных ценностей человечества. Сущность культурологического подхода заключается в направленности образовательного процесса на становление культурной личности, независимо от ступени образования, получаемой профессии и специальности и состоит в соотнесении изучаемых явлений окружающего мира с пространством культуры, его «встраивания» в определенный историко-культурный контекст. Рапацкая Л.А. считает, что культурологический подход, интегрируя в себе теорию культуры и искусства, является одной из насущных проблем педагогической теории и практики и реализуется как принцип культуросообразности воспитания [13]. Воспитание студентов будет тем эффективнее, чем в большей степени оно вписано и интегрировано в контекст культуры, а студент будет активно овладевать и творчески развивать лучшие образцы культуры нации, страны, цивилизации. Внимание на сущность трансляции культуры в образование обратили внимание основоположники этого подхода (Аверинцев С.С., Бахтин М.М., Гуревич П.С., Лихачев Д.С., Гуревич А.Я., Коган Л.Н. и др.).

Основополагающие ценности культурологического подхода были выделены Бондаревской Е.В.: человек как субъект культуры, образование, как развивающаяся культурная среда, система личных и культурных смыслов, диалог и творчество как пути развития человека в культуре[4].

Таким образом, мы отмечаем, что культурологический подход способствует эмоционально-образному восприятию жизни и культуры, активизации эмоциональной памяти, созданию условий для многократного чувствования студентами как рефлексии их внутренних состояний, которые способствуют развитию познавательного интереса как личностного качества личности [8].

Если говорить о необходимости применения аксиологического подхода (Каган М.С., Столович Л.Н., Чавчавадзе Н.З.), то она объясняется аксиологической сущностью образования в целом как процесса, в котором происходит интериоризация ценностей культуры. Так, Каган М.С.считает, что воспитание-это не что иное, как процесс целенаправленного формирования системы ценностей входящего в мир молодого человека [136]. Признание ценности личности, расширение понимания смысла и назначения образования как универсальной ценности, его целей, содержания и методов требуют усиления аксиологической направленности образования и воспитания личности, способной к самоопределению и самореализации в системе ценностей. Смысл аксиологического подхода в ориентации профессионального образования на формирование у студента системы общечеловеческих (гражданских) и профессиональных норм и ценностей – в его отношении к миру, к своей деятельности, к самому себе как к человеку и профессионалу [10, 38-47].

Процесс формирования музыкально-эстетической культуры, опирается на вышеназванные подходы, органично сочетая их в себе, и является актуальной проблемой современного образования, в том числе и высшего профессионального. Сущность данного процесса заключается в понимании линии образование — культура — искусство, которая и является основой музыкально-эстетической культуры личности.

Развитие музыкально-эстетической культуры происходит в воспитательном пространстве вуза (как части социокультурной среды), во взаимоотношения с которым личность вступает «посредством системы эстетических отношений к различным её (среды) объектам». У искусства есть удивительное свойство — отображать, причем самым значительным образом, весьма разнообразные явления действительности, кото-

рые являют собой любопытство (интерес) для человека. Отображая действительность и имея познавательную функцию, искусство призвано влиять на людей, воспитывать их, формировать взгляды, чувства. Воспитательная роль искусства находится в тесной взаимосвязи с эстетическими потребностями человека, которые исторически сформировались как важное качество человеческой природы. Музыка – искусство звуковое и временное (музыкальное произведение разворачивается во времени), является непременным компонентом искусства. Естественно, музыка не может так же непосредственно, как живопись или скульптура, отображать конкретные предметы или описывать явления и предметы действительности так, как это может сделать литература (то есть статическое состояние), но, тем не менее, музыка способна более непосредственно, богато и разнообразно передавать переживания человека, движение его чувств, эмоционально психологическое состояние, общий характер явлений действительности. Особенно активным является влияние музыки в момент объединения больших масс людей в едином порыве, устремлении, чувстве. Музыка красноречивее всех других искусств отвечает на вопросы: «как?», «какое?», «каким образом?», но с большими ограничениями отвечает на вопрос «что?», вообще вполне естественный и постоянно получающий ответ в художественном творчестве.

Эстетическое противоречие музыки рельефно выделяет ее среди прочих видов искусства, одновременно тесно связывая с ними. Каждый вид искусства несет свое сопереживание — визуальное в пластических искусствах, сюжетно — понятийное в литературе. Интонационное сопереживание музыки отличается особой непосредственностью и суггестивностью, чувственное начало в нем сопрягается с бесконечно восходящими ступенями духовного постижения бытия. Благодаря непревзойденной силе внушающего воздействия, она постоянно вовлекается в сферу труда и быта, где конкретный смысл задается прикладной функцией [11].

Тайным метафизическим упражнением души, о котором она не может философствовать, называл музыку Шопенгауэр, и отмечал, что она (музыка) — непосредственный образ слепой, бессознательной, вездесущей воли;... музыка могла бы существовать, если бы мира совсем не было, чего нельзя сказать о других искусствах [19, 370]. Музыка будит творческость в каждом человеке, слушание музыки способно разбудить талант поэта или художника. Музыка представляет собой поистине высокое искусство, являясь выражением внутренней сущности нашего мира. Через музыку мы получаем возможность непосредственно приблизиться к тому, к чему через науку мы приближаемся опосредованно, через понятия и абстракции. В момент катарсиса человек обретает «присутствие» в мире, открывшем ему свой истинный смысл и сущность [9, 53.]

Творческое развитие личности студента в процессе формирования музыкальноэстетической культуры в воспитательном пространстве вуза, наиболее эффективно будет осуществляться тогда, когда сам студент будет ее «творцом» и это качество можно реализовать в условиях как учебной, так и внеаудиторной работы. Сущность этого процесса заключается в музыкально-эстетическом воздействии на участников через а) приобретение (слушание), создание (творческие задания), хранение (участие в различного рода художественных объединениях), а также распространение и пропаганду художественных ценностей; б) выработку художественных ценностных ориентаций участников коллектива, посредством приобщения каждого человека к искусству (музыкальному и другому). Формирование музыкально-эстетической культуры невозможно без личностной активности и осознанности человека. Опираясь на высказывание И. Самохваловой о развитии эстетической культуры, то же самое с полным правом мы можем отнести и к развитию и формированию культуры музыкальноэстетической: «Эстетическая культура означает развитие и «утончение» именно природного, его облагораживание, но не вытеснение или подавление. Развитие эстетической культуры возможно лишь на основе признания самостоятельных прав чувственного познания, что утверждает равноправность суждений вкуса с суждениями ума» [14, 43-44]. Углубление и расширение, интеграция и дифференциация музыкально-

эстетического образования и воспитания студентов требует новых подходов к гуманитарной, культурологической, художественно-эстетической подготовке, которая реализуется в целостном образовательном процессе вуза.

Учитывая то, что прогрессивная идейная обусловленность музыкальноэстетического воспитания является движущей силой и стимулом к развитию духовных начал личности, мы можем предположить, что овладение музыкально-эстетической культурой будет объективной предпосылкой к развитию качественно нового уровня духовности студенчества, смысл которого заключается в многообразии и глубине творческого переосмысления достигнутого. Следовательно, формирование музыкально- эстетической культуры студентов предусматривает развитие современного мировоззрения, опирающегося на духовное обогащение, выработку ценных установок и основ эстетического мировосприятия, обобщение взглядов и представлений о постоянно изменяющемся мире, изменение музыкальных приоритетов, сохранение лучших образцов мирового музыкального искусства. Сформированные взгляды, идеалы и убеждения определяют способность личности к музыкально-эстетическому творчеству в любой сфере общественной деятельности, где в качестве важного этапа процесса реализации эстетического сознания в эстетическую деятельность вступают отношения.

Итак, формирование музыкально-эстетической культуры студентов подразумевает наличие определенных ценностей в области музыки и искусства в целом, эстетические знания об их природе и функционировании, музыкально-эстетическое сознание, музыкально-эстетическую деятельность и отношения, эстетическую направленность взаимоотношений людей на основе музыкальных эстетических ценностей.

Обобщая вышесказанное, отметим, что в основе музыкально-эстетической культуры личности находятся: а) развитость музыкально-эстетического сознания (знания о классической и современной музыке, умение выделить в ней прекрасное и безобразное, зло и добро, т.е. восприятие и «принятие» музыкально-эстетических произведений, проявление личностной активности в освоении музыкально-эстетических ценностей); б) развитость музыкально-эстетического мировоззрения (музыкально-эстетические идеалы, нормы и принципы; музыкально-эстетические ориентации и интересы и т.п.); в) степень совершенства музыкально-эстетического вкуса; г) последовательное воплощение в жизнь музыкально-эстетических ценностей в соответствии с выработанным музыкально-эстетическим идеалом через участие в различных видах художественной деятельности и отношений, а так же музыкально-эстетическую направленность взаимоотношений.

Таким образом, проведенное исследование проблемы формирования музыкально-эстетической культуры студентов в воспитательном пространстве вуза позволило заключить, что гармонически развитая личность, обладающая музыкально-эстетической культурой, утверждает себя через творчество новых отношений с миром и тем самым творчество нового предметного мира.

Список литературы

- 1. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс / Б.В. Асафьев. Л., 1971.
- 2. Блинова, О.А Процесс музыкальной психотерапии: систематизация и описание основных форм работы / О.А. Блинова М.: Психологический журнал, 1998, №3. с. 106-117. 20.
- 3. Бондаревская, Е.В. Воспитание как возрождение человека культуры/ Е.В. Бондаревская // Основные положения концепции воспитания в изменяющихся условиях. Ростов н/Д.: РГПИ, 1993. 32 с. 23.
- 4. Бондаревская, Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования/ Е.В.Бондаревская// Монография. Ростов н/Д, 2000. 24.
- 5. Бочкарев, Л.Л. Психология музыкальной деятельности /Л.Л. Бочкарев М.: 1997. 352 с. 27.
- 6. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. /Л.С. Выготский Т1. // Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. 488 с.

- 7. Голованова, Н.Ф. Подходы к воспитанию в современной отечественной педагогике / Н.Ф. Голованова // Педагогика, 2007. № 10. С. 38-47.
- 8. Ильинская, И.П. Эстетическое воспитание личности: культурологический подход / И.П.Ильинская // Человек в современных социально-философских концепциях // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Елабуга, 2008.
- 9. Каган, М.С. О месте музыки в современной культуре / М.С. Каган // Советская музыка. 1985. N_2^0 11. С. 2-9.
 - 10. Каган, М.С. Музыка в мире искусства / М.С. Каган. СПб. ,1996. 232 с.
- 11. Киященко, Н.И. От опыта к эстетической культуре / Н.И. Киященко. Эстетическая культура. М.: Искусство, 1996. –164 с.
- 12. Крылова, Н.Б. Формирование культуры будущего специалиста / Н.Б. Крылова. М., Высшая школа,1990. 142 с.
 - 13. Рапацкая, Л.А. Русская художественная культура /Л.А. Рапацкая М.,1998. 608 с.
- 14. Самохвалова, И.В. Эстетическая культура как комплексный феномен утверждения и реализации человека в мире / И.В. Самохвалова // Эстетическая культура М.:РАН, Ин-т философии,1996-201 с., С. 43-44.
- 15. Смирнов, М.А. Эмоциональный мир музыки: Исследование / М.А. Смирнов. М.: Музыка, 1990. 320 с.
- 16. Терещенко, А.П. Музыкальное развитие подростка / А.П. Терещенко // Семья и школа. 1989. N01. С. 23 26.
- 17. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественноизобразительных произведениях / П.А.Флоренский // Курс лекций, прочитанных во ВХУТЕ-МАСе. – М.: «Прогресс», 1993.
- 18. Холопова, В.Н. Музыка как вид искусства: учеб. пособие / В.Н. Холопова. СПб., 2000. 261 с.
- 19. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. Собр. соч. Т.2. /А. Шопенгауэр. Т.2.-М., 2001. С. 378.

ON THE STUDENTS' MUSICAL-AESTHETIC CULTURE SHAPING IN THE COLLEGE/UNIVERSITY EDUCATIONAL ENVIRONMENT

L. I. Arstein

Belgorod State University

e-mail: ramvel@walla.com The main methodological approaches to the process of students' musical-aesthetic culture shaping in the college/university educational environment are considered in the article. The author grounds the need of the personality creative development of the students involved in the college/university educational environment work.

Key words: music, aesthetic, culture, musical art, musical-aesthetic culture, educational environment, creation.

УДК 37.0

СОЗДАНИЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО ЧИНА» В ХОДЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ ЕКАТЕРИНЫ II

А. М. Болгова

Белгородский государственный университет

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru В работе рассматривается одно из главных направлений образовательной политики императрицы Екатерины II — создание учебных заведений для «выращивания» сословия «третьего чина», что было обусловлено как идеологией «просвещенного абсолютизма», так и потребностями развития страны. Новый социальный слой, целенаправленно подготовленный «сверху», должен был стать не просто опорой режима, но движущей силой реформ. Основным типом такого учебного заведения стали закрытые Воспитательные дома.

Ключевые слова: воспитание, обучение, Просвещение, Екатерина II.

Изучение государственной политики Екатерины II в сфере образования показывает, что важным направлением этой политики было формирование так называемого среднего класса – людей, которые в перспективе должны были создать экономическую основу государства буржуазного типа. Этот слой людей – активных, деятельных, способных создавать – должен был развивать национальное производство, торговлю, сферу услуг. Формирование людей «третьего чина» предполагало развитие образования, проникновение его в сферу простонародья, городского люда, свободных людей «неблагородного» происхождения. В то время государству был необходим слой исполнителей – активных, самодеятельных людей, нашедших применение в целом ряде сфер жизни общества. Они должны были обладать определенным уровнем образования, быть грамотными, иметь элементарную профессиональную подготовку.

Деятельность государственных органов, направляемых волей императрицы, реализующих ее просветительские и педагогические замыслы, имела несколько направлений:

- 1. создание, по образцу дворянских учебных заведений, закрытых воспитательно-образовательных учреждений для представителей «неблагородного сословия» Воспитательных домов;
- 2. открытие мещанских отделений при мужских и женских закрытых дворянских учебных заведениях, а также специальных профессиональных училищ при Воспитательных домах:
- 3. создание сети общеобразовательных учебных заведений единообразных, унифицированных для всей территории России школ для городского населения.
- В соответствии с данными направлениями на протяжении всего правления Екатерины II последовательно создавался слой «людей третьего чина». Это была серьезная попытка «насадить просвещение» в русском народе. Проводя политику просвещенного абсолютизма, Екатерина II настойчиво утверждала мысль о том, что только «…заведением народных школ разнообразные обычаи в России приведутся в согласие, исправятся нравы» [1, с. 78]. Возраставшие потребности развития страны, ее хозяйства, промышленности требовали грамотных и образованных людей. Подготовить их в системе закрытых сословных учебных заведений было невозможно, да и обходилось это дорого. Поэтому Екатерина встала на путь создания системы общеобразовательных школ. Особое значение имело создание закрытых Воспитательных домов, осуществлявших свою деятельность на основании «Генерального плана Московского Воспитательного дома» [2, № 11908]. Первым учреждением для «взращивания» третьего сословия, своего рода «питомником, готовящим рассаду для новой породы людей»,

предстояло стать Воспитательному дому, Генеральный план которого был утвержден Екатериной II 26 августа 1763 г. Утверждение плана сопровождалось особым манифестом, в котором Екатерина II призывала общество принять активное участие в становлении этого Дома. Манифест гласил, что Дом должен быть построен «общим подаянием, то есть на добровольные пожертвования». Далее Екатерина II выражала надежду, что «прямые дети Отечества», следуя примеру императрицы и наследника престола, «каждый по возможности своей потщится снабдевать боголюбивым подаянием, как на строение Дома, так и на содержание сего добродетельного дела». В этом же манифесте Екатерина II выразила мысль о значимости и перспективности затеваемого предприятия. Она считала, что «и ...наши потомки, к славе нашего века, [смогут] пользоваться из того действительными благами». Кроме того, Екатерина II повелела, чтобы при открытии Воспитательного дома наиболее активным благотворителям были вручены памятные медали [3, л. 13].

Московский Воспитательный дом был закрытым учебно-воспитательным заведением. Стоящие перед ним задачи были сформулированы так: «Главное намерение, что до воспитания касается, требует произвести питомцев здоровых, крепких, бодрых, способных служить Отечеству художествами и ремеслом, составить в них разум и сердце так, чтобы они не только сами себе полезными, но и добрыми христианами и верными гражданами были» [4, с. 43], — таким образом были сформулированы задачи, стоявшие перед Воспитательным домом. Решение этих задач предполагалось осуществить при помощи изоляции детей от дурного влияния внешней среды, и привлечении таких педагогов, «чтобы воспитывающееся юношество любило их и почитало и во всем добрый пример от них получало» [4, с. 45]. Недостаток таких учителей мог погубить важное начинание, поэтому для начала решено было приглашать педагогов изза рубежа, с помощью которых можно было бы уже создавать русские кадры из числа собственных питомпев.

В соответствии с идеями Екатерины II, Воспитательные дома были автономными учреждениями. Они имели свою юрисдикцию, освобождались от пошлин, могли покупать и продавать землю, дома, деревни, без бюрократической волокиты «заводить» заводы, фабрики, мастерские. Питомцы Домов после выпуска получали значительные привилегии: они и их дети и внуки оставались вольными и не подлежали закабалению; имели право выкупать дома, лавки, устраивать фабрики и заводы, вступать в купечество, заниматься промыслами и распоряжаться своим имуществом — то есть, становились представителями «третьего чина людей».

Проводимые Екатериной II в 60-70 гг. XVIII в. дальнейшие мероприятия по реформированию образования предполагали открытие еще также и ряда средних специальных заведений. Это также было в русле задач создания «третьего чина людей». Одним из важнейших среди них было мещанское училище при Академии художеств, открытое в 1764 г. В нем должны были воспитываться дети недворян с 5-7 до 14-16 лет. Программа данного учебного заведения предусматривала изучение «российской грамоты, рисования, геометрии, истории, географии», а также «обучение... чтению иностранных книг». После 9-10 лет пребывания в училище способные и достойные, с успехом выдержавшие экзамен воспитанники, поступали в «высшие классы» Академии художеств. Другие «определялись в мастерстве по их способностям» [5, с. 15].

План еще одного учебно-воспитательного учреждения для мещанских детей – Коммерческого училища – был утвержден Екатериной II 6 декабря 1772 г. [6, с. 82] В соответствии с планом училище создавалось на средства уральского заводчика А.Ф. Демидова под ведомством Опекунского совета Московского воспитательного дома и было предназначено для ста купеческих мальчиков, которые должны были воспитываться по пяти «возрастам» с 4 до 21 года [7, с. 9-12]. Программа обучения предусматривала «в первом возрасте» (5-9 лет) изучение таких предметов, как чтение, иностранный язык, рисование, основы вероисповедания, письмо; «во втором возрасте» (9-12 лет) прибавлялись арифметика, геометрия, история, география, музыка, «прави-

ла правоучения, учтивости и долга»; в «третьем возрасте» (12-15 лет) шли начала математики и механики, натуральной истории, ведение бухгалтерского счета, коммерция, историческая география; в оставшиеся годы обучения изучались также основы государственного права и экономики, коммерческие науки, химия, физика, а также повторяли все, что пройдено ранее [8, с. 5].

Как мы уже отмечали, практически во всех воспитательных училищах преобладали учителя-иностранцы. Для создания отечественных кадров педагогов планировалось основать специальные мещанские училища: при Обществе благородных девиц и при Шляхетском кадетском корпусе. Обучение в училищах должно было осуществляться в соответствии с программами данных учебных заведений. Сохранившиеся сведения о данных учреждениях весьма отрывочны и неполны [9, с. 370-380; 10].

Известно, что с целью подготовки собственных педагогических кадров было учреждено при Смольном институте благородных девиц 3 января 1765 г. его мещанское отделение [2, № 12174]. Это было первое мещанское отделение при дворянском учебном заведении. Отделением управляло то же руководство, что и дворянским, и его 240 учениц так же были разделены на четыре возрастных группы. Курс обучения здесь был несколько проще, чем в дворянском отделении. В состав преподаваемых дисциплин входили грамота, письмо, арифметика, катехизис и предметы, связанные с «домоводством», а также один из иностранных языков. Воспитанницы должны были учиться «еще искусствам жизни человеческой и гражданству потребным, хранить в цветущем состоянии фабрики: купечество, ремесла, способность к заведению оных, управлять все, а наипаче их полу принадлежащие части домостроительства, разуметь подробности оного...» [11, с. 432-433]. Иначе говоря, из воспитанниц должны были готовить не только образованных женщин, но и нечто вроде управляющих в промышленности и торговле. Обучение недворянок было частью программы по созданию в России «третьего сословия», которая так заботила Екатерину II. В первый прием мещанского отделения были набраны девочки из семей придворных служителей, купцов, нижних гвардейских чинов, а также из вольноотпущенных. Выпускницы училища широко использовались для обслуживания Смольного института, дворцов и усадеб аристократии [12, с. 265].

Третьим направлением образовательной политики Екатерины II в области создания «людей третьего чина» стало открытие сети общеобразовательных школ для свободного городского населения «разных чинов».

Одной из первых практических мер по созданию таких школ стало утверждение Екатериной II 22 марта 1764 г. «Высочайшего плана по заселению Новороссийской губернии».

В том же 1764 г. в Астрахани было разрешено построить городское училище, штат и план которого были утверждены самой императрицей [2, № 12174].

8 апреля 1768 г. Екатериной II была учреждена «Комиссия об училищах и призрения требующих». В Комиссии было создано значительное число индивидуальных и групповых планов, параллельных проектов по каждой из множества частей предполагаемой общей реформы, но к окончательной редакции члены Комиссии так и не пришли.

Екатериной II предпринимались попытки законодательно повлиять на ускорение темпов организации школ для недворян. 7 ноября 1775 г. было издано «Учреждение о губерниях», согласно которому Приказы общественного призрения, созданные в каждой из губерний, обязаны были открывать народные училища в городах и «многолюдных селениях для всех, кто пожелает учиться, но без всякого принуждения, предоставляя доброй воле родителей посылать своих детей в училище или учить их дома» [13, с. 266-268]. Из-за недостатка средств, учебных книг и людей, способных осуществить задуманный проект, практически нигде такие школы созданы не были. Екатерина прекрасно осознавала причины этого. В 1776 г. она писала Ф. Гримму: «Екатерина Вторая, несмотря на свое могущество и добрую волю, не в состоянии, по неимению помощников, сделать для России многих полезных дел и, между прочим, не может открыть

училищ, низших, средних и высших» [14, с. 14]. Но все-таки Екатерина II продолжала заниматься проблемами школы. В 1777 г. с ее санкции в столице были открыты первые начальные училища. В них принимались, однако, лишь дети трех административно-полицейских округов. Екатерина особо подчеркивала, что общеобразовательные начальные школы должны создаваться и работать за счет «доброхотных пожертвований» и средств, собранных с родителей учащихся. К концу 1781 года в Петербурге действовало уже 7 начальных школ. В них насчитывалось около 500 учащихся [2, № 15121].

Вместе с тем, проблема была еще далека от своего разрешения. Нужны были новые серьезные государственные меры. Екатерина II понимала это и не раз высказывала свою обеспокоенность проблемой организации школ. В 1782 году Екатерина заявила своему секретарю А.В. Храповицкому: «В 60 лет (т.е., через 60 лет. – А.Б.) все расколы исчезнут; сколь скоро заведутся народные школы, то невежество истребится само собою, тут насилия не надобно» [15, с. 1]. В цитированном нами ранее письме к Гримму Екатерина II высказывалась так: «Меня никогда не заставят бояться просвещенных народов, но когда-то народы будут просвещены?» [14, с. 38]. Попыткой ответить на свой же вопрос было решение императрицы о реформировании школы по примеру Австрии.

Императрица предложила свой план проведения школьной реформы, который, к сожалению, до сих пор не найден в архивах [13, с. 50]. Но в РГАДА хранится множество черновых заметок, сделанных лично Екатериной II, касающихся проблемы «заведения городских училищ». Императрица писала о том, какими должны быть данные школы, составляла примерные учебные программы для них. Особо ее волновал вопрос о комплектации школ учительскими кадрами. Так, послу России в Австрии кн. Голицыну Екатерина II писала: «Чтобы старался нормальных школьных учителей достать нашего закона» [3, л. 1].

Ф.И. Янкович ввел в России основы педагогической системы, известной под названием саганской. Ее создателем был австриец Фельбигер, настоятель августинского саганского монастыря в Силезии. Фельбигер разработал «Всеобщий учебный устав для немецких нормальных, главных и тривиальных школ во всех австрийских владениях» (под патронатом Марии-Терезии). Этот устав и был положен в основу русского устава. Причины этого коренятся в совпадении внутренних стимулов, руководивших представителями «просвещенного абсолютизма» в Австрии и России. Главные идеи этой системы были изложены Ф.И. Янковичем в «Руководстве учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи, изданном по Высочайшему повелению Царствующей Императрицы Екатерины Второй» (издано в СПб. в 1783 г.). Это руководство было составлено по образцу австрийского и дает главные основы «правильного способа преподавания»: совокупное наставление, совокупное чтение, изображение через начальные буквы, таблицы и вопрошение. В отношении основ воспитания в «Руководстве...» на учителя возлагалась роль чадолюбивого отца, который хвалит прилежных, уговаривает ласково и не отягчает детей «приказами из пристрастия». Янкович предписывал считаться со способностями и нравами учеников. Одни из них «веселые и бодрые», другие – «боязливые и застенчивые», третьи – «ленивые и сонливые», четвертые – «упорные, сердитые и ко злобе склонные». В данных положениях мы также отмечаем принципиальное совпадение взглядов Ф.И. Янковича и Екатерины ІІ, что вполне объяснимо. Императрица имела возможность выбирать специалистов и вряд ли, занимаясь реформами в системе образования страны, привлекала бы к данной работе людей с явно противоположными своим взглядами и на проблемы воспитания.

Отношения учителя к детям, как с точки зрения Екатерины II, так и по мнению Ф.И. Янковича, должны были основываться на новых педагогических идеях. В соответствии с просветительской педагогикой, «Руководство» запрещало телесные наказания, в частности, применение в воспитательных целях ремня, плети, палок, пощечин и ударов кулаками, а также «драние за волосы, ставление на колени и драние за уши». «Ни в коем случае нельзя наказывать за слабоумие, робость, ветреность, непри-

ветливость, за погрешности, происходящие от телесных недостатков и болезней» [16, с. 54]. Для поддержания дисциплины в классе считались достаточными увещевания, предостережения, угрозы, лишения приятного и устыжение. Здесь мы опять отмечаем множество точек соприкосновения с идеями екатерининской «Инструкции».

Правительство Екатерины II понимало, что по-настоящему подготовленными к работе в новых условиях могут быть только учителя, сами прошедшие курс обучения, основанный на новых дидактических принципах. В течение 1783 года Комиссией были вызваны 48 молодых людей из различных регионов страны для «приготовления к учительской деятельности». За октябрь-ноябрь этого же года комплект будущих учащихся был заполнен до 100 человек. 13 декабря в присутствии членов училищной Комиссии в Санкт-Петербурге было открыто Главное народное училище с учительским отделением при нем. Для помещения училища казной был куплен дом купца Щукина в Чернышевом переулке. Из набранных 100 воспитанников было отобрано 50 лучших в учительское отделение. Занятия с ними начались в январе 1784 года.

Новое учебное заведение посетила сама императрица Екатерина. Она прослушала приветственную речь профессора Е.Б. Сырейщикова, посетила занятие во всех четырех классах, затем «по части Российской истории и географии изволила предлагать вопросы и делать возражения, и тем составить род диспута. Испытание кончилось к совершенному ее удовольствию. Милости и награды на виновников излились щедро», – вспоминал позднее бывший семинарист Е. Зябловский [17, с. 29].

Первый курс окончил свое обучение за 2,5 года — в начале июля 1786 г. были выпущены первые учителя — специалисты для главных и малых народных училищ всей страны. Среди преподавателей первых лет были видные ученые М.Е. Головин, В.Ф. Зуев и др. Желая, однако, создать специальный центр по подготовке квалифицированных учителей, Екатерина повелела выделить из состава училища Учительскую семинарию, существовавшую в период 1786-1802 гг. На его основе затем был создан Учительский институт, а позднее — Главный Педагогический институт.

29 января 1786 г. был издан указ Комиссии об учреждении народных училищ. А 5 августа 1786 г. Екатериной II был утвержден «Устав народным училищам в Российской империи». От первой до последней строки этот документ подчинен основе основ просветительской идеологии – вере в то, что за внедрением просвещения последуют все прочие благотворные результаты: исчезнут нравственные и социальные пороки, будет положен конец рабству, невежеству, суевериям.

В дополнение к «Уставу» были изданы «Правила для учащихся народных училищ». В гл. IV «Устава», в разделе «Должности учеников» сказано, что «всем ученикам и ученицам должно наблюдать изданные правила для учащихся. Правила сии обязывают без изъятия всех учеников..., и того ради должен каждый ученик снабдить себя сею книжкою». Авторство «Правил» приписывается Ф.И. Янковичу. Но интересно то, что в бумагах Екатерины II, хранившихся в Императорской публичной библиотеке, А.Ф. Бычковым были обнаружены собственноручно ею написанные «черновые правила для учащихся» [18, с. 107-109]. Их текст частично совпадает с «Правилами», изданными в дополнение к «Уставу народным училищам». Так, у Екатерины II в п. № 7 «черновых правил» говорится, что «учащийся в учении должен иметь доверие к учителю и в учении может у учителя просить совет и помощь, понеже учение ведет учащегося к благости», а в «Правилах для учащихся в народных училищах» во втором разделе мы читаем: «каждый ученик должен чувствовать особливую любовь и ...доверенность к своему учителю, в учебных обстоятельствах спрашивать его совета и помощи; притом увериться, что всё, что учитель с ним предприемлет, споспешествует к его благополучию» [19, с. 253]. В другом месте «Правил» приводятся обязанности учащихся в отношении выполнения гигиенических требований (мыть лицо и руки, причесывать волосы, стричь ногти), идентичные требования к ученикам предъявляет и Екатерина II [18, с. 108]. Встречаются параллельные места и при сравнении «Правил» с екатерининской «Инструкцией». В частности, говоря о послушании, Екатерина II

считала, что «кто с младенчества не поважен повиноваться приказанию и совету родителей и приставников, тот, созрев, не в состоянии будет слушать здравого рассудка, и справедливости» [1, с. 231]. В «Правилах» же сказано следующее: «кто в юности учителю не послушен, тот, возмужавши, и власти гражданской обыкновенно не покоряется, и для сего ученику подлежит в училище к повиновению благовременно навыкать и все повеления учителя... с должным почтением исполнять» [19, с. 253].

Таким образом, мы считаем, что Екатерина II в определенном смысле является соавтором «Правил». По-видимому, Ф.И. Янкович обработал и дополнил написанный императрицей черновой вариант «Правил для учащихся», а также учел установки императрицы, данные ею в «Инструкции», и уже в таком виде издал «Правила для учащихся».

Согласно указу от 29 января 1786 г. и в соответствии с «Уставом» в каждом губернском городе Российской империи должны были быть учреждены Главные училища, состоящие из четырех разрядов-классов (старший класс – два года). В уездных городах, а также в губернских, где «главного училища было не довольно», открывались малые училища. Преподавание там велось по учебным планам I и II классов главного училища. Таким образом, малые училища должны были готовить грамотных, умеющих хорошо писать и считать людей, знающих основы православной веры и правила поведения, необходимые в общежитии. Главные же училища должны были дать более широкую подготовку. Они приближались к типу средней школы с многопредметной программой и реально-практическим уклоном. В архивных материалах нами были обнаружены наброски, сделанные Екатерины II, в которых она рассуждает о пользе тех или иных предметов. Так, планируя, какие языки следует изучать «юношеству в средних школах», императрица объясняет, что знание российского языка необходимо всем потому, что он «во всей империи употребительный»; немецкий язык необходимо изучать «в трех провинциях Российской империи, кои правятся немецким языком», а также «граничащих с сими провинциями». Такова же мотивация для изучения татарского языка. Относительно греческого сказано: «Сей язык нужен, ибо есть язык коренной православной церкви, равномерно и всех наук, перенесенных из Греции и Европы» [3, № 16421].

По рекомендации Екатерины II, руководство всеми народными училищами принадлежало Главному училищному правлению. Но фактически училища в большей степени подчинялись губернаторам и Приказам общественного призрения, которыми назначались директора школ, смотрители и учителя. Ими же решались вопросы о школьных помещениях и финансировании. Однако, Приказ общественного призрения в каждой губернии не располагал ни специальными штатами, ни средствами на содержание училищ, учителей и учеников, покупку учебников и наглядных пособий. Средства формировались за счет отчислений магистрата, штрафов с населения и от «благотворительных пожертвований». Темпы создания системы народных школ в разных частях страны оказывались различными. В губернских городах главные народные училища были открыты довольно быстро – в течение 2-4 лет. 22 сентября 1786 года они были открыты одновременно и «единообразно» в 25 губернских городах России. Этот день был приурочен к очередной годовщине коронации Екатерины II, и поэтому открытие училищ проходило очень торжественно, празднично, свидетельства чему можно найти во многих периодических изданиях того времени [20, с. 220]. В более мелких городах Российской империи процесс открытия народных училищ растянулся на годы.

По данным Государственного архива Курской области, к 1789 г. малое народное училище уже действовало и в Белгороде [21, л. 17]. Для заведования учебной частью народных училищ в соответствии с «Уставом» была учреждена должность директора, которую в Курской губернии занимал князь А.Н. Мещерский. Белгородское малое народное училище находилось в подчинении Приказа общественного призрения Курской губернии. Губернатор назначал смотрителей училищ в уездных городах. Первым смотрителем белгородского училища был некий П. Шебекин, а после

его смерти в мае 1789 г. – купец Петр Бочаров. В обязанности смотрителя входил контроль за соблюдением правил, предписанных «Уставом», надзор за посещаемостью, а также организацией и ходом учебного процесса. В его компетенцию входило также решение хозяйственных вопросов. Ежемесячно смотритель принимал рапорты от учителей, которые посылал в Приказ общественного призрения на имя директора.

В сентябре 1793 г. число учащихся I класса в белгородском училище достигло 33 человек. Во II классе в феврале того же года обучалось 38 чел., а в марте — 36 чел. Среди учеников преобладающим большинством были мальчики. Девочек было всего две во втором классе и одна в первом. Социальный состав учащихся был достаточно типичным для образовательной политики екатерининского времени: преобладали дети однодворцев, купцов, мещан, военных нижних чинов, солдат, священнослужителей; были и дети крепостных, которых в сентябре 1793 г. насчитывалось в I классе — 5 человек, во II — 6. Обучались также и дети-сироты [21, л. 60].

Изданное ранее «Руководство учителям первого и второго разряда народных училищ Российской империи» также частично провозглашало заложенные в «Устав» идеи. Принципиально важным было то, что эти документы отразили факт создания единой системы светской школы от малого народного училища до университета. Малое училище соответствовало двум первым классам главного училища, и окончившие малое училище могли продолжать учебу в старших классах главного. Ученики главного училища, желавшие продолжать свое образование в университете, дополнительно изучали латинский и один из новых языков.

Перспективы народных училищ оказались не столь радужными, как предполагалось. Первая же проверка, через несколько лет после открытия училищ, выявила убогое состояние вновь открытых учебных заведений. В 1789 г. в главном народном училище Москвы числилось 346 учащихся и только 5 учителей. В большинстве уездов Московской губернии малые народные училища так и не открылись. Когда по поводу «столь малого успеха в заведении народных школ в московской столице» доложили Екатерине II, та возмутилась. Лишь вследствие этого к концу года появилось еще 7 новых малых училищ, 4 из которых были в уездах [22, с. 130, 140].

Сложности в становлении вновь открывшихся школ были разнообразными и встречались повсеместно. Многие учителя отличались откровенным невежеством. Родители неохотно отдавали своих детей в школу. По распоряжению тамбовского губернатора Г.Р. Державина, полиция в городах отлавливала детей школьного возраста на улицах и принудительно волокла их в училища. С отставкой Державина школьное дело в Тамбовской губернии практически зачахло. В 1791 г. учителя уездного города Козлова жаловались в Тамбов: «Уже наступил другой месяц как мы, не имея от магистрата квартир, живем в классах, чем весьма много притесняя учеников, препятствуем преподаванию учения». Козловский городничий Сердюков отправил встречную жалобу: «...Часто в должные для учения часы я не заставал козловских учителей в классах, а шатающихся по городу лености ради...». Назначенный Державиным попечитель училища после отставки поэта-губернатора кричал, что училища надобно закрыть, являлся в классы в подпитии, колотил учеников и публично бранил учителей [23, с. 335-336].

В фондах ГАКО имеются документы, освещающие проблемы Белгородского малого народного училища, которых также было немало. Учителя белгородского училища получали жалованье с большими задержками. В «покорном прошении» на имя правителя Курской губернии генерал-майора и «разных орденов кавалера» С.Д. Бурнашова учителя из Белгорода сообщают о задержках жалованья на 2-3 месяца, потому что деньги им «пересылают из Курска, и при этом еще и убытки лишние» [21, л. 8]. Учителя просят платить им «из суммы городовых доходов, отчисляемых в приказ общественного призрения», т.е. перевести их на местный бюджет, и платить три раза в год, но без задержек.

Материальное положение тогдашнего учителя было далеким от обеспеченности, а общественный статус — совсем низкий. Учительское звание в XVIII веке считалось принадлежностью людей низших классов. Дворянин не мог быть учителем.

Учителя малых народных училищ пользовались некоторыми льготами или, говоря словами того времени, «выгодами». Так, по «Уставу» учителям полагались бесплатные дрова и свечи. Но даже получение этого скромного вспомоществования было сопряжено с проблемами. Причина – в сложных взаимоотношениях учителей с администрацией, в частности, со смотрителем. Так, учителя жаловались в Курск на то, что положенные им дрова и свечи доставляют хотя и вовремя, но «со всегдашними язвительными издевками, выговорами и попреками» со стороны смотрителя Бочарова. Таким образом, в конце XVIII в. во многих уездных городах Российской империи происходил сложный процесс становления малых народных училищ. Их деятельность имела немало проблем, трудностей, но всё же процесс становления системы образования начал идти.

Даже с учетом всех сложностей и проблем, забота Екатерины о народном просвещении, как пишет историк Н.И. Павленко, «заслуживает безусловной похвалы». К концу XVIII в. в 45 губерниях России работало 49 главных и 239 малых училищ с 22220 учениками и 760 учителями [24, с. 156].

Создание и развитие светской школы в России XVIII в. было органической частью историко-культурного процесса. Ведущим, определяющим уровень развития русской культуры и ее место в мировой культуре, было светское направление.

Тиражи учебников, которые к тому же регулярно переиздавались, были более высокими, чем тиражи научной, политической, философской и художественной литературы, газет и журналов.

К концу XVIII в. число светских учебных заведений было близко к 500, и в них обучалось 45-48 тыс. школьников [12, с. 286]. Таким образом, к концу XVIII в. система образования в России включала уже все три ступени светской школы: начальную, среднюю и высшую. Были созданы база для подготовки учителей для разных видов русских школ, общеобразовательных и специальных; научная терминология на русском языке, подготовлены оригинальные и переводные учебники по всем предметам, изучавшимся в школах. Весьма значительные и важные шаги были сделаны в деле разработки методики обучения.

Принципиально важным было действительное создание системы народных училищ. Дальнейшее развитие сословных учебных заведений также имело несомненное прогрессивное значение в условиях своего времени. Вопрос о всеобщем бессословном образовании станет в повестку дня лишь более чем через сто лет. Развитие школы и образования в XVIII в. было вызвано существенными изменениями в социально-экономической, политической и культурной жизни страны, было связано со все возраставшими потребностями в специалистах, в грамотных людях. В свою очередь, становление системы светской школы улучшало условия для развития промышленности, ремесла, сельского хозяйства, подъема национальной науки, литературы, искусства и других областей культуры, освоения и творческого использования культурного наследия древности и достижений современного мира.

Русская школа XVIII в. не только сделала принципиально важный шаг в своем развитии, но и смогла создать основы для дальнейшего совершенствования образования, науки и техники, литературы и искусства. Огромную роль при этом сыграла теория и практика просвещенного абсолютизма, реализация педагогических идей Екатерины II в непосредственной школьной практике в ходе реформирования русской школы второй половины XVIII столетия.

Список литературы

- 1. Сочинения императрицы Екатерины II. Т.1. СПб., 1849. 668 с.
- 2. Полное Собрание Законов Российской империи. Т. 16. СПб., 1856.

- 3. Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 578. Оп. 32. Д. 1.
- 4. Бецкой И.И. Учреждение Императорского воспитательного дома для приносных детей и гошпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве. СПб.,1763. 62 с.
- 5. Оленин А. Краткие исторические сведения о состоянии имп. Академии художеств. 1764-1825. СПб., 1829. 76 с.
 - 6. Колотов А. Деяния Императрицы Екатерины II. СПб.,1811. 136 с.
 - 7. Тимофеев В. История коммерческого училища. СПб., 1902. Т.1. 172 с.
 - 8. Миллер Г. Из прошлого Московского воспитательного дома. М., 1893. 94 с.
 - 9. Демков П.В. История русской педагогики. СПб., 1897. Ч. II. 691 с.
- 10. Козырев В.А. Реформы общеобразовательной школы во 2-й пол. XVIII в. Ставро-поль,1948. 342 с.
- 11. Чайковская О.Г. Императрица. Царствование Екатерины II. М.; Смоленск: Русич, Олимп, 1998. 510 с.
 - 12. Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М.: МГУ, 1987. 408 с.
- 13. Ромашина Е.Ю. Подготовка учителей как составная часть школьной реформы 1782-1786 гг. Дисс. ...к. п. н. М.,1995. 224 с.
- 14. Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании по ее письмам к Гримму. СПб.,1879. 40 с.
 - **15.** Храповицкий А.В. Дневник. М.,1901. 270 с.
- 16. Воронов А.С. Федор Иванович Янкович-де-Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб.,1858. 167 с.
- 17. Зябловский Е.Ф. Историческая повесть об учительской семинарии и педагогическом институте. СПб.,1833. 53 с.
- 18. Бычков А.Ф. Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1873. 170 с.
 - 19. Антология педагогической мысли России XVIII в. М.: Педагогика, 1985. 497 с.
- 20. Смагина Г.И. Петербургская Академия наук и школьное образование в России во 2-й пол. XVIII в. / Автореф. дисс. ...к.п.н. СПб., 1993. 18 с.
 - 21. Государственный Архив Курской области. Ф.1540. Оп.1. Ед. хр.1.
 - 22. Эйнгорн В. Московское главное училище в конце XVIII в. // ЖМНП. 1910. № 4. С. 1-33.
- 23. Дубасов И. Народное просвещение в Тамбовской губернии во второй половине XVIII и начале XIX столетия // Древняя и новая Россия. 1878. Т.III. С. 76-86.
 - 24. Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 1999. 495 с.

CREATION OF TEACHING AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS FOR THE TRAINING OF "THE THIRD RANK" PEOPLE DURING THE EDUCATIONAL REFORMS BY CATHERINE II

A. M. Bolgova

Belgorod State University

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru The article observes questions of foundation of a new social stratum in Russia – The Third Rank – as one of the main educational policy branches maintained by the Imperatrix Catherine II (1762-1796). She created a relatively complete program which would lead to formation of the social rank of intelligent and positive personalities For Russia of that time this ideas had certainly a progressive value in the age of Enlightening.

Key words: upbringing, education, Enlightening, Catherine II.

УДК 346.544.42:347.781.53:37.026.3

СТАНДАРТИЗАЦИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ПО КРИТЕРИЮ УДОБОЧИТАЕМОСТИ

Я.И. Попова Е.В. Шишкевич

Севастопольский национальный университет ядерной энергии и промышленности

e-mail: oaskya_sev@mail.ru На основе анализа существующих подходов к стандартизации учебной литературы средней школы по критерию понимаемости, авторы статьи делают выводы о необходимости обновления критериев и нормативов для учебной литературы, предлагают возможные варианты стандартизации критериев контроля качества учебников.

Ключевые слова: стандартизация, удобочитаемость, учебная литература.

Восприятие содержания учебников её основными потребителями: учениками, учителями и родителями напрямую зависит от качества учебной литературы. Важную роль при этом играет текст. Поэтому научное содержание предмета, учебнопознавательный материал и методический аппарат представлены в школьном учебнике в виде текста. Текст это одна из основных составляющих учебника, которая оказывает непосредственное влияние на качество учебной литературы, в частности учебника.

В связи с реформами в области образования остро встал вопрос о качестве школьных учебников, содержание которых оставляет желать лучшего. Естественно встает вопрос: «Есть ли какие либо нормативные критерии, которым должен соответствовать школьный учебник? Проведенный анализ показал, что в Украине нормативных документов, содержащих количественные и качественные характеристики учебников практически нет, а имеющиеся материалы содержат в основном санитарногигиенические нормы [2]. Исследования учебной литературы начали проводить, когда после офтальмологического осмотра харьковских школьников было выявлено, что «большинство учебников и учебных пособий характеризуются неудовлетворительным оформлением из-за несоблюдения санитарно-гигиенических требований. Постоянное использование таких изданий в процессе учебы вызывает у детей неадекватное напряжение зрительной системы» [3].

В Белоруссии, например, создана специальная комиссия, которая на основании приказа от 23 июня 1999 г. №403 «Об утверждении документов по улучшению качества школьных учебников» проводит проверку учебников для общеобразовательных школ [9].

В России вопросы содержания, структуры и дидактических основ учебных изданий рассматриваются в научно-педагогической литературе [1, 12], проводятся научные конференции [4], разработана математическая модель оценки учебных текстов [5]. Имеется стандарт отрасли «Издания книжные для детей. Общие технические условия» [11].

Поэтому перед нами стояла задача рассмотреть предложенные методики по исследованию текстов и выбрать наиболее эффективные и корректные, проверив их экспериментальным путем.

Цель работы

Авторы ставят своей основной целью исследование существующих критериев и алгоритмов автоматизированной оценки показателей качества текста по критерию удобочитаемости при соблюдении санитарно-гигиенических норм.

Основная часть

Усвоение учебного материала зависит от многих аспектов, но сложность текста играет в этом не последнюю роль. Что же такое сложность текста? Сложным мы считаем тот текст, который нам не понятен. Понятность и доступность текста определяют его читабельность.

Вопросами «читабельности» или «доступности» текстов начали заниматься с 20-30-х годов XX в., в результате исследований появились алгоритмы оценки и расчетные формулы, но в основном для англоязычных текстов. В нашей стране этими вопросами заинтересовались гораздо позже и стали применять их в журналистике [6], а также при редактировании текстов и поиске информации в ИПС [10]. Вопрос об упрощении текстов с целью улучшения «читабельности» имеет и «обратную сторону медали». Так в своей статье «Зачем мы рассматриваем вопрос оценки удобочитаемости?» Шерил Стивенс, говорит о том, что в 1981 г. группа представителей Международной Ассоциации Чтецов высказалась против использования удобочитаемости, Национальный совет преподавателей английского языка (США) также высказался о некритичном использовании формул удобочитаемости при оценке текстов для школьников. Если 30 лет назад Международная Ассоциация Читателей и Национальный совет учителей английского языка США начали предостерегать своих членов о необходимости разумного подхода к оценке удобочитаемости учебных материалов. Необходимо задуматься и нам о корректном подходе к этому вопросу.

С появлением лингвистических процессоров к оценке качества текстов подключились программисты. Англоязычные тексты стали адаптировать под другие языки, зачастую не учитывая особенности этих других языков. В частности, близкородственные русский и украинский языки являются аффинирующими. Их существенное отличие по длине слова было отмечено давно. Последнее время адаптацией англоязычных критериев Флеша, подкупающих простотой формулы занимались − для русского языка Оборнева И.В., учитель информатики гимназии №1507, координатор информационных технологий (г. Москва) и для украинского языка Партыко З.В., доцент кафедры украинской прессы ЛДУ, кандидат филологических наук (г. Львов). На наш взгляд, линейный пересчет коэффициентов не совсем корректен. Шкала показателей читабельности текста, основанная на длине слова и длине предложения принципиально не линейна, т. к. уменьшение длины слова неизбежно влечет к увеличению длины предложения в анализируемом отрывке текста. Нелинейность шкалы хорошо видно на графике Фрая (рис. 1).

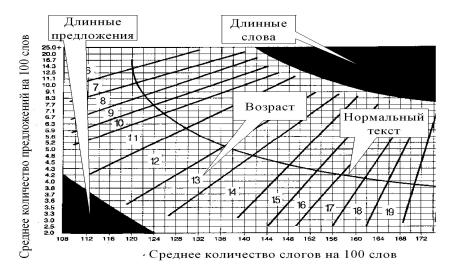

Рис. 1. График читабельности Фрая

К сожалению, в работах Партыко З.В. и Оборневой И.В. не очень детально описаны результаты экспериментов на конкретных читателях. Основной целью работы явилась экспериментальная проверка высказанных сомнений.

В 2009 г. нами проведен эксперимент по сравнительному анализу понимаемости учебных текстов. Эксперимент проходил в два этапа в сш. №23 и сш. №27 г. Севастополя и в сш. №10 г. Симферополя. Исследовались учебники с первого по четвертый класс, по всем предметам, с русским и украинским языком преподавания. Было проработано около 70 учебников. Из каждого учебника были взяты отрывки в 100 слов. Расчетные оценки были проведены по критериям понимаемости: Флеша-Оборнева, Флеша-Партыко, Ганнинг (модернизированный). Экспертные оценки по данным анкетирования учеников, учителей и родителей.

На первом этапе эксперимента было проведено анкетирование родителей, учителей и учащихся. Им было предложено оценить по баллам наиболее важные из выдвинутых аспектов, которые представляли характеристики учебников:

- 1. Вес учебника.
- 2. Качество бумаги.
- 3. Количество иллюстраций.
- 4. Соответствие содержания учебника образовательным стандартам и образовательным программам.
 - 5. Язык изложения материала соответственно возрастным нормам.
 - 6. Шрифтовое выделение текста.
 - 7. Доступность для самостоятельного изучения материала школьником.
 - 8. Ясность и четкость изложения материала.
 - 9. Разграничение заданий (текстов) в зависимости от уровня сложности.

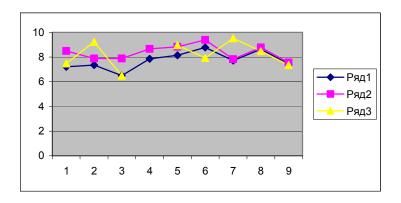

Рис. 2. Сравнительный анализ анкет

На рисунке 2 видно, что основные показатели, по которым совпадает мнение всех трех сторон, это показатели качества текста, связанные с его удобочитаемостью. Эти показатели выделили все категории опрашиваемых как наиболее важные и значимые. Это подтверждает актуальность вопроса исследования методик удобочитаемости текста, что в свою очередь поможет создать и усовершенствовать номенклатуру показателей качества учебных текстов, используемых в средней школе.

В результате, второго этапа эксперимента мы получили следующие данные (таблица 1), что по всем критериям наиболее трудно понимаемые, независимо от языка преподавания, признаны учебники «Изобразительное искусство», «Я и Украина», «Труд», «Основы здоровья» (табл. 1).

Таблица 1 **Учебники 3 класса (с русским языком преподавания)**

Nº	Название учебника	Количество слов в тексте	Количество предложений в тексте	Количество длинных слов	Среднее количество слов в пред- ложениях	Индекс непонят- ности
1	Математика	99	15	6	6,2	2,565
2	Русский язык	101	16	5	6	2,15
3	ИЗО	119	14	10	7,79	4,223
4	Основы здоровья	99	12	9	7,5	3,85
5	Я и Украина	100	9	16	9,3	6,81
6	Чтение	95	9	7	9,778	3,235
7	Укр. читання	102	8	5	12,125	2,606
8	Укр. мова	108	15	3	7	1,387
9	Труд	97	7	20	11	8,629
10	Физкультура	106	9	9	10,778	4,078

В ходе анализа проведенной работы можно отметить, что если ориентироваться на законодательные и нормативные документы, характеризующие качество учебной литературы по критерию удобочитаемости, то данные, полученные в результате работы, имеют большие отклонения от нормативности. Оптимальной длиной предложения для учащихся младших классов является 8 слов, но во многих учебниках этот показатель достигает 10-13 слов.

Психолого-возрастные особенности школьников позволяют использовать в начальной школе длину слов не более 8 букв [9], а следовательно при наличии в тексте длинных слов более 10 букв, усложняет и затрудняет его понимание.

Для младших классов рекомендовано 1-2 длинных слова на каждые 100 слов [9]. По данным нашего эксперимента, среднее количество длинных слов в учебниках начальных классов колеблется от 4 и до 8. Поэтому, выводя индекс непонятности, видно, что в некоторых учебниках он выше, чем предполагается. Наибольшее количество длинных слов приходиться на учебники «Труд», «Рисование» и «Я и Украина». Это связано со спецификой изложения материала и с тем, что словарный запас (объем) данных дисциплин связан с употреблением большого количества сложных и длинных слов. В свою очередь, самые короткие предложения и минимальное количество длинных слов содержат учебники по математике. Таким образом, можно сделать вывод, что необходимо усовершенствовать номенклатуру показателей качества учебных текстов для повышения качества учебной литературы.

На следующем этапе был проведен сравнительный анализ текстов с русским и украинским языком обучения (табл. 2).

Сравнительный анализ текстов

Таблица 2

№ Текста	Название учебника По Партыко		По Оборневой	По Ганнингу
1	Основи здоров'я			
	(укр.)	89,703339	37,466633	4,6154
2	Основы здоровья	82,1024	17,835	5,4059
3	Труд (укр.)	71,262	41,14342	3,6790
4	Труд	74,64341	49,5843	3,2840

Основными формулами при расчетах были следующие: английский язык (Флеш): $206,835-84,6\cdot W-1,015\cdot S$; (1)

украинский язык (Партыко 3.В.): $206,835 - 28,3 \cdot W - 5,952 \cdot S$; (2)

русский язык (Оборнева И.В.):
$$206,835-60,1\cdot W-1,3\cdot S$$
; (3)

ганнинг (модернизированный):
$$0.4 \cdot (\frac{S}{n} + 100 \cdot \frac{x}{S})$$
, (4)

где W – среднее число слогов в слове, S – среднее количество слов в предложении, n – количество предложений в тексте, х – количество длинных слов.

Формула (3) основана на принципе адаптации словарей русского и английского языка. Для уточнения коэффициентов в формуле сравнивалась средняя длина слова английских слов и русских. Были взяты: словарь под редакцией Ожегова – 39217 слов, словарь под редакцией Мюллера – 41975 слов [5].

Формула (2) основана на принципе адаптации формулы Флеша и метода CRES для украиноязычных текстов [6].

Формула (4) базируется на понятии «длинное слово» с учетом данных Пиотровского Р.Г., авторами принято x > 10 букв.

По формуле З.В. Партыко разница между украинским и русским текстами незначительна, используя формулу И.В Оборневой – разница тоже незначительна, однако, при сравнении показателей между собой, разброс колеблется от «очень легкого» до «не очень сложного» по одному показателю. Поэтому в принципе обе формулы нуждаются в проверке экспертными методами. В итоге мы пришли к мнению, что необходимо более корректно подходить к адаптации англоязычных формул, использовать методы проверки экспериментально на практике.

Выводы

Данное исследование имело своей целью показать:

- необходимость обновления критериев и нормативов для учебной литературы. Учитывая общность информационного поля, целесообразно сотрудничество со специалистами стран СНГ в этом вопросе, подготовку и согласование документов на межгосударственном уровне;
- контроль за издательством учебной литературы на стадии предупредительного надзора (в виде комиссии по качеству учебной литературы) даст возможность обеспечить соответствие её требованиям и нормам;
- возможные варианты стандартизации учебной литературы (предложены нами выше).

Внедрение данных методик в практику позволит организовать обязательную экспертизу учебной продукции. Это даст возможность улучшить качество знаний школьников.

Список литератруры

- 1. Антонова С.Г., Тюрина Л.Г. Структура, содержание и дидактические основы учебных изданий // Университетская книга – 2000. – №111. – С. 30-36.
- 2. Галузевий стандарт України "Підручники і навчальні посібники для загальноосвітніх шкіл та інших типів середніх навчальних закладів. Поліграфічне викона-ння. Загальні технічні вимоги". ГСТУ 29.2-97. – Київ, 1997. – 11 с.
- 3. Кочина М.Л., Подригало Л.В., Яворский А.В. и др. Современные факторы визуального воздействия и их влияние на зрительный анализатор школьников // Междунар. мед. журн. – 1999. – T.5, № 2. – C. 133-135.
- 4. Мартемьянова Т. Ю. Логические требования к информации в процессе обучения // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VII Общероссийской науч. конференции. СПб., 2002.
- 5. Оборонева И.В. Математическая модель оценки учебных текстов //Вестник МГПУ.Серия «Информатика и информатизация образования».- М.:МГПУ,2005. №1(4). – C. 141-147.

- 6. Партико З.В., Бородчук В. А., Сорокатий І. Ю. Трьохпараметричный метод визначення читабельності україномовных текстів // Комп'ютерна лінгвістика: Додаток до Всеукраїнського міжвідомчого наукового збірника «Іноземна філологія». 1996. № 1. С. 351.
- 7. Подригало Л.В. Влияние текстов с различными параметрами удобочитаемости на офтальмогигиенические показатели у школьников // Гиг. населен. мест. К., 1999. Вып. 35. C. 410-416.
- 8. Подригало Л.В. Гигиеническая оценка современной школьной издательской продукции и перспективы введения обязательной экспертизы // Вестник гигиены и эпидемиологии. 2000. \mathbb{N}^{0} 2, Т. 4. С. 212 –215.
- 9. Приказ Министерства образования Республики Беларусь от 23 июня 1999 г. №403 «Об утверждении документов по улучшению качества школьных учебников».
- 10. Рогушина Ю.В. Использование критериев оценки удобочитаемости текста для поиска информации, соответствующей реальным потребностям пользователя // Проблеми програмування. – 2007. – №3. – С. 76-88.
- 11. Стандарт отрасли «Издания книжные для детей. Общие технические условия». ОСТ РФ 29.127-96. M_{1996} . $28\,c$.
- 12. Теоретические проблемы современного школьного учебника: Сб. науч. трудов / Отв. ред. И. Я. Лернер, Н. М. Шахмаев. М., 1989.

STANDARDIZATION OF EDUCATIONAL LITERATURE FOR SECONDARY SCHOOL BY THE READABILITY CRITERIUM

Y. I. Popova E. V. Shishkevich

Sebastopol National University of Nuclear Energy and Industry

e-mail: oaskya sev@mail.ru The authors analyze the up-to-date approaches to the standardization of school literature by the criterium of comprehension, which makes claim that the criteria and standards for educational literature should be renewed. The possible ways of standardization of quality management criteria for school books are proposed and grounded in the article.

Key words: standardization, readability, educational literature.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:372

ЛИЧНОСТНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КРИТИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ ДЕТСТВА

Л. И. Бершедова

Московский городской педагогический университет

e-mail: bershedova@mail.ru В статье рассматриваются личностные новообразования критических периодов детства в контексте понимания кризиса развития как преобразования отношений ребенка к предметному миру, к другим людям и к себе. Развитие новообразований в период кризиса определяется как переход от одного способа переживания ребенком среды к другому и как результат преобразования личности. Особым интегральным психологическим новообразованием применительно к ситуации кризиса рассматривается психологическая готовность. Обосновывается специфика кризисов 7 и 17 лет как кризисов, коренным образом меняющих жизнь ребенка, способ его существования. Предлагается центральное направление деятельности психолога с учетом специфических особенностей критических периодов детства.

Ключевые слова: специфика детского развития, новообразования, кризис развития, новообразования критических периодов, критический возраст, психологическая готовность, фазы развития кризиса, психопрофилактика.

В последние десятилетия накоплен колоссальный массив сведений относительно источников, механизмов и симптоматики отдельных возрастных кризисов. В целях понимания природы последних вырабатываются эвристические объяснительные схемы. Систематическое обращение психологов к проблеме кризисов развития в контексте других проблем (смены ведущих видов деятельности, генезиса возрастных психических новообразований и др.) также привело к ряду значимых результатов. Однако во многих случаях кризис, критический период развития, как особая психологическая реальность, изучается в одной из своих многочисленных проекций либо выступает фоном (пусть важным) при изучении чего-то нового.

Для любого исследования кризисов важным является не только определение задач развития в кризисные периоды, определение конкретных траекторий развития и механизмов перехода, но и воссоздание динамики кризиса как развивающегося целого, психологического профиля возрастного кризиса вообще. Собственно, такая ориентация задана в работах Л.С. Выготского. Это предполагает некоторую логическую схему, одновременно достаточно широкую, чтобы включить все разнообразие, и конкретную, чтобы стать реальным основанием для эмпирического исследования.

Обратимся к одному из ключевых положений Л.С. Выготского о специфике детского развития – оно касается основного критерия деления детского развития на отдельные возрасты – психологических новообразований. Самое существенное содержание развития в критические возрасты, подчеркивает Л.С. Выготский, заключается в возникновении новообразований, которые в высшей степени своеобразны и специфичны. Главное их отличие от новообразований стабильных периодов в переходном характере. Новообразования кризисов отмирают вместе с наступлением следующего возраста, но продолжают существовать в латентном виде внутри его, участвуя в «подземном развитии» и выполняя роль своеобразного внутреннего каркаса, который обрастает фактурой конкретных мотивов и действий, и определяет направление развития психики в стабильном периоде. Динамическое развитие этих новообразований в период кризиса представляет цепь внутренних изменений, переход от одного способа переживания среды к другому, если переживание понимать как внутреннее отношение ребенка к тому или иному моменту действительности.

В совокупности всей системы отношений ребенка к окружающей действительности выделяется три их важнейших вида: отношение к предметному миру, отношение к другим людям и отношение к себе. Отношение к другим людям признано психологами в качестве центральной образующей личности (Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн), ибо «через других мы становимся самими собой» (Л.С. Выготский). Личность рождается и возникает в пространстве реального взаимодействия людей. «Эстетическое вживание» в мир другого человека, в мир его переживаний, усвоение его жизненного кругозора – это особая форма отношений, более значимых, чем действия и поступки (М.М. Бахтин). Именно эти отношения к другому являются «подоплекой» всего богатства чувств, сознания, ценностных ориентаций, отношения к миру в целом, в конечном итоге являются необходимым условием познания человеком бытия. Человек не только сам относится, но и фокусирует в себе отношения других людей. Личность, таким образом, выступает в качестве своесинтеза собственных качеств и интериоризованных субъектноинтенциональных качеств других индивидов. По существу, подчеркивал В.Э. Ильенков, личность, утратившая самое себя, – это индивид, утративший все личностные, то есть социально-человеческие, связи с другими индивидами, это «ансамбль», все связи между участниками коего прерваны и торчат во все стороны, как болезненно кровоточащие обрывки.

Отношение к предметному миру выражает два рода опосредствованных связей: с человеком через предметы и с предметами – через человека (А.Н. Леонтьев). Первоначально отношение к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, но взаимосвязанные и взаимообусловленные линии развития, переходящие друг в друга.

Отношение к себе выступает в качестве самой первой черты личности, отражая ее «Я» (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.В. Захарова, И.С. Кон и др.). Осознание своего «Я», представляя собой феноменологическое превращение форм действительных отношений личности в своей непосредственности, выступает как их причина и субъект. «Я» не может быть раскрыто только как объект непосредственного осознания, через отношение только к самому себе, обособленно от отношения к другим людям. К осознанию самого себя человек приходит через отношение к нему других людей, отношение к самому себе опосредовано отношением другого. Становление личности, как отмечал Л.С. Выготский, заключается в переходах между состояниями «в-себе», «длядругих», «для-себя-бытия». Эта идея была им проиллюстрирована на примере развития высших психических функций.

Три выделенных вида отношений не изолированы друг от друга, взаимосвязаны генетически и в моменты взаимного пересечения, при их «завязывания в узелки», собственно, и складываются личностные структуры, происходит подлинное рождение личности (А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина). Этот особый скрытый процесс на разных этапах развития выражается по-разному.

По существу, многообразные отношения (и, в первую очередь, отношение к себе, людям, миру), в которые человек вступает в действительности, являются объективно противоречивыми. Их противоречия и порождают конфликты, которые при определенных условиях фиксируются и входят в структуру личности. Выступая движущими силами развития, эти противоречия на разных уровнях развития имеют свои специфические формы проявления. Первые ступени конфликтности этих отношений в онтогенезе выступают в последовательной их смене: «Я и мир», «Я и взрослые», «Я и сверстники», «Я и Я». С определенного момента развития, как отмечает Д.Б. Эльконин, это всегда два человека — Он и Взрослый. Этот взрослый, носитель потенции развития, создающий «зону ближайшего развития» — как бы промежуточное звено между ребенком и обществом, между ребенком и универсумом деятельности. Причем этот «Взрослый» имеет собственное развитие. Сначала взрослый удовлетворяет физиологические потребности ребенка, затем — положительно-эмоциональные потребности, затем образец действий с общественным предметом, затем место взрослого в значительной степени занимает сверстник, затем «я сам» как «я идеальное» и т.д.

С позиции категориального анализа отношения выступают не только как особая характеристика психической связи индивида с действительностью, представленной повсеместно, но имеют еще целый ряд особенностей, раскрывающих все богатство и разнообразие их представленности в личности. Эти особенности обозначены в психологии как спектральные «параметры» (В.Н. Мясищев), «измерения» (Б.Ф. Ломов) отношений, среди которых особенно выделяется их доминантность.

Это представляет систему отношений как иерархию, в которой выделяются доминирующие. Ими становятся отношения, связанные с ведущими мотивами, с жизненными целями, они являются наиболее интенсивными и характеризуют степень и направленность активности человека. Какое именно из всей системы отношений окажется доминирующим, зависит от конкретных условий развития и жизни личности.

По сути, каждый кризис детства, и не только детства, но и взрослости, выступая вехой в рождении и развитии личности, раскрывает преобразование человеческих отношений, переворот которых и обозначает завершение одного этапа развития и открытие неограниченных перспектив другого. Многообразное пространство отношений формирующейся личности в период кризиса динамично по стремительным качественным преобразованиям этих отношений и специфично по репрезентации в них различных сторон и компонентов действительности, в которой живет человек.

Личность существует, как отмечает М. Бахтин, в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пределы. Именно в переломные, поворотные моменты жизни это несовпадение, опережение личностью себя выступает всего отчетливее, ибо актуализируются механизмы преобразования личности, в результате чего появляются психологические новообразования, меняющие формы ее существования и осуществления. В науке итог таких преобразований личности инициируется с понятием «готовность», выступающей автономной характеристикой изменяющегося человека в изменяющихся ситуациях и имеющей, таким образом, свое происхождение, содержание и историю развития.

В многочисленных социологических, психолого-педагогических исследованиях существует тенденция употреблять понятие «готовность» как в широком диапазоне значений, так и в контексте достаточно разнообразного спектра психологических явлений.

Наличие разнообразных сфер, применительно к которым используется понятие психологической готовности человека, свидетельствует о ее сложности, динамичности и многогранности функционирования как психологического феномена, проявляющегося в наиболее значимые моменты жизни человека в качестве психологического новообразования.

В целом, в психологических исследованиях проявляется два подхода к трактовке феномена психологической готовности человека: функциональный и личностный.

Исходным при этом является понятие «готовность человека к деятельности». Первый предполагает понимание готовности к деятельности как состояние мобилизации всех психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективное ее выполнение. Второй интерпретирует психологическую готовность как целостное личностное образование, имеющее специфическую структуру и включающее разнообразные компоненты, среди которых выделяются: мотивационный, когнитивный, эмоциональноволевой, операционально-поведенческий. Рассмотрение характеристик психологической готовности человека к той или иной деятельности, представленных в литературе в русле второго подхода, позволяет обозначить ряд исходных положений в понимании этого феномена.

Во-первых, психологическая готовность человека к деятельности как сложное интегральное психологическое образование выражает общую направленность субъекта на определенную активность, отражая его деятельностное отношение к тем или иным сторонам действительности и к самому себе.

Во-вторых, психологической готовности человека присуща заданная векторизованность активности, избирательность, предрасположенность к определенному образу действия, деятельности, которая является для человека значимой.

В-третьих, это динамическое образование, что предполагает функционирование его на разных уровнях организованности как развивающейся системы, каждый из которых детерминируется спецификой репрезентации ее компонентов и мерой их выраженности. Качественное различие структурных компонентов психологической готовности придает их единству внутренне дифференцированный характер, определяющий особенности развития каждого из них.

В-четвертых, функционирование психологической готовности человека к деятельности как целостного психологического образования определяется снятием барьера между актуальным и потенциальным на всех психологических уровнях ее организации: когнитивном, мотивационном, эмоционально-волевом, операционально-поведенческом.

В-пятых, психологическая готовность человека к деятельности возникает и развивается в пространстве сложной совмещенной структуры противоречий, возникающих в жизненном опыте личности.

Готовность человека входить в новую жизненную реальность, как отражение деятельного способа его существования в мире, не возникает произвольно, в любом, особенно взрослом возрасте. Условия и предпосылки для ее развития создаются еще в дошкольном возрасте и школьном детстве по мере расширения системы связей ребенка с миром, открывающихся жизненных перспектив, в которых действительность выходит за пределы его реальной практической деятельности и прямого общения. Для онтогенетического развития личности психологическую готовность характеризует стремление ребенка к новому и, значит, более «взрослому» положению. В школьном детстве феномен психологической готовности детей как сложное многокомпонентное образование проявляется в критические периоды развития в связи со сменой социальной ситуации развития. По объекту своей направленности определяется как готовность детей и школьников к новой ведущей деятельности, которая развивается в результате взаимодействия детей и взрослых. Само функционирование психологической готовности связывается с мерой успешности детей в новой ведущей деятельности. Такое понимание психологической готовности применительно к ситуации кризиса приводит нас к определению этого феномена как особого интегрального психологического новообразования критических периодов развития. Центрообразующим в многокомпонентном содержании психологической готовности детей к переходу на новый этап развития выступает единство качественных преобразований системы отношений ребенка к миру, окружающим людям и самому себе.

Фазы развития кризиса – предкритическая, кульминационная критическая и посткритическая, таким образом, могут быть поняты как уровни развития психологи-

ческой готовности детей к переходу, каждый из которых детерминируется спецификой репрезентации, доминантностью одного из выделенных видов отношений. В предкритической фазе накопленный в результате присвоения ведущей деятельности опыт ее отношений перерастает наличную ситуацию развития, открывая с достаточной полнотой сферу новых для него отношений, характерных для последующего возрастного этапа. Образ будущего приходит в сегодняшнюю действительность ребенка и рождает стремлений выйти за пределы окружающего. В критической фазе презентируются процессы рефлексивного уровня. Сложное переживание себя в пересечении настоящего и будущего, реального и идеального детерминирует интенциональное «проектирование» себя и преобразование отношения к себе. Несовпадение человека с самим собой в этот период, опережение субъектом себя приводит к переживанию своего подлинного «Я». Достижение посткритической фазы развития сопряжено со своего рода скачком, в результате которого новая деятельность обретает личностный смысл - «значение для меня». Специфика каждого кризиса детства соотносится с неповторимыми качественными особенностями той системы отношений, которая складывается в конкретном возрасте между ребенком и обществом. На ранних стадиях развития ребенка общество открывается в расширяющихся общениях с окружающими, в своих персонифицированных формах, по мере взросления индивида окружающие люди все более начинают выступать через объективные общественные отношения, «личность тем самым приобщается к совокупным субъектам разного уровня» (Б.Ф. Ломов).

В общем онтогенезе развития личности особенно выделяются кризисы 7 и 17 лет как кризисы, коренным образом меняющие жизнь ребенка, способ его существования. Значительность их определяется особенностью переходов. Кризис 7 лет — это переход от семьи к обществу, представленному на данном этапе общественно значимой деятельностью — учебной. Это означает начало дифференциации внутренней и внешней сторон личности ребенка, открытие детьми своей внутренней жизни и себя в качестве социального индивида, что проявляется в появлении обобщенной самооценки, социально опосредованного отношения к действительности. Освобождении от диктата наличной ситуации (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и др.).

Кризис 17 лет, как последний кризис детства, символизирует начало истинной взрослости, личностный смысл приобретает система объективных общественных отношений. Это отражается в переживании своего «Я», своей индивидуальности, своей личности, рождении жизненной перспективы (Л.И. Божович, И.В. Дубровина), в становлении «подлинного авторства в определении и реализации своего собственного способа жизни». Человек выходит на уровень личности исторического плана, став личностью для себя. Юношество — период наиболее яркого кризиса идентичности, обретение которой несет с собой овладение проблемами детства и истинную готовность лицом к лицу встретиться с изменениями взрослого мира (Е.Н. Ericson, J.E. Marsia и др.). последовательные стадии в его развитии и являются не чем иным, как отдельными ступенями этого превращения.

Знаменуя границу школьного детства и взрослости, кризисы 7 и 17 лет отражают кульминационные моменты личностного рождения, развитие внутренних тенденций личности в этот период открывает человеку путь к индивидуальному и свободному вхождению новую взрослую жизнь.

Представленное теоретическое понимание критического возраста легло в основу масштабного экспериментального изучения кризисов «перехода» в школьное детство и выхода из него в едином логическом ключе. Результаты этого исследования показали, что сложная динамика взаимодействия и преобразования системы трех видов отношений отражает качественное своеобразие фаз кризиса, каждая из которых сензитивна к развитию определенной линии отношений.

Становление психологической готовности дошкольников к переходу в младший школьный возраст в структуре кризиса 7 лет детерминировано интенсификацией от-

ношений в системе «ребенок – социальный взрослый» на предкритической фазе, преобразованием отношения к себе в критической фазе, реализацией отношений к учебной деятельности, приобретающей личностный смысл, на посткритической.

Становление психологической готовности юношей к самостоятельной жизни в структуре кризиса 17 лет имеет иную взаимопреемственность в развитии целостной системы отношений к миру, себе, людям. Предкритическая фаза детерминирована интенсивным процессом формирования ценностно-смыслового отношения к миру, в котором аккумулированы выбор и обретение индивидуальных жизненных ценностей, поиск смысла собственной жизни и рождение общего идеального плана будущего. Этот процесс сопровождается сверхоптимистичным взглядом на себя, свои возможности и будущие достижения. Переживание настоящего доминирует над будущим.

Критическая фаза выступает в функции преобразования «себя в мире» в контексте смысловой перспективы, что раскрывается через сложный и противоречивый процесс осознания юношами своих свойств в ситуации выбора одной из жизненных альтернатив. Будущее приобретает черты структурированного плана. Посткритическая фаза реализует внутренний личностный смысл самоопределения себя в мире. Сложный личностно-смысловой кризис 17 лет имеет свои особенности в зависимости от социально-психологических и социокультурных условий жизни юношей.

В целом исследование показало, что критические периоды детства имеют общий психологический профиль вне его сведения к многообразным частным формам (кризисы рождения и одного года, трех и семи лет и др.). Это позволяет наметить общий абрис системы методов научно-психологического сопровождения поступательного возрастного развития, в которое каждая онтогенетическая формация вносит свой неповторимый, самобытный вклад.

Специфические особенности критических периодов и их своеобразная функция выдвигают в качестве центрального направления деятельности психолога на этих этапах психопрофилактику. Рассмотрение психологической профилактики в указанном контексте предполагает комплексную реализацию основных идей развития: идею непрерывности развития, идею возрастных задач развития на каждом этапе, идею особенностей переходных периодов и функционального назначения каждой фазы кризиса, идею амплификации, обогащения развития.

Идея непрерывности развития означает взаимообусловленность всех этапов онтогенеза. В этом контексте в понимании каждого критического периода необходимо исходить из особенностей реализации возрастных задач развития предшествующего этапа. Полноценность его проживания ребенком, исчерпанность его потенциала определяют, насколько сознанию детей открывается с достаточной полнотой сфера новых для него отношений, насколько полно они представляют перспективу нового возраста и его идеальных форм. С этой точки зрения, наступление кризиса должно определяться тем, как проходил предшествующий ему этап развития. Первый уровень психопрофилактической деятельности, таким образом, реализуется в литическом периоде путем создания всесторонних условий для естественного развития детей и раскрытия ими личностного смысла ведущей деятельности.

Второй уровень психологической профилактики осуществляется в период кризиса в контексте закономерностей его развития и функционального назначения каждой из его фаз с позиции сензитивности каждой фазы к развитию определенного вида отношений, с позиции приобретения смыслового опыта. Психологическим объектом воспитания являются отношения и реализуемый в них личностный смысл. Главный принцип психопрофилактики на этом этапе — опосредованность изменения отношений изменением деятельности, т.е. принцип деятельностного опосредования отношений. Суть этого принципа состоит в следующем: для того, чтобы перестроить смысловые образования, необходимо выйти за пределы этих образований и изменить порождающие их деятельности. В содержании этой деятельности должны быть реализованы принципы сбалансированности процессов развития и саморазвития, адекватности

особенностям и возможностям детей, эмоциональная привлекательность и открытость творческой свободе ребенка. Опережающая развитие инициатива взрослого приобретает формообразующее, развивающее действие.

Принцип деятельностного опосредования в сущности позволяет на практике реализовать идею амплификации как широкое развертывание и максимальное обогащение содержания специфически детских форм игровой, практической, учебной деятельности, а также общения детей друг с другом и со взрослыми. Именно на этой основе возможно осуществление развития и формирования той целостной системы отношений детей в критический период, которые создают благоприятные предпосылки перехода и войдут затем в фонд зрелой личности.

PERSONAL NEW GROWTHS OF THE CRITICAL PERIODS OF THE CHILDHOOD

L. I. Bershedova

Moscow city pedagogical university

e-mail: bershedova@mail.ru The article observes personal new growths of the critical periods of the childhood in a context of understanding of development crisis as transformations of children's relations to the world, to other people and to themselves. Development of new growths in crisis is defined as transition from one mode of experience to another and as a result of personal transformations. The special integrated psychic new growth at a crisis situation is the psychological readiness. The paper grounds the specificity of crises of 7 and 17 years as crucial crises changing a child life. The author demonstrates the principle activity of psychologists work in the light of specific features of the critical periods of the childhood.

Key words: specificity of children's development, new growth, development crisis, new growth of the critical periods, critical age, psychological readiness, phases of crisis development, psychological preventive assistance.

УДК 378:159.942

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ ЧЕЛОВЕКА

Е.В. Богданова

Белгородский государственный университет

e-mail: delfina1212@mail.ru Статья посвящена изучению особенностей представлений об эмоциональных переживаниях человека у студентов-психологов с разным уровнем эмоциональной культуры. Дается краткий обзор подходов к исследованию проблемы эмоциональной культуры в психологии. Представления об эмоциональных переживаниях рассматриваются в качестве когнитивного компонента как одного из структурносодержательных компонентов эмоциональной культуры личности. Предлагаются параметры для оценки особенностей представлений студентов об эмоциональных переживаниях человека. Анализируются особенности системы представлений об эмоциональных переживаниях у студентов с высоким и низким уровнем развития эмоциональной культуры.

Ключевые слова: эмоциональная культура личности, эмоциональные переживания, когнитивный компонент эмоциональной культуры личности, параметры оценки когнитивного компонента эмоциональной культуры.

Актуальность изучения эмоциональной культуры студентов-психологов связана с тремя моментами. Во-первых, со спецификой профессии психолога, которая является весьма эмоционально-напряженной и требует актуализации всех имеющихся внутренних ресурсов в силу неопределенности, непредсказуемости и изменчивости предмета профессиональной деятельности. По мнению Е.А. Климова, психолог вынужденно попадает в ситуацию необходимости, с одной стороны, определять проблематику, методы и способы работы, а с другой работает с предметом деятельности, «подобным ему самому», в частности с эмоциями других людей. И если сам психолог не владеет способом развития, обогащения, гармонизации своего эмоционального мира, то врят ли он сможет в этом плане помочь другому человеку.

Во-вторых, результаты исследования типов эмоционального реагирования студентов в ситуации фрустрации, полученные в 2007, показали, что большая часть студентов-психологов чаще направлена не на поиск конструктивного выхода из проблемной ситуации, а на защиту собственного «Я» и на акцентирование самого препятствия. Будущие специалисты-психологи склоны к проявлению агрессии или пассивной позиции, к обвинению различных обстоятельств, других людей и т.д., а не к внутренней работе, поиску причин в себе. Данные особенности эмоционального реагирования является залогом переживания в будущем неуспеха в профессиональной деятельности, так как такие психологи не смогут профессионально и компетентно оказать помощь другому.

Третий аспект, обуславливающий актуальность, состоит в недостаточной разработанности проблемы эмоциональной культуры личности. Проблема определения понятия «эмоциональная культура человека» существует давно и объективно. Теоретически она своими истоками восходит к проблеме неоднозначного трактования понятия эмоций, их функций и реальных связей с деятельностью и поведением человека, с другими условно выделенными психологами принципами, состояниями и свойствами. Проблемой эмоций занимались многие ученые В.К. Вилюнас, Б.И. Додонов, К.Э. Изард, Е.П. Ильин, С.Л. Рубенштейн, П.В. Симонов и др. Что же касается исследований эмоциональной культуры, то в психологической науке на сегодняшний

день отсутствует содержание и определение данной категории. Сам термин в литературе используется достаточно широко, но отсутствует общепринятый и детально разработанный концепт «эмоциональная культура человека», и его определение отсутствует в словарях.

Анализ специальной литературы позволил нам условно обозначить три подхода к смыслонаполнению и исследованию данного понятия. Первый подход синонимизирует понятия культуры эмоций и эмоциональной культуры, основной акцент делается на философском понятии культуры, как совокупности традиций и обычаев. Так эмоциональную культуру изучают с точки зрения культурологического взгляда, и как результат на сегодняшний день мы имеем большое количество работ посвященных, кросс-культурным и этнопсихологическим исследованиям различий, особенностей, общности эмоциональной экспрессии, правил и способов выражения эмоций, в их восприятии, интерпретации, кодировании и декодировании и т.д. (М. Мид., П. Экман, Д. Майерс, Д. Мацумото, Т.В. Гармаева и др.). Второй подход связан с исследованиями эмоциональной культуры как эмоционального интеллекта или компетентности. Авторы данных работ определяют эмоциональную культуру как способность человека. В частности, Р.Бак рассматривает эмоциональную культуру как способность согласованно действовать с внутренней средой своих чувств и переживаний. П. Сэловей подразумевает под эмоциональной культурой способности распознания собственных эмоций и понимания эмоций других людей, владения эмоциями, самомотивацию.

Совершенно другую трактовку понятия «эмоциональная культура» мы обнаруживаем в отечественной психологии (Е.М. Семенова, Н.М. Гаджиева, А.А. Востриков и др.). Эти авторы изучают эмоциональную культуру как часть общей психологической культуры, однако ее функции сводятся лишь к функциям эмоций: отражение, регуляция, управление эмоциями и поведением, и формирование определенного отношения. Эмоциональная культура, по их мнению, способствует самоконтролю, сдерживанию эмоций, избеганию негативных переживаний и конфликтов и не требует от человека никакой созидательной работы по конструированию и преобразованию своего эмоционального мира.

Теоретическую основу данного исследования составляет деятельностный подход и подход к определению психологической культуры Н.И. Исаевой. В нашем исследовании эмоциональная культура личности, являясь инвариантом психологической культуры, представляет собой сложный психологический феномен, рассматриваемый в качестве способа гармонизации личностью стремлений преобразовывать свой эмоциональный мир, переживать эмоции значимые для человека с возможностями их реализации. В качестве одной из составляющих эмоциональной культуры выступает когнитивная ментальность, которая содержательно может быть раскрыта через представления личности об эмоциональном мире, эмоциональной сфере человека.

Эмоциональная культура проявляется, не в способности управлять своими чувствами и переживаниями, в развитии положительных эмоций и чувств, а в способности выстраивать, преобразовывать, изменять и насыщать эмоциональный мир самыми различными переживаниями, что создает богатство эмоционального пространства личности и позволяет человеку жить полноценной жизнью. А это основа достижения успеха в профессиональной деятельности. Таким образом, изучение и учет особенностей развития когнитивного компонента эмоциональной культуры личности студентов-психологов в процессе обучения и профессионального становления позволит повысить качество подготовки будущих специалистов.

Целью нашего исследования является изучение особенностей представлений об эмоциональных переживаниях у студентов-психологов с разным уровнем развития эмоциональной культуры. Мы исходим из предположения, что представления об эмоциональных переживаниях студентов с развитой эмоциональной культурой отличаются когнитивной сложностью, осознанностью и сформированностью. Конкретными диагностическими методиками исследования выступили: разработанная методика изу-

чения эмоциональной культуры личности и модифицированная методика «Незаконченные предложения». Статистическая обработка производилась с помощью табличного процессора Microsoft Excel. Методы статистической обработки: Критерий Фишера, Т-критерий Стьюдента. Эмоциональная оценка описаний «человека переживающего» производилась с помощью программы ВААЛ-мини.

Исследование проводилось на базе факультета психологии Белгородского государственного университета. В нём принимали участие 86 студентов-психологов.

Изучение уровня развития эмоциональной культуры личности у студентовпсихологов позволило нам условно выделить 3 группы с разным уровнем гармоничности эмоционального мира личности

В первую группу, с высоким уровнем развития эмоциональной культуры, вошли 23,3% испытуемых всей выборки. Испытуемые данной группы высоко оценивают сферу своих психологических стремлений и сферу возможностей переживать такие эмоциональные состояния как: веселость, восторженность, удовлетворение, любовь, симпатия к самому себе, волнение от произведений искусства, азарт, гордость за себя и т.д., и степень их реализации, а также значимость определенных переживаний человека и степень соответствия им своего поведения. Что может свидетельствовать о том, что данные испытуемые владеют способом гармонизации эмоционального мира. Во вторую группу попали 55,8% от всей выборки испытуемых. Студенты-психологи данной группы имеют средний показатель гармоничности эмоционального мира между сферами желаний, возможностей и значимостью различных эмоциональных переживаний. В третью группу - 20,9% студентов-психологов. Показатель гармоничности стремлений, возможностей и значимости различных эмоциональных переживаний у студентов этой группы является достаточно низким. Они не имеют ярко выраженных потребностей и стремлений испытывать позитивные эмоции, например, таких как: потребность радоваться успеху и везению других людей, восхищаться своей деятельностью, наслаждаться и т.д. Студенты данной группы не обладают опытом преобразования своего эмоционального мира, не осознают необходимость его обогащения и не владеют способом приведения в гармонию своих стремлений со способностями и необходимостью переживания широкого диапазона эмоциональных состояний.

Сравнительный анализ особенностей системы представлений о человеке, переживающем определенные эмоции, проводился в группах студентов с высоким и низким уровнем развития эмоциональной культуры с помощью контент-анализа по параметрам: когнитивный, личностный и поведенческий; отношение, процесс, результат; ориентация на себя, ориентация на другого.

Статистически значимые различия были выявлены по когнитивному параметру (p=0,03; tcт= 2,11; tkp=1,79), личностному (tcт=2; tkp=1,79 при p=0,03); и поведенческому (tcт=2,64; tkp=1,78 при p=0,01), а так же по параметрам: процесс (tcт=2,2; tkp=1,7 при p=0,02) и результат (tcт=2,7; tkp=1,7 при p=0,006).

Испытуемые с высоким уровнем развития эмоциональной культуры личности, чаще, чем студенты с низким уровнем описывают человека, переживающего различные эмоции, указывая на такие его социальные функции, как «приятный для окружающих», «его уважают окружающие» и т.д. Студенты с низким уровнем гармоничности эмоционального мира при описании различных переживаний чаще указывали на личностные характеристики и поведение человека. Анализ распределения студентов в группах по данным параметрам так же показал, что 35% группы студентов с развитой эмоциональной культурой при описаниях переживаний используют когнитивные характеристики, 50% личностные и только 15% поведенческие. Тогда как в группе с относительно неразвитой эмоциональной культурой 61% студентов описывают эмоции, используя конструкты поведенческого параметра и 39% — личностного.

Это означает, что если для студентов с относительно развитой эмоциональной культурой в представлении определенных эмоциональных переживаний, актуальным является не столько внешнее проявление эмоций, особенности поведения и личност-

ные особенности, сколько когнитивный параметр, содержательно означающий направленность на осознание, рефлексию, познание эмоций и готовность к внутренней работе, связанной с обогащением эмоционального мира. Это дает основание определять представления об эмоциональных переживаниях у студентов с развитой эмоциональной культурой как когнитивно-сложные.

Студенты-психологи с высоким уровнем гармоничности эмоционального мира личности имеют четкие, конкретизированные и сформированные представления, образы эмоциональных переживаний. Это подтверждает высокая частота встречаемости в описаниях ориентации на результат. В концептах эмоциональной культуры это означает, что студенты, владеющие способом преобразования своего эмоционального мира, осознают цель внутренней работы по обогащению и расширению своего диапазона и опыта эмоциональных переживаний. Тогда как студенты, не умеющие приводить в соразмерность свой эмоциональный мир, находятся на начальном этапе пути формирования этих представлений, потому как замечают только внешнюю, проявляющуюся в поведении, сторону различных эмоциональных переживаний. Сравнительный анализ распределения описаний в группах с высоким и низким уровнем развития эмоциональной культуры по параметрам «отношение», «процесс» и «результат» подтвердил различие не только по частоте встречаемости описаний эмоциональных переживаний как результата и процесса, но и по показателю распределения студентов по доминированию этих параметров. Так, у 50% студентов с относительно развитой эмоциональной культурой преобладает ориентация на результат, в то время как, у 55% с низким уровнем развития эмоциональной культуры – в описаниях человека с определенными эмоциональными переживаниями – ориентация на процесс.

Сравнительный анализ по параметру ориентации на себя или другого показал, что студенты, владеющие способом преобразования своего эмоционального мира, в качестве предмета внутренней работы чаще рассматривают собственно эмоции. В то время как студенты, не владеющие способом преобразования своего эмоционального мира, – других людей или себя. То есть для студентов первой группы не столь важно соотнесить себя с другими окружающими, не столь важна и оценка самого переживания в контексте сравнения с собой. Они ориентированы на сущность эмоционального переживания.

Анализ неосознаваемой студентами эмоциональной информации, которую содержит в себе вербальный материал – портрет «человека переживающего», проведенный с помощью программы «ВААЛ-мини» показал следующее. Студенты с низким уровнем развития эмоциональной культуры большинство эмоций неосознанно представляют себе как негативные, это может объясняться тем, что они не владеют способом преобразования, обогащения своего эмоционального мира путем переживания всего многообразия эмоций. Тогда как студенты с относительно развитой эмоциональной культурой разные эмоции представляют по-разному. У них не обнаружена тенденция ни к негативному, ни к позитивному, ни к нейтральному отношению к эмоциональным переживаниям человека, что позволяет им испытывать всю гамму, разноцветье переживаний.

Таким образом, у студентов с высоким уровнем гармоничности эмоционального мира, свидетельствующем о развитой эмоциональной культуре, представления об эмоциональных переживаниях человека характеризуются разработанностью, когнитивной сложностью и достаточно высоким уровнем осознанности.

Список литературы

- 1. Изард К.Э. Психология эмоций [Текст] / К.Э. Изард. СПб.: Изд-во «Питер», 1999. 464 с.
 - 2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства [Текст] / Е.П. Ильин. СПб.: Питер, 2002. 752 с.
- 3. Исаева Н.И. Профессиональная культура психолога образования [Текст] /Н.И. Исаева. М.: Белгород: МПГУ, БелГУ, 2002. 235 с.

4. Ratner C.A. Macro Cultural-Psychological Theory of Emotions / C. Ratner -. N.Y., 2001. – p. 18. 5. Strongman K. T. The psychology of emotion: from everyday life to theory / Kenneth T. Strongman. – Department of Psychology, University of Canterbury Christchurch, New Zealand, 2003. – p. 436.

SPECIFICS OF PSYCHOLOGY FACULTY STUDENTS' REPRESENTATIONS OF PERSONAL EMOTIONAL EXPERIENCES

E. V. Bogdanova

Belgorod State University
e-mail:
delfina1212@mail.ru

The article is aimed at studying the specific of representations of personal emotional experiencesshared among students of the faculty of psychologys with different levels of emotional culture. The short review of approaches to the problem of emotional culture in psychology is given in the paper. Representations of emotional experiences are regarded as a cognitive component of personal emotional culture. The author describes the estimation parametres for specifics of students' representations of personal emotional experiences. The article also discusses the dependence of representations on a high or low level of students' emotional culture development.

Key words: personal emotional culture, emotional experiences.

Махова А.А.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

	СО-Д-
Абрамова Е.С.	аспирантка кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного университета
Аматов А.М.	доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 1 факультета романо-гер- манской филологии Белгородского государственно- го университета
Арштейн Л.И.	соискатель кафедры педагогики Белгородского госу- дарственного университета
Афанасьева О.В.	старший преподаватель Алексеевского филиала Белгородского государственного университета
Багана Ж.	доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета
Бершедова Л.И.	доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Московского городского педагогического университета
Блажевич Ю.С.	аспирант кафедры французского языка, ассистент кафедры иностранных языков №2 факультета рома- но-германской филологии Белгородского государст- венного университета
Богданова Е.В.	аспирантка кафедры возрастной и социальной пси- хологии Белгородского государственного университета
Болгова А.М.	кандидат педагогических наук, доцент кафедры педа- гогики Белгородского государственного университета
Гарагуля С.И.	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Белгородского государственно- го технологического университета им. В.Г. Шухова
Кожемякин Е.А.	кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью факуль- тета журналистики Белгородского государственного университета
Кулакова И.И.	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного университета
Липич В.В.	– доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Белгородского госу-

дарственного университета

ского государственного университета

– аспирантка кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгород-

Меринов І	3.Ю.

 кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного университета

Моисеева С.А.

 доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета

Нагорный И.А.

 доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета

Никитина М.Ю.

– кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

Полонский А.В.

 доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного университета

Попова Я.И.

 магистрант кафедры качества, метрологии, стандартизации, сертификации и управления Севастопольского национального университета ядерной энергии и промышленности

Прохорова О.Н.

 доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета

Харченко В.К.

 доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета

Чекулай И.В.

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка факультета романогерманской филологии Белгородского государственного университета

Шипицына Г.М.

 доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета

Шишкевич Е.В.

кандидат технических наук, доцент кафедры качества, метрологии, стандартизации, сертификации и управления Севастопольского национального университета ядерной энергии и промышленности

на русском

языках

на русском

языке

и английском

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в 2-х экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» nagorny@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович главный редактор); «Педагогика» Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович заместитель главного редактора); «Психология» NIsaeva@bsu.edu.ru (Исаева Надежда Ивановна заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – springmil@mail.ru (Хмеленко Эмилия Владимировна); сайт журнала: http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

- 1) УДК научной статьи;
- 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
- 3) ключевые слова;
- 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);
- 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
 - 6) текст статьи;
 - 7) ссылки.

Технические требования к оформлению текста

- 1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист A4. Без переносов.
- 2. Поля:
- правое − 1,5 см;
- левое 3,0 см;
- нижнее 2,0 см;
- верхнее 2,0 см.
- 3. Шрифт:
- гарнитура: текст **Georgia**; УДК, название, ФИО автора **Impact**;
- размер: в тексте **11 пт**; в таблице **9 пт**; в названии **14 пт.**

- 4. Абзац:
- отступ 1,25 мм, выравнивание по ширине;
- межстрочный интервал одинарный.
- 5. Ссылки:
- номер ссылки размещается в квадратных скобках <u>перед</u> знаком препинания (<u>перед</u> запятой, точкой);
 - нумерация автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта 10 пт.
 - 6. Объем статей: до 8 страниц (Georgia, 11 пт).
- 7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
 - 8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹

Н. Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет

e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосемиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS

N. F. Alefirenko

Belgorod State University
e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Key words: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Н.Ф.

профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Таблица 1

							В средн	нем за
Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	1999-	2002-
							2001 гг.	2004 гг.
РΦ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Таблица 1

								В среднем за	
Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	1999-	2002-	
							2001 гг.	2004 гг.	
РΦ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852	
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656	

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

							В среднем за	
Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	1999-	2002-
							2001 гг.	2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РΦ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
					1,6888	1,6930		1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

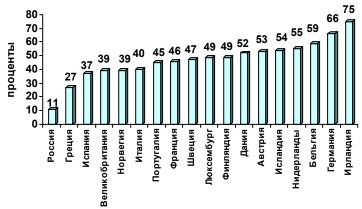
Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

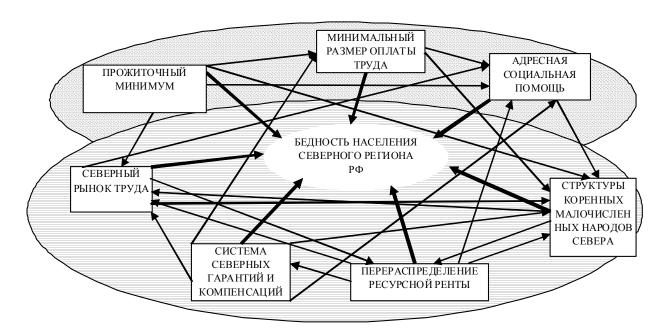
Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

Puc. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

Puc. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

- 3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.
 - 4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.